

Легенды старого Оренбурга

Автор
Г.М.Десятков

Содержание

От автора

Трижды зачатый, да на костях заложенный
Почему Беловку — «Беловкой» прозвали
На Беловке и вокруг нее

1. Освобождение от воинского поста
2. Елизаветинские ворота
3. Часы Гауптвахты
4. Первая многоэтажка
5. Оренбургские оружейники

Гостиный двор

Торговый дом Панкротова
Единица измерения — овраг
Колодец на «На крови»
Работорговец
Се-лев, а не собака
«Ах ты сукин сын, комаринский мужик!»
Причуды губернаторов

1. Губернатор граф Эссен
2. Губернатор граф Перовский

Дом полковника Тимашева

Искусству в городе быть!
Оренбургская железная дорога
Феномен купца Юрова
Казанский кафедральный
В него верю как в Бога!
Беф-строганов или «Ярмарка невест»
Причуды адвоката

1. Дело из-за хвостика
2. Мечь
3. «Дом со львами»

«Привидения» Неплюевского

Боль моя — «Тополя»
История со шляпой или про «Оренбургский каравай»
Приложение

Книга отсканирована и переведена в электронный вид автором сайта
«Старый Оренбург» — Фархатдиновым Наилем.

От автора

О чем эта книга?

Прежде всего — о любви!

О любви к городу, в котором я родился и вырос и, возможно, проведу последние минуты своей жизни... За годы, прожитые здесь, многое пришлось увидеть, услышать, пережить. Услышать от людей, которых ныне нет в живых, которые не смогут передать другим то, что знали и видели... А знали они много интересного! И пусть не всегда их рассказы совпадали с данными официальной науки, пусть не всегда стыковались даты с содержанием архивных дел — их воспоминания представляют определенный интерес для всех тех, кто любит историю, предания и мифы, кто любит свой город так, как его люблю я.

Говорят, что легенда — приемная дочь истории. Основываясь на этом, думаю, что книга эта станет некоторым дополнением к официальным данным, опубликованным в разные годы.

Свое изложение хотелось бы начать с несколько необычного вопроса: можно ли трижды зачать, но быть единожды рожденным? Станный вопрос, подумаешь ты, уместен ли он на страницах книги, делающей попытку приблизиться к истории? И ты будешь прав!

Но тем не менее вопрос этот правомерен, ибо именно такое произошло с нашим городом. В мире нет еще одного такого, с такой необычной и интересной судьбой, как наш Оренбург! Посудите сами: он трижды закладывался, четырежды становился губернским и областным, трижды — уездным, трижды переименовывался, трижды награждался высшими наградами Родины, успел побывать даже в ранге столичных городов — с 1920 по 1925 годы был столицей Казахстана! От некогда обширного Оренбургского края выделились Омская, Тургайская, Акмолинская, Челябинская и Уральская губернии, в 1850 году часть края отошла к Самарской губернии, а несколько ранее — в 1824 году — разделению подверглась Оренбургская таможенная линия на Оренбургскую и Сибирскую.

К 1910 году Оренбургская губерния все еще состояла из пяти уездов: Оренбургского, Орского, Троицкого, Верхнеуральского и Челябинского с населением в 2121 тыс. человек.

Замечательный историк П. Н. Столпянский еще в 1907 году в своей книге «Город Оренбург» писал: «Оренбургская губерния имеет ту замечательную особенность, что если бы каким-то чудом ей пришлось существовать самостоятельно и вполне независимо, то она могла бы обойтись для удовлетворения всех потребностей населения исключительно собственными средствами. Действительно, хлеб, т. е. главным образом пшеница — родится в Оренбургской губернии так хорошо и в таком изобилии, что оренбургский экспорт хлеба занимает одно из первых мест в России; и это — несмотря на то, что обработка полей производится самым примитивным образом, что сельское хозяйство у нас ведется более чем варварски. Урожай колеблется от «сам-пят» до «сам-сем». Соль залегают под Илецком таким пластом (разведанная глубина сплошного залегания соли превышает два километра. Г.Д.), что ее хватит на десять тысяч лет для населения всего земного шара. Медь и железо могут добываться в неисчерпаемых месторождениях по обе стороны Уральских гор... Оренбург

в недалеком будущем разовьет свои естественные силы, пока находящиеся в потенции».

Приходится только удивляться прозорливости оренбургских губернаторов И. И. Неплюева, В. А. Перовского, Н. А. Крыжановского. Закладывая город–крепость, И. И. Неплюев одновременно заложил Меновой и Гостиный дворы, ставшие центрами для летней и зимней торговли, развившие позднее Оренбург в крупный торговый центр с Востоком. В Меновой двор шли многотысячные караваны верблюдов из Ташкента и Самарканда, Хивы, Бухары и Коканда. Только за четыре летних месяца 1910 года на Меновом дворе было куплено более 2805 пудов козьего пуха, 140900 пудов верблюжьей шерсти, 55,5 тысяч голов рогатого скота, каракульских мерлушек более 643,4 тысяч штук, кож и овчин более 516 тысяч штук по цене от 20 копеек до одного рубля за штуку. Ковры бухарские продавались от восьми до двадцати пяти рублей за штуку. Грецкие орехи «шли» до четырех рублей за пуд, а урюк «сахарный» до пяти рублей за пуд.

Всего товаров было продано на 12768378 рублей 25 копеек. По отзывам купцов и торговцев, ярмарку 1910 года по ходу торговли следует отнести к числу неудовлетворительных.

Губерния долгие годы славилась своей пшеницей, просом, пуховыми платками, считалась аграрной. Общее количество скота превышало 3,66 миллиона голов, в том числе крупного рогатого — более 1 миллиона голов, лошадей — 908 тысяч голов. Список замыкали ослы — всего 34 головы.

В то же время, по выражению академика Ферсмана, недра края «содержали в себе всю периодическую систему элементов Менделеева». Медь и никель, железная руда и кобальт, титан, теллур, германий, асбест, яшма — вот далеко не полный перечень его природных богатств. Разведанные россыпи золота позволили вести работу на 134 приисках (статистические данные за 1910 год. — Г.Д.) и добывать до 200 пудов золота в год. В 1842 году был найден уникальный самородок золота весом более двух пудов и 16 фунтов! За 1900–1902 годы было добыто 400 пудов золота и более 1200 пудов серебра. Разработка золота продолжается и в наши дни.

Большой толчок к развитию экономики дал ввод в эксплуатацию 28 октября 1876 года при последнем оренбургском генерал–губернаторе Н. А. Крыжановском Самаро–Оренбургской железной дороги, которая оценивалась как «величайшее событие в жизни Оренбургского края».

С принудительной «общественной запашки земель», введенной В. А. Перовским, стремительно стала развиваться в крае мукомольная промышленность. Со станции Оренбург за 1910 год по железной дороге было вывезено 12 миллионов пудов различных грузов, из которых более восьми миллионов пудов муки и зерна.

«С перевозками зерна, — пишет Столпянский в своей книге «Город Оренбург», — железная дорога не справлялась. Возникали многомесячные очереди».

На первое января 1911 года в Оренбурге проживало 102485 человек в 3244 каменной и 7465 деревянной постройки домах, в казачьем Форштадте насчитывалось 16227 жителей «обоего полу», из коих лишь 3802 человека казачьего сословия. Город обслуживало 57 казенных и 7 церковных магазинов, 847 частных лавок, четыре кинотеатра, шестнадцать водоразборных колонок, два собора и два монастыря, два театра и около 50 церквей и мечетей. Первая электростанция была открыта на набережной

Урала в 1898 году и до 1914 года работала только днем. Главные оренбургские железнодорожные мастерские и «Юрова» мельница имели свои электростанции. На всех предприятиях города работало около трех тысяч человек.

Наверное, можно будет сказать, что именно эти два предприятия послужили основой для развития в городе машиностроительной и перерабатывающей промышленности. Когда-то небольшой провинциальный городок, Оренбург в наши дни по числу жителей вырос почти до шестисот тысяч человек и стал в число крупных промышленных центров страны.

Автор благодарит всех принявших участие в подготовке издания этой книги, особенно Веру Васильевну Шранко — преподавателя оренбургской средней школы № 51.

[\[вперед\]](#)

Трижды зачатый, да на костях заложенный

«Если смотреть на поверья народа вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни»

В. ДАЛЬ «О поверьях, суевериях и предрассудках
русского народа»

Богатые дичью и рыбой, дарами природы и нераспаханными землями, необъятные просторы Южного Урала долгие годы были надежным убежищем «беглых» людей, оседавших в этих краях, начиная с пятнадцатого века. Они занимались земледелием и скотоводством, порой не гнушались совершать набеги на проходившие мимо караваны «хивинцев» — так в те времена называли здесь азиатских купцов, проложивших караванные тропы с Востока на Запад.

Исторически сложилось так, что река Яик стала восточной границей русского государства, на которой не было охраны и кордонных постов. Через нее свободно проходили не только караваны восточных купцов, но и воинственные орды кочевых племен. Для осевших здесь россиян проходы эти не всегда были безболезненны — они подвергались грабёжам, угонялся их скот, забирались в полон для ханских гаремов девушки и женщины. Чтобы своевременно оповестить местных жителей о надвигающейся опасности, на вершинах местных гор выставлялись наблюдатели — заметив приближающиеся столбы пыли и заподозрив опасность, они поджигали дымные костры. Завидев сигнал тревоги, жители покидали насиженные места, прятали скот, скрывались в заранее подготовленных для этого местах. А пункты тревоги стали называться «маяками». Так, у многих населенных пунктов нашего края остались исторически сложившиеся названия: гора Маяк или гора Маячная.

Как считают местные историки–краеведы, первый, кому пришла мысль основать в этих местах форпост русского государства, был Иван Иванович Кириллов. Именно ему 18 мая 1734 года императрицей Анной Иоанновной, до которой дошли слухи о богатствах этого края, выдается инструкция «Об основании в устье реки Орь, впадающей в Яик–реку, города, которому именоваться впредь Оренбурх»!

Больше года потребовалось царскому посланцу, чтобы достичь этих мест. Со всей поспешностью 15 августа 1735 года на горе Преображенской закладывается крепость Оренбург. То было первое «зачатие» будущего города. Приближалась зима. В этих условиях крепость сооружалась слишком поспешно — крепостных сооружений тогда возведено не было. Для гарнизона зимовка оказалась весьма тягостной — кончались продукты, а доставить новые было почти невозможно. Было принято решение отправить из крепости в Сакмарский городок около восьмисот человек. Но дошло туда лишь двести двадцать три человека — остальные погибли от голода и морозов.

Вскоре Кириллов умер. На его место назначается Василий Никитич Татищев. Он решил, что место для закладки города было выбрано неудачно. Сообщение с центром было затруднено, половодьем затапливались большие

площади. Он предлагает перенести город на новое место — при урочище Красная Гора. Работы на горе Преображенской были приостановлены. Позднее на этом месте вырос город Орск.

Меж тем Татищев «со командою» прибыл к урочищу Красная Гора и развернул работы по возведению Оренбурга на новом месте.

То было «второе зачатие» города! Но и оно не привело к долгожданным «родам» — по доносу о злоупотреблениях Татищев был вызван в Сенат и назад больше не вернулся, несмотря на то, что был полностью оправдан.

Следующим начальником экспедиции был назначен Иван Иванович Неплюев. Прибыв на место, он пришел к выводу, что и второе место для строительства города выбрано неудачно. О чем он сообщил в Сенат.

15 октября 1742 года Неплюев получает Сенатский указ «о нестроении Оренбурга при урочище Красная Гора и перенесении его на место, именуемое Бердск». Закладка города переносится в третий раз!

А в урочище Красная Гора казаками позднее была поставлена небольшая крепость—застава, ныне деревня Красногор.

Существует предание, что в обрывистых кручах Красной Горы казаками были вырублены вместительные пещеры—схороны. Хорошо замаскированные естественной растительностью, схороны служили надежным убежищем казачьим пикетам «со конями». Из них велось постоянное наблюдение за азиатской стороной, за перемещениями кочевых племен.

«Хивинцы», планируя набег на русскую сторону, конечно же, знали о казачьих пикетах, но вот где они находились — не всегда. Приходилось постоянно вести разведку мест расположения русских «схоронов»; при этом они проявляли незаурядную сметку — надуют бурдюк и пускают его по течению вплавь. Держась за него, плыл замаскированный «хивинец», на бритую голову которого часто надевалась баранья голова. Долго казаки не могли понять, как их противнику удается избегать ловушек и засад. Потом сообразили! А произошло это, говорят, вот как.

Как-то сидевший в засаде пикет заметил, что по реке плывет вздувшаяся туша дохлого барана. На стремнине ее движение внезапно замедлилось. Ничего не подозревавший дозорный бросил в тушу пик, привязанную веревкой к дереву. Сильно удивился казак, когда увидел, как подпрыгнула в воде «туша», а от нее к противоположной стороне поплыл бритоголовый «хивинец». С тех пор, заметив в реке плывущего «дохлого барана», казаки не стреляли в него, не бросали казачьих пик, а шли следом, маскируясь в прибрежной растительности, дожидаясь, когда либо бурдюк приблизится к берегу, либо когда лазутчик выйдет на берег; тогда бросались на него и брали в плен. Уплыть «дохлому барану» к другому берегу не давали.

В этих местах мне довелось побывать в 1972 году. Местные старожилы показывали места, где, по преданиям, под Красногором в засадах сидели казачьи пикеты. К большому сожалению, до наших дней ни один из таких схоронов не дошел.

Об этой легенде я рассказал Аксену — бывшему преподавателю нашего педагогического института. Склонив голову набок, улыбнулся и в свою очередь поведал легенду, связанную с основанием нашего города.

19 апреля (30-го по новому стилю) 1743 года Оренбург закладывается в третий раз на месте, выбранном Неплюевым. Команда строителей—солдат,

прибывших из Самары, была подчинена генерал–инженеру Штокману. Копая рвы и котлованы, они часто находили в них человеческие скелеты и кости — чьи–то захоронения. Дело–то было вот в чем: когда–то, в незапамятные времена, гора Маяк под Оренбургом носила название Ак–Тюбай, что в переводе с казахского означало «Белый стол». Ногайский хан Басман это место выбрал для своей стоянки — с него открывался прекрасный вид на бескрайние ковыльные степи, лежавшие между Сакмарой и Яиком. Отсюда было удобно подавать сигналы тревоги или сбора: разведешь на вершине костер — столб дыма издалека был виден...

Легенда рассказывает, что откочевал он сюда аж из Крыма, вместе со своей ордой, спасаясь от моровой язвы. С ним вместе пришли сюда и два его мурзы — Алтакар и Битюрjak. Как это в жизни часто бывает, между ними возникла вражда. Хан Басман принял сторону Битюрjака. Обозленный мурза Алтакар ушел от своего повелителя вместе со своими приверженцами. Началась междоусобица, приведшая к кровавой трагедии...

Алтакар оказался не столько сильнее, сколько хитрее своего недавнего повелителя. В нескольких верстах от Ак–Тюбая необъятную степь пересекал обрывистый, широкий и глубокий овраг. Вблизи него и выбрал место для стоянки Алтакар. Однажды его лазутчики донесли, что хан готовит на них набег: воины там оттачивали сабли, перетягивали тетивы на луках. Женщины помогали мастерить стрелы, укладывали их в колчаны.

Собрал своих приверженцев Алтакар и сказал, что в степь дальше уходить нельзя. Догонят — всех перебьют. В открытый бой вступать тоже нельзя — слишком силы неравны. Однако не все потеряно и не все безнадежно. Как только стемнеет, мы сделаем вот что...

Стемнело. С вершины Ак–Тюбая четко были видны костры, разложенные в становище непокорного мурзы, в нескольких верстах от глубокого оврага. Басман собрал воинов и отдавал им последние перед боем указания... Спустя какое–то время приближающийся топот копыт и устрашающие крики нападавших разорвали тишину летней ночи. Но вдруг... раздалось жалобное ржание и хрип коней, стоны нападавших. Передовой отряд хана почти весь погиб в овраге.

Узнав о готовящемся набеге, хитрый мурза перенес свою стоянку на другую сторону, а на дне оврага скрытно установил колья, после чего на прежнем месте развел костры. Взбешенный неудачей и гибелью своих воинов, Басман на сабле поклялся отомстить своему противнику...

Меж тем воины Алтакара под покровом темноты отошли вглубь ковыльной степи, ближе к каменистой круче Яика, на прежнем месте оставив только своих дозорных. Они–то и рассказали, что Басман весь день занимался погребением воинов, извлеченных со дна оврага...

Недалеко от берега реки, где ковыль был самый густой и доходил до плеч воина, как гласит легенда, непокорный Алтакар подготовил своему бывшему повелителю еще одну ловушку. Кто–кто, а он знал, что хан постарается отомстить за гибель отряда!

— Сделаем так, — наставлял своих помощников хитрый мурза, — ты, Асхат, возьми с собой стариков, женщин, детей. Пройдете от тех кустов к вон тому холму. В ковыле оставьте после себя следы, не очень явные, но чтоб с коня их всаднику было бы видно. Ты, Фарид, отберешь наших батыров и к вечеру соберешь на берегу реки. А сделать вам надо будет... Но об этом я скажу вам там, на берегу. И если Басман снова попадет в западню — наши

силы не только сравниваются, мы будем сильнее, мы разобьем их!

Несколько дней подряд батыры Алтакара под покровом темноты с обрывистой кручи Яика перетаскивали глыбы камней в ковыльную степь, ими опоясав свою стоянку. И снова воины хана попали в ловушку — ковыль скрыл подготовленный «сюрприз» — кони на всем скаку налетев на разложенные глыбы камней, переплетенных жердями, ломали ноги, давили своих всадников...

В жестоком бою Алтакар разбил своего повелителя, сам Басман в этой схватке был убит и вместе с павшими в том бою был похоронен, как говорят, на том самом месте, где начинал закладку Оренбурга генерал Штокман. Мурза же вместе со своими приверженцами откочевал куда-то к югу. Там и затерялись его следы...

Говорят, что во времена Рычкова на крутом берегу Яика не только сохранились остатки того кладбища, но еще оставались развалины знака, выложенного из уральских глыб в честь той победы.

Суеверные солдаты-строители и насильно привлеченные к строительству города тептяри, черемисы и бобыли меж собой говаривали: «На костях учрежденный град — покою знать не будет!»

«Стройка сия греховна! — вторили им другие. — Бежать отсель надоть!» Не выдержав каторжного труда, под влиянием суеверных представлений о недопустимости строительства града на костях человеческих, многие бежали. Скрывались в бескрайних киргизских степях. Ловили их специально созданные команды. Неплюев разрешил им беглецов грабить, скот отнимать, жен и девок на усладу брать в собственность.

Таким образом, согласно легенде, наш город был основан на костях воинов кочевого племени. Проходя по улице Выставочной, на которой расположено здание бывшей ВДНХ, а ныне — зал Областной филармонии, глядя на телевизионную вышку и здание райвоенкомата, постоянно вспоминаю, что когда-то здесь находилось первое городское кладбище, что где-то здесь покоился прах моего деда Александра, выброшенный в неизвестном направлении строителями этого района города. Выброшенный вместе с тысячами лежавших здесь костей наших предков...

Такая же участь постигла и монастырское кладбище, и кладбище, расположенное между улицами Терешковой и проспектом Победы, Рыбаковской и 4-й горбольницы. В годы войны здесь шумел «толкучий» рынок — на могильных холмиках местные «купцы» раскладывали свой незатейливый товар. Говорят, что уже в наши дни была сделана еще одна попытка начать снос еще одного городского кладбища с организацией на том месте сквера! Кошунство не состоялось!

Вспоминая это предание, невольно думаешь, как велика преемственность взглядов на прошлое у некоторых наших архитекторов и градостроителей: строить город и его районы на костях умерших...

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Почему Беловку — «Беловкой» прозвали

В знойной степи строилась крепость, строился и город. Его жителям тягостно было переносить «оренбургский дождик», когда не было спасения от зноя и пыли, когда песок хрустел на зубах...

Военный губернатор граф Эссен первым решился вступить с природой в бой — он потребовал от всех домовладельцев перед своим домом иметь палисадник, а каждому жителю «мужского полу», начиная с двенадцати лет, высадить определенное количество деревьев и ухаживать за ними. За выполнением своего приказа следил очень строго. Но растить деревья было трудно — городу не хватало воды. Эссен даже подумывал об устройстве водопровода...

Изнуренные зноем и пылью жители тянулись к реке, я живительной прохладе, в Зауральную рошу. Но та была на благоустроена. Эссен приказывает инженеру генерал-майор Бикбулатову возглавить работы по реконструкция! Зауральной роши — проложить аллеи, произвести посадку! деревьев, выбрать и «облагородить» места под общественные пляжи. Его стараниями Зауральная роша вскоре становится любимейшим местом отдыха горожан. И на долгие годы! В выходные и праздничные дни здесь звучала музыка военных оркестров, посетителей веселили специально отобранные солдаты-песенники. Каждое лето «европейский» берег узеньким свайным мостом соединялся с «азиатским». Рядом с мостом была устроена купальня, здесь же выдавались прогулочные лодки. От широкой аллеи, ведущей к Большой поляне, была проложена целая сеть более мелких. И все они солдатами регулярно посыпались песком. Вдоль сохранившейся и поныне Старицы идет аллея, обсаженная деревьями, по преданию — высаженными еще при Эссене. Крутой, обрывистый берег тоже подвергся реконструкции — по нему к Уралу был сделан крутой спуск-лестница. Чуть левее, прямо от Елизаветинских ворот, ныне не существующих, шла лестница, состоявшая из отдельных маршей в шесть-восемь ступеней и промежуточных площадок между ними для отдыха. Остатки этого спуска, сильно поврежденные и в захлапленном виде, сохранились и поныне. В годы Великой Отечественной войны он был еще в числе действующих. Женщины и дети, тяжело нагруженные дарами бахчевых и картофельных делянок, поднимались по нему «в гору». Параллельно этой лестнице, чуть правее, шла пешеходная тропа, по которой велосипедисты тянули вверх свою огородную поклажу.

Неоднократно подвергалась реконструкции и набережная, но наиболее это стало заметно тогда, когда местные купцы на нее «глаз положили». Везло, правда, не всем — частые пожары уничтожали все дотла... Говорят, что наиболее удачливым был купец Белов — человек почти неграмотный, но исключительно сообразительный и предприимчивый. Он выкупил залоговые обязательства у вдовы купца-погорельца, прежнего арендатора набережной, разбил цветочные клумбы; рядом со старым спуском, у Елизаветинских ворот, поставил павильон-беседку, где продавались прохладительные напитки — после затяжного подъема они пользовались повышенным спросом: во рту-то становилось сухо! На сваях, прямо над обрывистым берегом, соорудил ресторан с «пяточком» в центре зала; то было место для музыкантов. И дело у него пошло! Прямо от ресторана он проложил еще один пологий спуск без ступенек, змейкой доходивший

почти до реки. Этот ресторан дожил до наших дней с укоренившимся у его постояльцев названием — «Поплавок»! Снесли его относительно недавно.

Белов приобретал и дома. И тут же пускал их в «дело» — один из них сдал городским властям под тюрьму. Народ прозвал ее «Беловской». О ней ходила слава, что сбежать оттуда нельзя. Ан нет, оказалось можно! Первыми, кто развеял эту славу, были тридцать два большевика, совершившие групповой побег в декабре семнадцатого. Он был продуман очень тщательно, до примитива был прост, прошел без единого выстрела! Считаю возможным рассказать об этом событии более подробно, тем более что все начиналось в Караван–Сарае.

28 октября 1917 года на заседании Городской Думы выступал губернский комиссар Временного правительства господин Архангельский:

— Господа гласные Думы! В тот момент, когда Временное правительство уже решило вопрос о передаче земель в ведение земельных комитетов, когда выработывались определенные, ясные директивы к приготовлению мира на Парижской конференции, волна политического движения большевизма охватила всю Россию. Москва, Казань, Уфа во власти большевиков... Не растерянностью и полумерами мы на это должны отвечать, а объявлением военного положения, дабы малейшие попытки большевиков к захвату власти не могли быть осуществлены. Мы слишком долго находились в периоде политических колебаний, и я, вместе с войсковым атаманом, объявил губернию на военном положении. Я имею поэтому заявить Думе, что здесь определено попытка к захвату власти большевиками не будет иметь места...

На этом заседании выступил и войсковой атаман Александр Ильич Дутов:

— Граждане! Мне приходится говорить при тяжелых обстоятельствах... Военная власть вручена мне особым совещанием при губернском комиссаре. Приняв эту тяжелую обязанность, я должен заявить, что имя мое на всех перекрестках произносится как имя какого–то диктатора...

Далее войсковой атаман говорил о поддержке казачеством Временного правительства, что оно ждет Учредительного собрания. Свое выступление он закончил следующими словами: «Мы видим нашу многострадальную матушку Россию в изорванном красном сарафане. Она, умирающая, лежит на смертном одре. Осталась последняя надежда на Учредительное собрание. Его надо защищать, но не штыками! Великое народное дело нельзя защищать грубой физической силой! Оно должно стоять на твердом сознании величия его, а такого сознания штыками не взять! Моральная поддержка победит все! Это мы должны всем и везде говорить!» Под аплодисменты присутствующих атаман покинул трибуну.

В этот же день из Москвы в Оренбург приехал Самуил Цвиллинг, который рассказал на гарнизонном собрании о Втором Всероссийском съезде Советов. Собрание открыл председатель РСДРП военной организации Закурдаев. Цвиллинг призвал всех солдат Оренбургского гарнизона переходить на сторону Российской социал–демократической рабочей партии. Его выступление было решено напечатать в газете «Пролетарий», но Дутов закрыл газету, успевшую выпустить всего три номера. Его редактор — Александр Коростелев — был арестован. Через несколько дней по распоряжению войскового атамана закрывается и клуб, где собирались члены местной группы РСДРП. Рабочие на этот арест ответили забастовкой. К Дутову была послана делегация рабочих с требованием освободить арестованных, но... были произведены дополнительные аресты.

Создание центрального стачечного комитета, во главе с рабочим главных железнодорожных мастерских Иваном Андреевым, было ответом на этот арест.

В ночь на 11 ноября в город приехал Петр Кобозев. В Караван–Сарае, где размещался первый в Оренбурге Совел рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, О1 сообщает, что в Самаре и Бузулуке формируются отряд! Красной гвардии, предложил создать в Оренбурге Ревком и потребовать от Дутова передать всю исполнительную власт в руки Ревкома. На следующий день в Караван–Сарае открылось собрание представителей воинских частей, рабочих, эсеров, кадетов, меньшевиков. Цвиллинг поставил вопрос: нужен ли в Оренбурге Ревком? Большинство голосов было решено, что Ревком нужен. Он был избран, но 1 работе приступить не успел, так как Караван–Сарай был окружен частями Дутова, почти все присутствовавшие были арестованы. Всю ночь шли допросы задержанных, но к утру 1 камерах второго отделения Беловской тюрьмы оказалось тридцать шесть заключенных. Четверых вскоре выпустили.

Ответом на этот арест была забастовка всех предприятий города. Железнодорожники постановили — в адрес Дутова грузы не пропускать, они задерживались на станциях Бузулука и Ак–Булака. С этого момента события в городе стали нарастать с головокружительной быстротой: в главных же! лезнодорожных мастерских создается штаб подпольно! Красной гвардии, арестованные объявляют голодовку, шта приступает к разработке плана организации побега, 9 де кабря в тюрьме создается тюремный комитет по подготовь побега, формируются четыре боевые группы...

С передачами к заключенным часто приходила восемнадцатилетняя девушка Софья Баженова. Тюремная охрана привыкла к ней, тщательные досмотры передач продуктов прекратились. Вот в них–то в тюрьму было передано пять наганов и две гранаты французского образца. Договорились о взаимодействии со штабом подпольной Красной гвардии. К побегу практически все было подготовлено, как вдруг заключенным стало известно, что в тюрьме готовится «большой шмон» — обыск. Побег оказывался под угрозой срыва, если стража обнаружит оружие...

Ручные гранаты Коростелев спрятал в банках с сахаром, оружие — в коридоре (днем камеры не закрывались и заключенные свободно общались друг с другом). Обыск прошел благополучно...

За день до побега в тюрьму пришли Андриан Левашов и Константин Котов. Окончательно условились о дне побега — 12 декабря в 22 часа. Договорились об условных сигналах: если в день побега заключенным передадут буханку хлеба — бежать можно, если табак — значит дело «табак», бежать нельзя! На следующий день «с воли» передали хлеб...

Единственная в отделении печь с плитой находилась рядом с караульным помещением. Заключенные решили испечь беляши, на что было получено разрешение от начальника караула. Для этого из женского отделения привели Марию Макарову, арестованную вместе со всеми, единственную женщину. Все заключенные находились в коридоре. Дмитрия Шишова — рабочего главных железнодорожных мастерских — обрядили попом, он начал «служить» политический акафист:

Каркнула большевистская ворона,
Слетела с Керенского корона —
Поучительно–о!
Придет в Оренбург большевистская чума

И дутовскую власть скосит она —
Поучительно—о!
А дутовский начальник милиции Гамбадзе
Похож на обезьяну шимпанзе —
Положительно—о!

Слушать это собрались почти все заключенные и внутренняя тюремная стража. Боевые группы стали занимать исходное положение — Закурдаев с четырьмя беляшами в руках подошел к плите и стал разжигать ее, но она не разжигалась.

— Эй, вы! — крикнул он, — помогите кто-нибудь, у меня с плитой не ладится!

На помощь подошел Цвиллинг с беляшами в руках, за ним — еще двое. Для вида стали переругиваться между собой: «Черти полосатые! Сами жрете, а нам не даете!»

Первая группа на месте... Остальные сосредоточились в коридоре вокруг охранников. У Цвиллинга в руках «кольт», у Шишова — граната. Входят в караульное помещение, раздается команда: «Руки! Не шевелиться, будем стрелять!»

От неожиданности караул замер. Закурдаев и Попов бросились к винтовкам, вынули затворы. У караульных отобрали наганы, погнали всех в одну камеру. Вторая группа обезоружила внутренний караул, отобрала ремни...

Выписка из протокола допроса тюремной охраны: «Я, Иван Петров Попов, младший надзиратель Оренбургской тюрьмы, 12 декабря был дежурным во втором отделении, где содержались арестованные. В одиннадцатом часу пошел в отхожее место. Там на меня набросилось три арестанта, так как руки у меня были заняты, скрутили меня, забрали наган, номер 7707 с семью боевыми патронами...

Л/АОО, ф.6002, оп.1, ед.хр.33/

Вся стража была загнана в одну камеру. Запирая ее, Бурчак-Абрамович присел у двери и сказал: «Хотите жить — не вздумайте толкать дверь, закладываю бомбу!» В руках у него что-то сверкнуло, дверь прикрыл... Стали выходить во двор, а в это время раздался стук в ворота и голос: «Отворяй!» А в будке спал еще один надзиратель, о котором забыли. Обезоружили его, открыли ворота, впустили стучавшего конюха-надзирателя, обезоружили и его. Снаружи беглецов дожидался отряд Красной гвардии.

Из протокола допроса тюремной охраны: «Я, Денис Петров Фурсов, старший надзиратель Оренбургской тюрьмы, 12 декабря 1917 года пришел в третье отделение для проверки наличия арестантов. Но Макаровой здесь не оказалось — она еще находилась во втором отделении, где находилась днем, а на ночь ее переводили в женское отделение. Поэтому я пошел за Макаровой. Заключенные гуляли по коридору. Потом я сел с надзирателями и стал дожидаться Макарову, которая ужинала вместе со всеми. Прошло минут десять, как вдруг на нас набросились. У меня из кобуры выхватили мой наган № 34383...»

Около 24 часов в отделение зашел начальник тюрьмы Крюков Сергей Петрович (возможно Кучеров — фамилия написана неразборчиво). Его поразила тишина в отделении, и лишь из одной камеры доносился какой-то неясный гул. Бросился к ней, рывком распахнул дверь. И первое, что он увидел — группу прижавшихся к стене охранников, закрывших головы руками, с ужасом смотревших на него. Один из них, осмелев и показывая на дверь

трясущимися руками, произнес: «Бомба!»

Крюков нагнулся и от дверного косяка с пола поднял свеклу, в которую была воткнута стреляная гильза...

Напротив сыскного отделения, по Воскресенской, 146, возле дома прогуливалась женская фигура, укутанная в пуховой платок. К ней подошел мужчина и спросил, где здесь дом 146?

— А-а! Это вы! Все готово? Я жду!

— Ждите, сейчас будут! — и мужчина ушел. Через некоторое время в дом к Софье Баженовой вошло восемь человек беглецов. В доме долго еще не смолкал смех, сопровождавший воспоминания об эпизодах разоружения охраны.

Здесь следует сделать еще одно отступление и сослаться на воспоминания Ивана Ивановича Коржеманова, старого члена партии, отбывавшего 14 лет «срок» в местах весьма отдаленных:

— Был я тогда мальчишкой. Сижу дома. Вдруг к нам кто-то постучал в дверь. Открыл. В дверь входят два дутовских милиционера — полиции тогда уже не было. За отцом, наверное, — мелькнула мысль. Оглядываюсь, а отец сидит и смеется!

— Что, Ванюша, не узнал? — спросил он.

Я пригляделся, а это наш сосед — дядя Данилов, переодетый в форму дутовского милиционера! Да еще кем-то был загримирован...

До 1969 года имя гримера широкой общественности известно не было. Его установили следопыты Оренбургского станкостроительного техникума.

Был в Оренбурге такой парикмахер — Семен Клейнерман. Держал он свою парикмахерскую на пересечении улиц Советской и Постникова. И в наши дни там парикмахерская. Вот с ним-то и договорились члены подпольного стачечного комитета, что он загримирует бежавших. Свое обязательство он выполнил. Ни один из бежавших и им загримированных опознан и задержан не был...

С тех пор прошло много лет. Узнал я, что Белов не только скупал дома, арендовал набережную, но и принимал заказы на строительство весьма солидных зданий. Так, при непосредственном его участии, в городе было выстроено здание семинарии, больше известное жителям как летное училище, в котором обучался летному мастерству Юрий Гагарин. Белов был и совладельцем одного из кирпичных заводов в городе.

До сих пор стойко держится в народе название бульвара «Беловка». Название «бульвар имени Свердлова», равно как и другие, которые могут быть присвоены этому месту позднее, думаю, в народе не приживутся. Беловка есть Беловка, так же как Дюма есть Дюма!

Некогда на Беловке стоял обелиск в честь освобождения Оренбурга от воинского постоя — весьма обременительного для домовладельцев закона. Сейчас его нет. Не сохранился и рядом стоявший павильон, где продавались прохладительные напитки. Старый спуск, бравший свое начало от снесенных Елизаветинских ворот, превращен в кучи мусора и практически разрушен. От пологого спуска к Уралу, начинавшегося от «Поплавка», следа не осталось. А как благодарны бы были люди пожилого возраста,

инвалиды, люди, страдающие одышкой, если б он был восстановлен!

Как хотелось бы мне, коренному оренбуржцу, чтоб Беловка и Зауральная роща возродились бы вновь! Чтоб они снова стали местом массового отдыха горожан! Чтоб, как и в прежние годы, вдоль центральной аллеи, ведущей на Большую поляну, и вокруг нее работали бы передвижные буфеты, стояли бы бочки с квасом и пивом, чтоб все это продавалось по доступным народу ценам. Чтоб там было бы все, но без водки! В те годы продавать ее в роще было не принято! Вы согласны со мной?

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Освобождение от воинского постоя

В нашей семье, впрочем так же, как и у многих других в те годы, была традиция — летом воскресные дни вместе с друзьями проводить в Зауральной роще. Тогда она была переполнена отдыхающими. Шли большими, дружными компаниями, прихватив с собой съестные припасы. У всех было там свое излюбленное место. «Нашим» был старый, раскидистый клен, росший чуть правее Большой поляны, шагах в сорока от тропинки, ведущей к «дальнему» пляжу. Непременным атрибутом каждой компании был патефон. Музыка раздавалась чуть ли не от каждого куста...

Направляясь в рощу, мы всегда проходили мимо высокого серого обелиска, стоявшего на месте, где сейчас воздвигнут памятник выдающемуся летчику Валерию Павловичу Чкалову. Его имя было известно всему миру! На вершине того обелиска сверкал нетускнеющим желтым цветом большой шар, похожий на пушечное ядро крупного калибра. Однажды я спросил у отца, что это за обелиск и в честь чего он установлен?

— Пойдешь в школу, узнаешь, — ответил отец, — что наш город стоит на границе между Европой и Азией. В честь этого и поставлен этот монумент!

Долгие годы я был убежден, что это именно так. Ведь мне сказал это мой отец! Да и от многих других приходилось слышать то же самое. Но как-то разговорился с праправнуком одного потомственного оренбургского казака, который поведал совсем другую историю:

— Наш город начинался как военная крепость, вокруг которой и внутри возводились частные дома. В те годы в Оренбурге, наверное, военных было больше, чем штатских. Царским указом все домовладельцы обязывались пускать «на постой» со столом и конем господ офицеров, прибывших сюда для прохождения службы. Каждый из вновь прибывших мечтал попасть не просто в хороший дом — то само собой разумелось, но чтоб и хозяева были бы хорошими, чтоб...

У домовладельца душа болела совсем за другое — за молодую красавицу жену, за подростка-дочь. Господа офицеры не всегда обращались с ними почтительно и уважительно. Семейные драмы на этой почве были нередки. Да и для семейного бюджета весьма ощутимо было содержать приезжего офицера, да еще его коня, для которого тоже нужен был корм!

Главы семейств старались «не дремать» — как только узнавали они, что постоялец собирался уезжать, тут же затевался «ремонт», дому придавался нежилой вид. От очередного постояльца старались избавиться всеми правдами и неправдами! Поток жалоб военному губернатору и просьб освободить от воинского постоя был большим. Доходил он и До царя! В некоторых случаях военный губернатор такие просьбы удовлетворял со следующей резолюцией: «Учитывая тяжелое положение мещанина П., отменяю постой сроком на Два месяца».

Закон о воинском постое сдерживал и развитие города, строительство домов. Невыгодно было строить хорошие дома — от постояльцев не избавишься! Это видел и военный губернатор граф Петр Кириллович Эссен. В декабре 1821 года император, учтя просьбу Эссена и многочисленные жалобы обывателей, своим указом отменил воинский постой.

Вновь приезжавшим господам офицерам стали выдаваться квартирные деньги

«по чину» — от 600 до 1200 рублей в год, что было совсем «не много», если учесть, что хорошая корова, тогда стоила около пяти рублей! Вот в честь такого события и был поставлен этот монумент. Освобождение от воинского постоя положительно сказалось на развитии городского строительства — после этого указа домовладельцу стало некого и нечего бояться. В доме без согласия хозяина незваный] гость появиться не мог!

Лежат передо мной две открытки дореволюционного Оренбурга с этим обелиском. Вот только подписи на них разные:

На одной — «Оренбургъ. № 25. Памятник–колонна (1822 г.)»

На второй — «Оренбургъ. Монумент Александру I. № 21»

Эти открытки видов старого города выполнены между 1900 и 1907 годами. Неужели издатели тех лет допустили ошибку, на которую в своей книге «Над Уралом–рекой» указывает В. Дорофеев? Он считает, что мнение о том, что обелиск был установлен в честь императора Александра I, ошибочно, так как Оренбург он посетил лишь два года спустя.

Это абсолютно точно! Но почему отбрасывается второе предположение, что благодарные жители–домовладельцы воздвигли монумент Александру I как признательность за то, что он своим указом 1822 года снял с них тяжкую обузу, коей являлся Закон о воинском постое? А его приезд двумя годами позже в этом случае просто ни при чем! Александр I в городе был и, как гласит легенда, даже посетил городскую тюрьму, в которой содержался таинственный узник «под номером», без имени. Они имели приватную беседу с глазу на глаз продолжительностью более получаса. Некоторое время спустя тот узник был освобожден и специальным конвоем вывезен в столицу. Ну чем не тема для наших писателей–фантастов и исследователей–краеведов?

Но вернемся к колонне–обелиску. В наши дни его нет — снесли, как и многое другое. Но он — частица истории нашего города. Восстановить его — проблема не из самых сложных, тем более, что плита с памятным текстом, некогда находившаяся на обелиске, как говорят, сохранилась и находится в областном краеведческом музее. Начиная с XVIII века, городские власти страдали хроническим отсутствием средств на строительство, на реконструкцию, на здравоохранение, на народное образование, на содержание полиции, на обеспечение жителей водой, на...

Думаю, что и наша администрация города из этого правила не будет приятным исключением. Может быть найдется спонсор, который восстановит частичку истории нашего города? И вот тогда у обелиска остановится экскурсионный автобус с приезжими туристами, а вышедший из него гид расскажет гостям нашего города историю, только что прочитанную вами. Расскажет эмоционально!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Елизаветинские ворота

Когда-то против Казенной палаты (Советская, 2) стояло очень интересное сооружение в виде ворот. От них начинался спуск к Уралу по ныне разрушенной лестнице, о которой ранее рассказывалось. История их появления представляет определенный интерес.

Смотрю на увеличенную фотокопию открытки — ворота образуются двумя колоннами с нишами. В них установлены женские скульптуры (не дай Бог такой женщине во сне тебе присниться!), держащие в руке пальмовую ветвь. Другая рука опирается на щит. Ниши соединены перемышкой, покрытой кровельным железом, которое четко видно на снимке. По ее краям — маленькие, прикрытые башенки. Над поперечиной-перемышкой архитектурная деталь с изображением российского герба в центре. Под ним дата — 1755 год. Герб окаймлен символикой триумфа победы. От ворот в обе стороны идет металлическая ограда на каменной кладке. Правая ее часть упирается в Беловку, левая ведет к гауптвахте. Все сооружение было оштукатурено, что четко видно на снимке по обнаженным участкам отлетевшей от времени штукатурки.

Но главное — дата, 1755 год! Она указывает на какое-то событие! Полистаем историю Оренбургской губернии: в 1755 году в башкирских степях вспыхнуло восстание под руководством Алаева. Оренбургский губернатор И. Неплюев получает приказ: решительными мерами подавить эту смуту! Решительными мерами и в короткий срок Неплюеву удалось выполнить его — восстание было подавлено. Победную реляцию императрице Елизавете Петровне он направил со своим сыном Николаем Ивановичем. Он был немедленно принят государыней. Внимательно выслушав посланца оренбургского губернатора, императрица пожелала, чтоб в Оренбурге лицом на киргиз-кайсацкую степь были выстроены ворота в виде Высочайшего подарка. Узнав об этом, И. И. Неплюев в 1755 году приказал на Водяных воротах городского вала установить подарок императрицы — каменные ворота лицом к Меновому двору. Позднее их дважды переносили, пока не оказались они напротив Казенной палаты перед спуском к Уралу. Некоторые старожилы рассказывали, что эти ворота обладали магической силой — стоило парню сфотографироваться под ними с любимой, его ждала победа — девушка обязательно становилась его женой!

Вот как в 1907 году описывал эти ворота Столпянский: «Ворота эти каменные, шести аршин в ширину, трех с половиной высоты, боковые столбы сложены из кирпича и оштукатурены, перекладина над воротами — деревянная, свех ворот на перекладине, между маленькими четырехскатными крышами над столбами, утвержден ребром плоский белый камень, на коем высечены украшения, состоящие из знамен с древками, ружей, секир, пушечных ядер, барабанов, сигнальных рожков, задних частей орудий, кои окружают государственный герб. В середине герба, снизу, поставлены переплетенные инициалы И. Р. Е. и под ними год — 1755.

Инициалы означают Императрица Российская Елизавета.

Кроме этих украшений, в углублениях-нишах столбов с лицевой стороны поставлены два ангела, держащие по щиту и пальмовой ветви. Ангелы высечены из белого камня и скорее похожи на каменных баб, находимых в степи, чем на ангелов.

Вот здесь П. Столпянский был безусловно прав. Посмотрите на изображения этих «ангелов»...

Ныне эти ворота — частица истории города — снесены, как и многое другое. И если старый спуск к Уралу будет восстановлен, безусловно стоило бы восстановить и его начало — Елизаветинские ворота, тем более, их детали, как говорят, еще целы и лежат в каком-то дворе. Историко-архитектурное украшение нашего города от этого только выиграет.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Часы Гауптвахты

На набережной Урала, у входа на Беловку, останавливается автобус. Через его раскрытые двери высыпается очередная группа приезжих туристов, осматриваясь вокруг. В этот момент заиграли часы гауптвахты. Начальные такты песни Г. Пономаренко «Расцвели оренбургские степи» привлекли внимание всей группы.

— Во-о! Смотрите, крепость какая-то! — громко говорит один из них, обращаясь к своим спутникам. Все взоры устремляются в одну сторону. — ...И Пушкин перед ней... «Сидел», что ли, он тут?

— Не-е, в Оренбурге Пушкин не сидел, он тут «Капитанскую дочку» писал, потому и сидит, наверное, перед этой крепостью... А «сидел» он...

Но здесь вниманием туристов завладел экскурсовод.

Почему-то это здание, стоящее над обрывистой кручей Урала, многие называют «крепостью». Очевидно, за своеобразную архитектуру и декоративную башню да узкие окна, отдаленно напоминающие бойницы. Но это не крепость. Здание построено в 1856 году при генерал-губернаторе графе В. А. Перовском и первоначально предназначалась для хранения генерал-губернаторского архива и ценных бумаг, но было приспособлено под гауптвахту. Более ста лет здесь отбывали «установленный командиром срок» нарушители воинской дисциплины Оренбургского гарнизона. Один из отбывавших в ней наказание рассказывал мне, что в среде курсантов наших военных училищ бытовал неписанный закон — вышел с «губы» — распишись на одном из ее камней! На кирпичах торцевой стены до недавнего времени можно было прочесть имена ее бывших «постояльцев». В наши дни здесь разместился музей города Оренбурга. Но попал он сюда не сразу — после, длительных переговоров с военным ведомством.

Кроме своеобразной архитектуры, гауптвахта интересна своей башней, даже не столько башней, сколько историей, связанной с часами, когда-то установленными на ней. Их музыкальный перезвон каждые полчаса далеко разносится с обрывистого берега Урала, замирая где-то в азиатской дали.

Но «играют» не те часы, что были здесь установлены во второй половине XIX века. Легенда до наших дней донесла предание, что задолго до революции с таможенной башни Гостиного двора были сняты часы, «ходившие» на ней всего два года и остановившиеся. Им требовался ремонт. К сожалению, у арендаторов Гостиного двора то ли не было денег на ремонт, то ли было жалко их тратить, то ли не находился человек, который смог бы их запустить; а может быть, просто сочли и не нужными здесь, не знаю! Говорят, что по повелению какого-то одного из последних оренбургских генерал-губернаторов эти часы были сняты, отремонтированы и установлены на башне гауптвахты, чтобы не смотрела она своими пустыми глазницами. Наверное, и в наши дни продолжали бы они отсчет времени отсюда, не приключись с ними прелюбопытнейшая история: в тридцатых годах наша область входила в состав Приволжского военного округа (ПриВО). Часы эти приглянулись приехавшему в Оренбург с инспекционной поездкой одному из высокопоставленных начальников штаба ПриВО. По его указанию с гауптвахты их сняли (и правильно — зачем арестованному знать время?) и перевезли в Самару, где в то время строился Окружной дом офицеров. Наши областные власти, видимо, серьезно не возражали против их демонтажа. С тех пор историческая

реликвия нашего города украшает башню Окружного дома офицеров в Самаре. Такова легенда...

Между тем декоративная башня гауптвахты долгие годы смотрела пустыми глазницами на город и седой Урал. Смотрела до тех пор, пока группе местных жителей, любящих свой город, не пришла мысль изготовить новые куранты. За советом и помощью обратились к местному асу—часовщику Николаю Степановичу Кузнецову. Много ли таких было в нашем городе — точно не знаю. Но мне известно было имя еще одного часовщика—умельца Андрея Куцевалова, любившего возвращать к жизни самые хитрые часовые механизмы, от ремонта которых отказывались многие мастера. Но вернемся к Кузнецову.

Николай Степанович уделил много времени знакомству с устройством различных курантов. Вскоре им были разработаны чертежи деталей будущих часов. Детали для них изготавливала группа оренбургских заводов. Семь колоколов — шесть для перезвона, один для боя, отлили на тепловозоремонтном заводе. Общую сборку поручили слесарю завода «Металлист» Михаилу Васильевичу Шадрину — дяде Мише, как звали его все на заводе. Он был человеком богатырского телосложения, под два метра ростом. Ему поручались самые сложные и ответственные производственные задания, для выполнения которых требовалось не только умение, но и сметка.

Мне довелось работать с дядей Мишей. Помню, как собирал он «узел компенсатора» одного из опытных гидравлических прессов: представьте себе закаленную стальную плиту толщиной миллиметров восемьдесят. В ней тридцать шесть отверстий, в каждом из которых должен перемещаться плунжер, но не свободно, а только при нагрузке на него в четыреста граммов. Положи триста девяносто — плунжер должен стоять на месте. Такое соединение деталей, с такими «жесткими» техническими требованиями можно получить только притирочно—доводочными операциями, чрезвычайно трудоемкими, ответственными, не терпящими поспешности. «Прослабь» хоть один плунжер — весь узел уходит в брак. Видимо, именно поэтому для общей сборки курантов, для их доводки, выбор пал на Михаила Васильевича Шадрина. Он блестяще справился с этим необычным заданием! Сейчас на завод ему на смену пришел его сын Виктор - он начальник отдела технического контроля завода.

Наконец настал момент, когда пустые глазницы башни гауптвахты были закрыты циферблатом новых курантов, сработанных местными умельцами. Часы — маятниковые. В действие их приводят гири, которые поднимаются на двенадцатиметровую высоту. Вес их разный: для хода — 120 килограмм, для боя — 180, для перезвона — 210 килограмм. «Заводятся» они на семь суток, точность хода плюс-минус десять секунд. Диаметр циферблата — почти полтора метра.

Ну а мы, горожане, каждый раз, отдыхая на Беловке или загорая на пляже, слушаем мелодичный перезвон возрожденных оренбургскими умельцами курантов, вспоминаем аса—часовщика Николая Степановича Кузнецова и дядю Мишу с завода «Металлист».

Но тише... Куранты начали перезвон, сейчас начнут «бить»... Остановимся и послушаем их!

P.S. Когда рукопись была сдана в издательство, я встретив человека, стоявшего у истоков возрождения курантов. Юрий Дмитриевич Гаранькин, в те годы председателе горисполкома, рассказал:

— Для того, чтоб здание гауптвахты вместе с вывезенны' ми часами были возвращены городу, обратились к начальни ку Главного политического управления Советской Арми — генералу Епишеву. Здание городу было передано. А вам куранты так и остались в Самаре. По словам генерала, на здании штаба округа для них специально башню поставили. Пришлось изготавливать новые, да еще — в двух экземплярах! Вторые для звонницы предназначались. Все остальное, с небольшими отступлениями в деталях, рассказано в вашей легенде.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Первая многоэтажка Оренбурга

Прямо напротив Беловки стоит одно очень интересное здание, с не менее интересной «биографией». Построено оно до революции и было первым из многоэтажных в нашем городе. Затрудняюсь сказать, сколько в нем этажей — смотря с какой стороны посмотреть.

Если ты, уважаемый читатель, пойдешь на Беловку к Уралу, то на его торце насчитаешь пять этажей (Советская, дом 1), только четыре — если помотришь на его левое крыло, и всего три, если посчитаешь этажи по его фасаду, смотрящему на Зауральную рошу.

Пройди. Посмотри. Посчитай!

Одним из первых в городе оно имело свой водопровод, а самое интересное — в нем была установлена «электрическая машина для подъема тяжестей» — прототип грузового лифта.

Это здание нам хорошо известно потому, что оно принадлежало ныне расформированному Оренбургскому высшему военному авиационному училищу летчиков имени дважды Героя Советского Союза И. С. Полбина, всему миру известно еще и потому, что в его стенах учился Космонавт № 1 Юрий Алексеевич Гагарин. За количество Героев Советского Союза, учившихся здесь, в народе его по праву называли «Училищем Героев». Кто-то подсчитал, что из всех летчиков — Героев Советского Союза — наше училище окончило десять процентов!

Но хотелось бы рассказать о малоизвестных страницах в «биографии» этого здания.

Первоначально оно предназначалось для воспитания и обучения детей офицеров, служивших в степях Туркестанского округа. Старожилам города известно как 2-ой кадетский корпус. Окончилась гражданская война. На короткое время Оренбург становится столицей обширного края. Здесь формируется правительство КирЦИК, в стране формируется Красная Армия. По своему составу она сразу стала многонациональной. Некоторые красноармейцы плохо или совсем не знали русский язык. Нужны были командиры, свободно говорящие на своем родном языке. Специальным декретом правительства в стране были открыты школы для подготовки командных кадров из числа нацменьшинств. Одной из таких и была «18-я Оренбургская пехотная школа комсостава имени КирЦИК». Нас она очень заинтересовала, но с кем бы мы ни заговорили, рассказать о ней ничего не могли. Между тем в фондах областного краеведческого музея лежит около сотни стеклянных негативов, на которых фотографом Евсеем Ефимовичем Блехманом запечатлены жизнь и быт этой школы — вот курсант с винтовкой овладевает искусством штыкового боя, отрабатывая команду «длинным — коли!» На другом — курсант с винтовкой преодолевает ров, на третьем — группа курсантов выводит коней из железнодорожных вагонов. Но больше всех нас заинтересовал негатив, запечатлевший момент вручения знамени одним командиром другому перед строем красноармейцев. На знамени вышито «ВЦИК» и герб РСФСР. Характерный рисунок полотнища аналогичен рисунку на знамени ВЦИК, которым был награжден наш город в годы гражданской войны.

К тому времени мы уже знали, что знамя ВЦИК было высшей революционной наградой молодой Советской республики. Дело оставалось за малым —

установить, за какие заслуги оно было вручено этой школе? Почему в начале двадцатых годов ее посетили Михаил Калинин, Емельян Ярославский, Семен Буденный? Несколько раз нам попадался негатив, в самом низу которого стояла подпись «народный фотограф КирЦИК Е. Е. Блехман». Возникла мысль сделать попытку отыскать его, и если он жив — встретиться! Мы знали, что правительство Казахстана выехало из Оренбурга в Кзыл–Орду в 1925 году, в 1929 — в Алма–Ату. Написали в областные газеты этих городов просьбу откликнуться всех, кто что–либо знал о 18–й пехотной школе, о фотографе Блехмане. Но ответа не дождалась. Помощь пришла совсем с другой стороны — газета «Комсомольская правда» в одном из своих номеров рассказала о наших следопытах, ведущих расшифровку этих негативов. Поместила несколько фотографий из этого фонда. Спустя некоторое время мы получили домашний адрес и телефон Евсея Ефимовича Блехмана, единственного из всех фотографов страны, которому было присвоено звание «Народный фотограф». В те годы он был еще жив и продолжал трудиться в фотографии «Динамо» города Алма–Ата на том же самом аппарате, которым делал снимки в Оренбурге! Он пригласил приехать к нему в гости, сказал, что там проживает много наших земляков...

И вот мы с Людмилой Мухиной и Наташей Григорьевой в Алма–Ате! Здесь мы узнали, что нас ожидает встреча с бывшим командиром учебного эскадрона 18–й Оренбургской пехотной школы Федором Шерстюком.

Нас встретил мужчина высокого роста с руками, о кулаках которых в народе говорят — «пудовые»! Было видно, что встреча с нами его сильно взволновала — «тремор» рук выдавал его, да и глаза порой «увлажнялись»!

— Встречаю вас, ребята, как самых дорогих гостей! Вы — дороже для меня, чем любимый сын! Он ко мне может приехать когда захочет, вы же — в первый и, наверняка, в последний раз... Проходите и знайте, что с собой вы привезли мою молодость, любовь, память о моей юности! Проходите!

На столе — дымящиеся пельмени и все, что в таких случаях положено... Неосторожно я сел по правую руку от хозяина. Нахлынувшие воспоминания о годах своей юности, проведенной в Оренбургской пехотной школе, настолько взволновали бывшего командира, что он, постоянно повторяя: «Нет, ты знаешь!», дружески хлопал меня своим кулаком по левому плечу.

На следующий день рука не работала...

— А знаете, ребята, что в Оренбурге я что–то украл? — (хитрецой сказал Шерстюк. — До сих пор об этом не жалею. Всю жизнь вожу с собой! И доволен! Вот она! — и показывает на свою смутившуюся хрупкую жену. — Украл, когда ей не было и шестнадцати. С тех пор мы постоянно вместе!

Федор Шерстюк, а он сразу попросил нас называть его только Федором, без отчества, («Так, — сказал он, — я лучше буду чувствовать свои юные годы, Оренбург и все, что ним связано!»), рассказал много интересного о жизни и быте 18–й пехотной школы, за что ее наградили Почетным Революционным знаменем ВЦИК...

— Губерния в те годы была охвачена бандитизмом. В начале двадцатых годов наводили ужас на мирных жителей имена главарей Шаги–Ахмета, Серова, Охранюка, Сарафанкина. Каждая из банд порой насчитывала не одну тысячу активных сабель. Про Охранюка, например, говорили, что он был командиром в Красной Армии, даже дважды был награжден боевым

орденом, но потом спился, кутить стал с женщинами, постепенно докатился до грабежей. За участие в ликвидации таких банд школа и была награждена той высокой наградой. Банду Серова ликвидировали быстро, а вот с Охранюком дело было много сложнее... Его отряды не только грабили и убивали местных жителей, они нападали на санитарные поезда, санитарок насильовали, командиров убивали. Разбили его под Темиром, вот только самого не поймали — ушел с отрядом человек в триста. Говорят, в Персию... Золота награбил, говорили, килограммов сорок. Помощницей у него какая-то баба была, Маруся. Отлично владела конем, пашкой, казачьей пикой... Слух был, что какое-то отношение она имела к царской фамилии... Но то были только слухи. Никто их позднее не подтвердил. В Оренбурге у нас был подшефный детдом, приют — как тогда их называли. Помещался он в здании бывшей мужской гимназии. До гроба не забуду голодные глаза детей... Многие даже на ногах стоять не могли... С продуктами было тогда туго. Мы, командиры и курсанты, отчисляли им свои продуктовые пайки... многих тогда от голода спасли.

Позднее, работая в архивах, я нашел и ознакомился с содержанием двух папок, на полях которых стоял гриф «Сов. секретно. Оперативно». В них хранились подлинники телеграмм и сообщений о зверствах отрядов Охранюка, о набегах на санитарные поезда. В Подмоскowie нашел я и участника боя под Темиром — Степана Кузьмича Дудко. Он поведал о слухах, ходивших в курсантской среде: «Була у Охранюка любовница. Кликали ее Маруськой. Баба — во-о була. Коняка там, пашка — усе ей було с руки. Под Орском набегами командувала. Баба — а в помишниках у Охранюка була! Много воны добра грабанулы... У Персию уйшлы. Не споймали мы их!"

Так была расшифрована еще одна малоизвестная страничка из истории нашего города.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Оренбургские оружейники

Рядом со зданием кадетского корпуса, на Советской (дом 3), стоит здание бывшего ордонансгауза. Для нашего города оно имеет определенную историческую ценность, так как в его стенах бывал поэт Плещеев, польские революционеры, возвращавшийся из ссылки Николай Чернышевский, Тарас Шевченко...

Позднее городские власти для содержания арестованных подыскивали другое место, а это — 27 августа 1868 года — по инициативе генерал-губернатора Н. А. Крыжановского было передано для организации первого в городе ремесленного училища. Следует отметить, что Н. А. Крыжановский в истории развития культуры нашего города занимает одно из ведущих мест, но почему-то его деятельность незаслуженно скромно отмечается нашими историками-краеведами. При нем были открыты мужская и женская гимназии, ремесленное училище, несколько других учебных заведений, а главное — была задействована железная дорога.

Но вернемся к ремесленному училищу. Кроме общеобразовательных предметов, Закона Божьего, церковного пения, здесь изучались техническое черчение, технология металлов, основы механики и теория холодной обработки металлов. На практике проходили кузнечное и литейное дело, приобретали навыки работы на токарных станках, знакомились со столярным делом. Занятия длились по десять часов в день. Специалисты выпускались хорошие, и попасть в училище было делом далеко не простым.

В одноэтажном здании стало тесно. К 1900 году был надстроен второй этаж, была произведена перепланировка здания. В общем-то училище как училище, каких по России в то время было уже много. Но примечательным было то, из его стен была выпущена группа оружейных мастеров набранная из солдат расквартированного в Оренбурге Ларга Катульского полка. Был в этой группе шупленький и низ корослый солдатик Семенов, которого за что-то невзлюби. командир учебной роты, постоянно издевался над ним. Осо бенно тяжело было солдату в спортивном зале. Физическую слабому не давались упражнения на гимнастическом коне лазание по канату, шестиметровому шесту. Именно здесь старался ротный унижить солдата — превратить достоинства человека в ничто! Были не редкими случаи и рукоприкладства. Эти издевательства видели солдаты-сослуживцы и как могли ограждали от них Семенова.

Группа была выпущена в канун 1-ой мировой войны Полк был направлен на фронт и воевал в районе Рава-Русская-Львов-Перемышль. Русским противостояли австрийские войска. За спиной полка, занявшего позицию по вершине какой-то горы, было небольшое польско-украинское местечко, в котором были расквартированы тыловые части. Од нажды, ближе к вечеру, Семенов был послан проверить исправность станковых пулеметов непосредственно на передовой. Пока он возился с пулеметом, «первый» номер улучшал маскировку своего окопчика, «второй» пошел получать коробки с пулеметными лентами и, так как их подвоз по неизвестной причине задержался, остался в селе! Семенов остался на ночь с «первым», да так и уснули, надеясь на боевое охранение...

Командир полка получил приказ: «Ночью, скрытно от противника, без шума вывести полк с занимаемых позиций». Солдаты начали отход, забыв о своих пулеметчиках, находившихся в отдельном окопе. Кто из них проснулся первым — того история не сохранила. Проснувшийся на

рассвете сп какой-то смутной тревоги, хорошо известной бывалым фронтовикам, выглянул из окопа и в предрассветной мгле увидел поднимавшиеся в гору цепи австрийских солдат. Растолкал напарника, сам приник к пулемету и открыл огонь. В начале войны в полках русской армии было не так много пулеметов, чтоб оставлять их противнику. Командир полка, услышав, что на оставленных позициях строчит русский пулемет, дал команду его отбить! Солдаты бросились на выручку своих оставшихся товарищей...

Австрийский наблюдатель-разведчик заметил поднимавшиеся в гору русские цепи, не зная о том, что ночью именно ими позиции были оставлены, посчитал, что направлена подмога, ракетой дал сигнал тревоги. Увидав и в местечке суетившихся русских солдат, продублировал сигнал опасности. Австрийцы повернули назад. Говорят, что о бое двух русских солдат было доложено лично Брусилову. За этот бой Семенов получил своего первого «Георгия». Спустя некоторое время — второго! Ближе к концу войны он стал полным Георгиевским кавалером! Мне рассказывали, что в соответствии с Уставом царской армии полного Георгиевского кавалера при встрече первым приветствовал (отдавал честь), вне зависимости от звания, каждый военнослужащий. Так отдавалась дань мужеству человека. И если это было действительно так, почему бы и в нашей армии не восстановить тот хороший обычай?

Семенов получил отпуск. Прибыл в Оренбург, решил зайти в казармы, где некогда обучали его военным премудростям. По двору казармы навстречу шел его бывший ротный. Оба узнали друг друга. Поравнялись. Семенов хотел было пройти мимо, не отдав чести, но ротный наотмашь Ударил его по лицу — настолько велика была ненависть к солдату.

— А-арестовать эту мразь! — рявкнул ротный. — Под арест его!

Приказ был выполнен. Семенов был посажен на гауптвахту. Вот тут-то и вышла одна заковыка! Посажено-то он был посажен, да вот выводить из гауптвахты полного Георгиевского кавалера полагалось под духовой оркестр, да еще при развернутом знамени полка. То был позор, но не для Георгиевского кавалера! За эту «оплошность» ротный был отправлен на фронт. Опасаясь солдатской расправы, он всегда ходил в сопровождении своеобразного эскорта — слева, справа, впереди и позади себя он обязательно ставил солдат. Но и это не помогло — он был убит в период затишья на Стрыйском шоссе близ Львова случайно залетевшим снарядом.

А в Оренбурге долгое время продавались папиросы «Семеновские» с портретом Георгиевского кавалера да почтовые карточки в магазине Шанина, что располагался в Гостином дворе по улице Гостинодворской. Историю эту рассказал мне бывший оружейных дел мастер, окончивший то ремесленное училище вместе с Семеновым и долгие годы работавший в учебных мастерских Оренбургского техникума железнодорожного транспорта. В годы Великой Отечественной он ремонтировал оружие эвакуированной в наш город Военно-Воздушной Академии.

(В связи с некоторыми обстоятельствами фамилия героя очерка автором изменена).

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Гостиный двор

Есть в нашем городе архитектурный комплекс не менее интересный, чем Караван–Сарай. Это — Гостиный двор. Он занимал когда–то весь квартал, ограниченный улицами Советская — 9–го января, Кирова — Пушкинская. Это памятник архитектуры XVIII века. По своей планировке удивительно напоминает Гостиный двор С.–Петербурга. Видимо поэтому некоторые наши краеведы склонны считать, что оба построены по проекту одного и того же архитектора. Правда, у С.–Петербургского по всему периметру здания над первым этажом идет сплошной навес–козырек, защищающий посетителей от осадков. Из магазина в магазин в любой дождь перейти можно сухим. У нашего козырьки–навесы были только перед входом в лавки.

Гостиный двор в Оренбурге на нынешнем месте был заложен в 1750 г. «... вместо имеющегося ныне при Оренбурге прежде сделанного плетнем из хворосту и обмазанного глиною Гостиного двора...» Его строительство в основном было закончено в 1754 году. В плане он представлял почти правильный прямоугольник, лавки которого своей лицевой стороной вначале выходили только внутрь. Был он собственностью таможенного ведомства, но в 1868 году был передан в собственность города. Чуть позже генерал–губернатор Николай Андреевич Крыжановский предложил Городской Думе перестроить его так, чтобы лавки лицевой стороной выходили и на улицу. С весны 1877 года началась перестройка по Николаевской улице. Реконструкцию по Гостинодворской стали производить в 1888 году. Четвертая сторона по Орской улице так и осталась глухой. Внутрь Гостиного двора вначале можно было войти либо со стороны Николаевской, либо со стороны Введенской улиц. Но позднее был сделан проход и со стороны Гостинодворской. Над воротами по Введенской улице когда–то была башенка с часами. В двадцатых годах прошлого века они «встали». Долго не могли их запустить — мастера не находилось. Несколько позже отремонтированные часы были перенесены на башню гауптвахты. Об их истории мы уже рассказали.

Над входом со стороны Николаевской улицы была возведена надвратная, ныне уничтоженная, церковь. О причинах ее постройки мне довелось услышать следующую легенду.

Обилие лавок, магазинов, винных погребов Гостиного двора, их насыщенность различными товарами, от пестрот! окраски которых буквально разбегались глаза, постоянно привлекали пристальное внимание «лихого люда». Как только заканчивался рабочий день, Гостиный двор содрогался грохота опускаемых гофрированных стальных штор, пираемых окон и дверей. Но ни хитроумные запоры, стальные ставни и шторы, ни массивные с «секретами» не спасали их владельцев от опустошительных непрошенных ночных «гостей».

Пустили ночных сторожей с «колотушками», звуками к торых они предупреждали всех «Я здесь!», «Я на посту, я и сплю!». В наши дни это «оружие» ночных стороже) представляет определенный интерес, поэтому для его описания мы сделаем небольшое отступление от нашего повествования.

«Колотушка» представляла собой прямоугольник, длина которого раза в полтора превышала ее ширину и раз в пять–шесть ее толщину. Наиболее звонкие колотушки получались из целого куска древесины. По узкой ее

части выдалбливалось сквозное окно, с одного торца крепилась ручка, с другого, через небольшое отверстие в торце — деревянный шарик на узком и длинном сыромятном ремне. Сторож, совершая обход своего участка, резко встряхивал колотушку. Шарик бил по ее «щекам». Раздавался довольно громкий, далеко разносившийся звук. Говорят, что сторожами была даже разработана своеобразная азбука колотушки — изменяя частоту и громкость ударов шарика о колотушку, они сообщали о положении на вверенном им участке, либо подзывали своих товарищей, если требовалась помощь. В необходимых случаях могли блокировать пути отхода ночному гостю, постепенно затягивая кольцо окружения.

«Колотушки» использовались сторожами до начала тридцатых годов нашего века. Отец рассказывал, что среди таких сторожей находились умельцы–музыканты, которые на своем «инструменте» выбивали дробь–поход малого барабана, выбивали мелодию польки или краковяка.

Воистину велик русский человек своим умением и смекалкой!

Но вернемся к нашему рассказу.

Так как сторожа–«колотушечники» не всегда спасали добро лавочников от хищений, собрались купцы и стали думать, что же еще можно предпринять, чтобы сохранить товар и обезопасить себя от таких набегов? Предложений было много, но прошло одно: «Надо к Богу обратиться! Лучшим сторожем будет имя Божье! Церковь надо возвести!»

На лучший проект конкурс объявили. Одновременно начали сбор пожертвований на Храм Божий. Стали рассматривать представленные проекты. Всем был люб храм о трех этажах. Подсчитали собранные средства — на постройку такого их явно не хватало. Решили строить на два этажа и ставить оный над воротами — входом в Гостиный двор со стороны Николаевской улицы. Потому и прозвали позднее ту церковь «надвратной».

Строительство шло к завершению, но вспыхнул пожар. Он сильно повредил Гостиный двор.

— Дурная примета! — говаривали некоторые. — От скупости сие произошло! От скупости!

— Воистину так! — вторил им купец Н. Дюков, чью просьбу передать ему в аренду весь Гостиный двор сроком на сорок девять лет Дума отвергла, так как посчитала предложение купца для города невыгодным.

Последствия пожара ликвидировали. Церковь вновь освятили... Но не помогло. Беды продолжались. Пустили слух, что храм возвели неправильно. Свою лепту в него, видимо, внес и батюшка. Зимой в церкви было настолько холодно, что во время службы холодом сводило и руки, и ноги не только у священника, но и у прихожан. Вновь провели реконструкцию — не помогло!

Кое–что о расположении магазинов Гостиного двора в предвоенные годы сохранила моя детская память: если от улицы 9–го января подняться по ступеням, то первым был магазин строительных и хозяйственных товаров. Кажется, он был самым большим в этом ряду. Его окна выходили как внутрь, так и наружу Гостиного двора, в отличие от большинства других, имевших только один вход либо снаружи, либо со стороны двора. Магазин «Динамо» находился в середине ряда, перед второй лестницей у ныне заделанного шелкокомбинатом входа в Гостиный двор со стороны улицы

Кирова. В него почти упирался Матросский переулок. В этом магазине мне, тогда еще мальчишке, впервые пришлось «живьем» увидеть мотоцикл марки «Красный Октябрь» с далеко в стороны разнесенным рулем, узким и длинным бензобаком. Стоял он там долго: видимо, покупатель не находился. По причине цены. Лицом на Советскую улицу, примерно напротив кинотеатра «Октябрь», находился магазин «Игрушки». В том месте, где сейчас остался разрыв от снесенной церкви, в торцовой части на втором этаже был небольшой кинозал. Отец водил меня туда.

Сейчас архитектурный памятник Гостиный двор во многих местах поврежден. Появились новые здания вдоль оставшейся глухой стены Гостиного двора по Пушкинской /б.Орской/ улице. Построен клуб шелкокомбината, общежитие педагогического института. На углу Советской и Пушкинской улиц врезано пятиэтажное здание, нарушившее архитектурный облик всего комплекса. Когда—то это был жилой дом типа «инкубатор», ныне его занял институт «ВолгаУралНИИПИГаз». Рядом с ним, с выходом на Советскую работает областной театр кукол.

В наши дни памятник архитектуры Гостиный двор занимает эвакуированный в годы войны шелкокомбинат, много изменивший в его облике. Магазинов практически не осталось. Несколько расположено по улице 9-го января, ближе к Пушкинской. Общественность города многократно ставила вопрос и требовала от городских властей восстановить комплекс «Гостиный двор» и использовать его по прямому назначению. Но, увы...

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Торговый дом Панкратова

Коль зашла речь о магазинах и торговых комплексах, в самую пору рассказать об одном известном в Оренбурге купце Панкратове. И в наши дни один из многоэтажных домов старожилы «домом Панкратова» величают. А где он, спросите вы. Тут же получите ответ, что стоит он на углу улицы Кирова и Матросского переулка. Но торговый дом Панкратова первоначально находился в другом месте — на Введенской (теперь улица 9-го января). Ныне в этом здании райотдел милиции Ленинского района разместился. Но то, о чем я хочу рассказать, произошло примерно году в 1966–1967... Пригласил меня Леонид Наумович Большаков, бывший тогда директором студии телевидения, и предложил мне снять кинофильм ко Дню советской милиции — кинорассказ о их работе. Вопрос о съемках с руководством УВД согласован.

— Ну, как? — спросил он меня.

Я дал согласие.

Леонид Наумович сказал, куда надо пойти, к кому обратиться. И вот я в приемной одного из заместителей начальника Областного управления внутренних дел. Небольшая комнатка, спиной к окну за пишущей машинкой сидит технический секретарь. Направо — дверь в кабинет Бориса Александровича Хмелева. Слева, у входной двери, угол занимает камин голландка, сложенная из очень красивого, художественно выполненного изразца. Рядом с ней — дверь в кабинет Льва Александровича Короткова...

Узнав, что я из студии телевидения, секретарша сказала: «Проходите, Борис Александрович вас ждет!»

Вошел, представился. Коротко рассказал о редакционном задании...

— В разработке у нас сейчас находится несколько интересных дел, — сказал он. — Но рекомендую взяться вот за это... — В общих чертах, сжато он охарактеризовал его. — Возьметесь? — спрашивает.

Я согласился. С милицией работать — то пришлось впервые!

— Сейчас дам команду нашим сотрудникам, чтоб в проведении съемок оказывали вам самую широкую помощь...

Много раз потом приходилось бывать в кабинете Хмелева. Не только при съемке этого фильма, но и при работе над фильмом «Дипломники», позднее показанного по телевидению. И каждый раз, как только я попадал в эту приемную — постоянно любовался красавцем камином! Заговорил как-то о нем с начальником оперативно-технического отдела полковником Желтовым.

— Об этом камине ходили тут разные слухи и легенды. Но, впрочем, слушай: как-то раз, стояли мы тут в приемной, совещание должно было быть. Стояли, «травили». Один из наших сотрудников начал рассказывать, что раньше этот дом принадлежал какому-то купцу, любившему «красиво» жить. Вот и построил он камин этот из штучного изразца, да и лепку на потолке, смотрите, какую отгрохал... Стоит, говорит, а сам рукой по камину хлопает. Хлопнул по одному месту, потом рядом хлопнул. Звук — то другой

раздался, отличный от предыдущего, характерный для пустот. Враз замолчал, начал обстукивать по всей площади. Но глухой звук раздавался только в одном месте.

«Пустота», — смекнули собеседники. Сама собой мелькнула мысль — вдруг купец камин для устройства тайника использовал? Но тут всех пригласили войти в кабинет Короткова. Разговор о камине и там не затих.

— Да бросьте вы в пинкертонов играть! — бросил кто-то. — Обыкновенный дымоход, а у вас глаза на клады разгорелись!

Интерес к камину вспыхнул вновь после того, как один из сотрудников, вернувшихся из командировки в Москву, рассказал следующую легенду:

— Ребята! Знаете, что я слышал в первопрестольной? Елисейевский гастроним вы знаете? Тот, что на улице Горького?

Ну кто ж его не знал!

— Так вот, — продолжил он. — Говорят, что в Москву приезжал то ли сын, то ли еще какой-то наследник Елисейева. Обратился он там к кому-то с просьбой в магазине из тайника кое-что забрать. Тридцать процентов, говорит, ваше, остальное — нам! Не согласились. Решили, что найдут сами. Сколько искали — не знаю. Только ничего не нашли. Говорят наследнику, согласны, мол, на ваши условия! А тот в позу встал. Искали, говорит, сами, да не нашли ничего! Не по-джентльменски это. Теперь условия другие будут: пятнадцать процентов вам, остальное — наше! Крутились, крутились, да деваться некуда — согласились! Вошел посланец Елисейева в торговый зал и говорит: «Опустите-ка вот эту люстру!»

Так себе люстра. В центре краше висела. Но опустили. Подошел он к ней, отвернул гайку на каком-то там колпаке, снял латунную чашу сферовидной формы, а та-ам... Камешки-алмазы всякие сверкают. Даже пылью почти не покрылись!»

Рассказанная легенда решила исход дела!

— Вскрывайте! — разрешил Коротков. — Осторожно только, черти! Шоб вид испорчен не был!..

Пригласили опытного старика печника... Вскрыл он полость ту. Осторожно так...

А дальше историю эту рассказал мне Коротков:

— Подошел Желтов к вскрытой полости, фонариком посветил со словами: «Теперь криминалисты за дело взяты должны!» Глядит — а в полости сверточек какой-то лежит. Просунул руку туда, сверточек осторожно на себя потянул, а к нему бечева привязана. Вниз полости уходит... «Не иначе, как сюрприз для любопытных купец приготовил! Вот что, мужики! От греха подальше, выйдите все. Да с первого этажа, что под этой, из комнаты всех удалите! Быстренько только!» Вышли все. Я остался с Желтовым...

Потянул Владимир Иванович за бечевку — идет вроде бы свободно, но чувствуется, что на другом конце что-то прикреплено...

«Вот что», — говорю ему. — Давай печь дальше разбирать будем... Ну ее к черту, мало ли что случиться может...» — «Не-е! Пока нэ треба! Идет-то вроде свободно. Не упирается ни во что, натяжение равномерно при

движении и вверх и вниз... Оп-па!» — и он вытянул еще один сверток. Подошел к столу. Расстелил газету. Развернули первый сверток — а там акции Русского государственного банка! Да на крупную сумму! Правда, в наши дни то были никому не нужные бумажки, свою ценность они еще в семнадцатом потеряли!

Развернули второй — а там бельгийский револьвер системы «Наган»! Промасленный весь. Новенький. Образца 1910 года с откидывающимся барабаном, позволяющим одновременно все гильзы экстрактировать, выбрасывать значит... А вот с камешками, извините — не повезло. Не было их там!

Может быть, в других частях дома следовало поискать? Потаенных мест в нем много! Одни подвалы чего стоят!

Опять же поисковая техника у криминалистов совсем не та — совершеннее стала. Вдруг еще находки какие будут?

Ну, а киноролик?

Снял я его. Правда, не ко Дню советской милиции, а значительно позже. На съемку потратил более десяти месяцев. На конкурсе фильмов о милиции был он награжден дипломом и денежной премией.

Купец Панкратов в историю города не столько своим кладом вошел, сколь строительством серой многоэтажки, о которой уже упоминали. Но были и такие купцы, чьи имена гремели темными делами. Греть гремели, да не всякий раз их потаенную работу доказать можно было. Вот и складывали о них легенды, да из уст в уста их передавали. А ты разберись, где там вымысел, а где и чистая правда была. Итак, легенда первая.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Единица измерения — овраг

После окончания института я получил направление на завод «Металлист». В те годы был там очень интересный человек, которого рабочие шутливо звали «Саня–Ваня» — Александр Иванович Щербаков, начальник планово—производственного отдела. Он не отсиживался в своем кабинете, часто бывал на рабочих местах, рабочих знал не только «в лицо», но и по имени—отчеству. За свою долгую и далеко не безоблачную жизнь многое ему пришлось увидеть и услышать. Рассказчиком был превосходным, сопровождал свое повествование присказкой: «Нет, ты чуешь?»

Наверное, именно он заронил в мою душу интерес к истории нашего края, критически относиться к трактовке событий и фактов в изложении «официальной» истории. Поставит перед тобой какой—нибудь вопрос, хитро улыбнется и неторопливой, слегка шаркающей походкой, чуть сутулясь, пойдет по своим служебным делам, закуривая на ходу очередную папироску. Ты же потом ходишь, ломаешь голову в поисках ответа и не находишь его...

Однажды после работы, когда я готовился к поездке на свой садово—огородный участок, «Саня–Ваня» подошел ко мне и, глядя через толстые стекла очков, спросил меня: «А знаешь ли ты, почему мост за Уралом, через который ты поедешь в свой сад, что перед железнодорожным переездом, именуется «Дюковым», также как и овраг?» Я, конечно, не знал. И он начал свой рассказ:

— Был когда—то в нашем городе такой купец — Дюков. Занимался он оптовой торговлей зерном, скотом, кожами и некоторыми другими товарами, пользовавшимся тогда спросом. Довольно неплохо знал он татарский, казахский языки, свободно изъяснялся с покупателем—нацменом на его родном языке. Умело пользовался этим, набивая или сбивая цену. В народе о Дюкове ходила недобрая слава — продавал он будто бы хивинцам русских девчат. Держал для этого верстах в четырех от города одного богатого киргиза—посредника. Его дом стоял над оврагом. Держал его так далеко от города потому, что знал о приказе, запрещающем оренбургской пограничной страже преследовать хивинцев на азиатской стороне далее четырех верст от берега Урала. Продаст «живой товар», а хивинцы ему за каждую один овраг баранов отмеряли. Вот за это народ прозвал овраг тот и мост «Дюковым»!

Так это было или нет — не знаю. С поличным купца никто не взял. Но знали точно, что в Хиве очень дорого ценятся русские пленники, особенно девчата. До губернаторов Оренбургского края доходили стоны и слезы осиротевших семей. Знали губернаторы лучше многих, сколько пленников и наложниц оказалось там, но решительных мер не принимали...

Первым, кто на это решился, был военный губернатор Оренбурга Василий Алексеевич Перовский. Стал он готовить поход на Хиву. Человеком он был гордым, возражений не терпел. Именно это, наверное, и подвело его.

Поручил он одному жулику—интенданту готовить для похода провиант, для солдат — обмундирование. Все заготовленное им оказалось плохого качества. Говорят, слухи о мерзавце до Перовского доходили, но он не верил им. Отказаться от похода на Хиву уже не мог. Судьба покарала гордого генерала — поход окончился неудачей! Весь караван верблюдов погиб. Назад вернулась только треть солдат, остальные погибли от холода,

голода и болезней. Вошел тот поход в историю как первый хивинский...

Генерал–губернатору Николаю Андреевичу Крыжановскому повезло больше. В 1873 году он тщательно подготовил второй поход на Хиву и Бухару. Его войска шли с трех сторон. Наказной атаман Уральского войска генерал Веревкин вывел их к Аральскому морю, а от него солдаты благополучно прошли пески пустыни и взяли Хиву!

Рассказывали, будто бы хивинский хан сказал победителю, что русские войска ждали совсем с другой стороны. А по непроходимой дороге, которую местные жители прозвали «смерть человеку», только дурак мог решиться пройти. Много пленников тогда было освобождено!

Ну, а купец Дюков? Рассказывают, что, боясь ответственности за содеянное, постоянно в Оренбурге не жил, приезжал наездами...

Продолжение этой легенды я услышал лет двадцать спустя — наша экспедиция шла дорогами крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. В каждом селе, встречаясь со старожилами, расспрашивали их, что они помнят о «преданиях старины глубокой»? В одном из сел один из стариков бросил такую фразу: «Эх! Жаль, что наша хивинка недавно умерла. Она многое могла бы вам рассказать!» Я вспомнил рассказ заводского «Сани–Вани» и спросил своего собеседника, почему он ту старуху «хивинкой» назвал?

#151; Понимаешь, мил–человек, в старину, задолго до революции, с той стороны Урала «хивинцы» часто совершали набеги на наши станицы, захватывая у русских не только скот, но и жен, дочерей... Как переправятся на ту сторону — ищи ветра в поле! Здорово замечать следы умели. Из хивинского плена обычно не возвращались...

Рассказчик достал пачку папирос, закурил и, прищурясь от дыма на один глаз, продолжил:

— Те, кому повезло вернуться на родину, рассказывали, что пленниц продавали в гаремы баям и ханам. А чтоб не сбежали оттуда — подрезали им кожу на пятках, зашивали туда хорошо прокипяченный конский волос. Ходить было можно, но понемногу. Убежать с таким «подарком» было невозможно. Натрешь — нога огнем горит! С нашей же «хивинкой» случилось вот что: купил ее какой–то молодой хивинский хан, каких в ту пору там много было. Приглянулась она ему так, что шакалом выл! Полюбил полонянку, да так, что своих прежних жен забывать стал. Охладел и к своей, некогда самой любимой! Та возненавидела русскую девчонку, да сделать ничего не могла — рядом постоянно при ней хромоногая старуха была, ханом приставленная... Но бабы — они народ хи–итрый! Что–нибудь да придумают! Нельзя силой от русской избавиться — значит, хитрость поможет! Сядет бывало у юрты, когда хана рядом нет, и начнет рассказывать всякое, не обращая внимания на старуху хромоножку. Да все страху на нашу девку нагоняет!..

— Когда–то наш властелин совсем молодой был. Во время охоты случилось с ним такое, о чем даже сейчас вспоминать страшно! Убил он дикую козу. Стал на коня ее взваливать. Глядь — Албасты рядом стоит! Волосы светлые, длинные, по ветру распущенные. Руками груди свои длинные держит. А они у нее такие, что за спину забросить можно! Потом на землю рядом с конем опустилась, а знаками показывает, чтоб хан «вошел» к ней. И не хочет властелин наш, да сделать с собой ничего не может — ноги сами к Албасты несут! Стал рядом опускаться на колени, а от нее такой запах

пошел, что понял хан — встретился он с Сасык–Албасты, с вонючей женщиной, значит. Она завлечет мужчину к себе, а тот дорогу к дому забывает, из пустыни выбраться не может! И вспомнил властелин наш, если волосом Албасты завладеть или иглу ей в одежду воткнуть — враз станет женщиной послушной, путника от себя отпустит, да и дорогу к дому покажет. Стал хан знаками показывать, чтоб Сасык помогла убитую козу на коня поднять. Подошла к козе, наклонилась, а властелин наш схватил ее сзади за волосы, дернул — два выдернул! Сразу стала она женщиной покорной, и «вошел» к ней наш властелин, да волосы в это время из рук выпустил. Отбросила от себя Албасты нашего хозяина, а сама смеется, дико нашептывает что-то да приговаривает, чтоб хан наш обратную дорогу к дому забыл, да злого духа Аждахара — дракона многоголового вызывать начала: «О, Аждахар! Войди в дом к этому неверному нечестивцу, заведи у него самую любимую жену его, чтоб знал, как в пустыне к честным женщинам приставать! Да пусть тебе регулярно подать самыми красивыми девушками платит! О, справедливая Гулиам! Где ж твои помощницы — Чильдухтарон? Покарать они должны этого пса–отступника... Да пусть у него во всех бурдюках вода высохнет! А с нею вместе и жены его пусть засохнут, да пусть...»

Долго бы еще причитала Сасык да разные проклятья на голову властелина нашего накликала, но вспомнил хан — если иголку воткнешь в одежду ее — вновь станет она женщиной послушной, а мужчине помогать начнет! Выждал момент, когда Албасты спиной к нему повернулась, воткнул ей иголку в одежду. И стала Албасты сразу женщиной послушной, свои длинные груди из—за спины убрала, в одежды их спрятала, чтоб путников не смущали... И приказал ей хан впереди лошади идти да дорогу к дому показывать! А как взошли на холм, лошадь заржала. Понял властелин, что она дом родной почуяла. Стал оглядываться вокруг — юрту свою увидал вдалеке. Решил хан, что нельзя Сасык людям показывать, мало ли что случиться может! Повелел ей назад в пустыню вернуться. Так и бродит она где-то в пустыне совсем одна, путника одинокого ищет, да все найти не может! А наш хан и властелин мой до дома добрался...

Слушала, слушала хромоногая сторожиха тот рассказ, да и говорит:

— Зачем гостью Сасык–Албасты, женщиной вонючей, значит, пугаешь? Ты сама Сасык, ведьма вонючая!.. А ты, милая, не слушай ее. Со зла тебе о злом демоне Албасты она рассказала. Тебе нечего Албасты бояться. Сделай, как я скажу — как угаснет огонь в очаге, а зола остынет, собери ее всю, от юрты осторожно подальше отнеси, кучкой сложи, а в центр железный прут воткни! Ни один злой дух к тебе после этого не подойдет!

Поняла обманщица, что хитрость ее не помогла, запугать полонянку не удалось — старуха хромоножка той помогла. Решила сделать по–другому — подругой лучшей полонянке стать! Вот тогда она ей поверит! А избавиться от нее где–нибудь в пустыне можно будет. Главное, чтоб на нее и подумать никто не смог. И стала она с той поры вокруг полонянки нашей крутиться, все желания ее угадывать да исполнять. Даже старуха сторожиха успокоилась... Долго думала Азима — так звали самую любимую жену бая, — как дело сделать и самой не попасться? Поехала однажды на дальнее пастбище, а в голове только одно — как от русской девчонки избавиться? Верблюд шагал неторопливо... И вдруг Азима невдалеке от дороги заметила, что кости человеческие белеют! Остановилась. И вот тут–то ей пришла одна мысль... Подошла к костям, кошмой их прикрыла, песком засыпала, чтоб их больше никто не увидал!

Меж тем бай любви русской девчонки домогаться стал. Полонянка ему дала

понять, чтоб не торопился бы сам, да и ее не торопил. Нужно время ей ко всему привыкнуть, приглядеться, освоиться, а там и любовь, возможно, придет. Вот тогда будет совсем другое дело! Оба будут довольны! Не зря говорят, что любовь слепа — поверил ей бай. Те знаки внимания, которыми одаривал он полонянку, сильно пришлись не по вкусу бывшим женам. Стали они бояться, что вот-вот русская станет самой любимой женой их владыки, что будет командовать и помыкать ими, как это делает всегда любимая жена! Кипела ненавистью и Азима, еще совсем недавно ласкавшая ноги своего властелина, угадывавшая все его желания, с презрением относившаяся к остальным. И вдруг для нее все кончилось! Кипела, но вида не показывала — боялась гнева хана. Одно знала — надо сделать так, чтоб русская сама сбежала. Да сбежала бы так, чтоб не поймали ее ханские стражники. Поймают, вернут, вдруг хан от нее не откажется? Для нее, для Азимы, тогда все останется по-прежнему... Долго думала, как свою задумку привести в действие. И придумала! На то она и баба! С некоторых пор Азиму стали постоянно видеть с русской. Глянь со стороны — две подруги не разлей вода! Хромоногая старуха — и та привыкла их видеть вместе. Стала Азима учить русскую обрабатывать верблюжью шерсть, чесать баранью. Сядут, бывало, вместе, Азима показывает что и как делать надо, а старуха рядом сидит, пару раз клюнет носом и заснет, сладко посапывая во сне... В это время и договорились, что русской бежать надо, что Азима поможет волос из пяток извлечь, коня даст, расскажет, как по звездам дорогу к дому найти! Как следы заметить да в барханах прятаться, избегать ханских засад, как воду в пустыне экономить. Все старалась сделать она — лишь бы русская согласилась. Вот тогда бай снова ее будет!

Однажды послали их на отдаленное пастбище кобылиц доить да бурдюки кумысом наполнять. Вот там и извлекла Азима конский волос из пяток полонянки. Чем-то смазала их, чтоб кожа быстрее срослась. Когда назад возвращались, Азима показала, как с помощью веревки да верблюжьей колючки следы в степи заметить, как прятаться в барханах, чтоб со стороны видно не было. Вернулись. Прошло несколько дней. Азима напросилась на работу, за которой постоянно следил хан...

Когда сбежала русская — не заметил никто. Хватились, а ее и след простыл! Послали погоню, но та вернулась ни с чем! Азима постоянно твердила своему владыке, чтоб еще одну погоню послал. Но и та вернулась ни с чем. Не может русская через пески пройти — твердила хану Азима. Посылай еще одну. Послал хан третью...

Та вернулась на седьмой день, вытряхнула из кошмы у ног бая обглоданные человеческие кости. На одной белел браслет беглянки...

О том, как готовился побег, как Азима в песках человеческие кости спрятала, как браслет на кость руки одевали, как ночами шла и как любовь к отчужденному дому дорогу показывала и привела ее назад, долгие годы бабушка-«хивинка» своим внукам рассказывала. Рассказы эти любили односельчане слушать...

По дороге к нашей следующей остановке я вспомнил рассказ заводского «Сани-Вани» и поразившее меня его неожиданное продолжение.

«Дюков» мост в наши дни не существует, как и та дорога, по которой на мотоцикле я ездил на садовый участок. По этому месту прошла широкая автострада, в наши дни ставшая узкой и тесной для проходящего непрерывным потоком автотранспорта. На ней даже табличку повесили: «Дорога с максимально интенсивным движением». У поворота, к теперь уже закрытому железнодорожному переезду, автозаправочную станцию

поставили. Слева от шоссе, после того как под путепровод на Илек поднырнешь, можно еще увидеть остатки «Дюкова оврага».

Дома киргиза–посредника тут больше нет. Его снесли. Да и не нужен он стал. Девчат сейчас больше не воруют, в неволю не продают, да и баранина в наши дни сильно подорожала!

Уж если мы повели счет легендам, самое время будет объявить о начале второй легенды, памятуя о том, что Бог троицу любит!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Колодец на крови

Предания гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, которая новых замысловатых преданий не рождает.

В. ДАЛЬ «О преданиях»

В пятидесятых годах ректором Оренбургского педагогического института был Архип Кузьмич Бочагов, человек эрудированный, много повидавший на своем веку, которому было что рассказать своему собеседнику. Уйдя на заслуженный отдых, возглавил областное отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Но для меня он был интересен тем, что в 1925 году ему довелось стать председателем комиссии ликвидкома. Что это была за комиссия?

Как известно, Оренбург до 1925 года был столицей Казахстана. Здесь размещался КирЦИК, как в те годы называлось его правительство. В 1925 году КирЦИК принял решение переехать в город Перовск (ныне Кзыл–Орда). Необходимо было разделить имущество, музейные ценности и многое другое, что некогда на правах совместной собственности принадлежало Оренбургскому губисполкому и КирЦИК. Для «дележа» и была создана эта комиссия.

Многие годы я руководил областным молодежным поисковым клубом. Следопытские дела забросили нас в город Алма–Ата, где по рассказам старожилов хранилось большое количество стеклянных негативов, вывезенных из Оренбурга и относящихся к его истории. Вернувшись из этой поездки, при одной из встреч с Бочаговым, стал рассказывать о проделанной работе, о встречах с нашими земляками, ныне проживающими там, о республиканском краеведческом музее, разместившем свои экспонаты в стенах бывшего православного собора, о его директоре Саре Йесовой, показавшей нам один из ценнейших экспонатов музея — клинок из булатной стали.

Своих собеседников Архип Кузьмич умел слушать, никогда их не перебивал. А тут не выдержал:

- Минутку! — сказал он, подняв правую руку ладонью вперед, как бы останавливая меня, и, несколько наклонив голову вбок, спросил: — Вам показывали клинок? Попробуйте описать его подробнее! Сможете?
- Первое, что поразило меня — он был необычайно острым. Директор музея подбросила вверх шелковый лоскуток и в воздухе этим клинком разрешила его. На клинке переливались какие–то голубоватые волны–узоры. Как они были нанесены — непонятно. Ближе к рукоятке — надпись, выполненная арабской «вязью», рукоятка бело–желтого цвета, словно выточена из слоновой кости. В нескольких местах обрамлена рубинами, примерно по полсантиметра в диаметре каждый...
- Узнаю! Узнаю! — с волнением воскликнул Архип Кузьмич. — Этот кинжал был у нас в Оренбурге! Передали мы его в двадцать пятом в Казахстан. Против его передачи решительно возражал Закурдаев, бывший в те годы директором нашего музея. Он ссылаясь на то, что этот клинок из коллекции холодного оружия, некогда принадлежавший юнкерскому училищу. Но позиция губкома и губисполкома была непреклонной — все лучшее

передать молодой, зарождающейся Киргизской республике, как в те годы называли Казахстан. И негативный фонд, которым вы так упорно интересуетесь, делали так: коробку — нам, три — в Казахстан! Вот почему этих негативов там более пяти тысяч, а у нас в музее — полторы–две!

Было видно, что мой собеседник сильно взволнован. Ладонью руки он пару раз провел по изрядной лысине и начал свой рассказ:

— Я слышал, что с этим кинжалом связана одна прелюбопытнейшая легенда, похожая на правду. Чем черт не шутит! Может быть, эти события в те годы могли иметь место в жизни! Она, жизнь–то, штука сложная! Порой такое случалось!.. Так вот: жил&3150;был в Хивинском ханстве какой–то хан. В своем гареме имел пятьдесят две жены. Пятьдесят третьей купил русскую девушку красоты необычайной! Приставил к ней евнуха–толстяка да повелел смотреть за ней так, чтоб и муха не села! Наложницы стали готовить девушку, омывали ее, натирали какими–то восточными, долго благоухавшими мазями. То был целый ритуал, продолжавшийся часа два — каждая часть тела натиралась по–своему... Впрочем, я его недостаточно хорошо знаю. Так, слышал кое–что о нем... И что ни делал хан, чтоб русская его полюбила, но ничего не помогало. Не могла девушка забыть родителей своих, да перед глазами постоянно стояли отчий дом, необъятные оренбургские степи. Тоска по родине оказалась сильнее! Знала, что бежать отсюда невозможно. Поймают беглянку, привяжут к двум лошадям — разорвут на части. Такое видеть ей однажды пришлось. Но на побег решилась. Ушла она от хана!

Расвирипел хан, когда доложили ему о побеге русской девушки! Самолично зарубил он толстяка–евнуха. Позвал своих стражников, подошел к ковру, увешанному саблями и клинками, снял один из них, усыпанный драгоценными камнями и повелел:

— Даю его вам, чтоб честь мою, этой неверной поруганную, вы восстановили! Этот клинок пришел к нам из тьмы веков. Он всегда охранял честь его владельца. Поймаете о беглянку — им срубите ей голову!

Долго ханские сатрапы не могли напасть на след русской о беглянки, но твердо знали, что путь ее будет лежать к отчему дому, в Оренбург. Меж тем она шла караванной тропой, чуть что — пряталась, заматавая свой след в барханах. Долго ли она шла — не знаю, но тут случилось самое страшное — кончилась вода... Однажды показалось ей, что вдаль переливается целое море воды, по берегам большие зеленые деревья, дающие живительную тень. Вот только почему–то волны поднимались к небу. Поняла, что это мираж, часто сопровождавший путников в пустыне... Первое, что увидела она, когда очнулась — наклоненное над ней лицо молодого хивинца, тонкой струйкой вливавшего в рот воду. Судорожно глотая ее, она буквально вцепилась в бурдюк. Но хивинец знаками ей показал, что сразу много пить нельзя! Когда беглянка окончательно пришла в себя, хивинец усадил ее на спину верблюда и они тронулись в путь. На счастье, в караване оказался человек, немного понимавший по–русски. Он–то и рассказал, что их караван направляется к оренбургскому Меновому двору с товарами. Она доверилась караванщикам, рассказала о своей судьбе, о побеге из ханского гарема.

— Это очень плохо, сказал караван–баши. — Найдут тебя у нас — всех на куски изрубят!... Но мы что–нибудь для тебя придумаем...

Решили караванщики на беглянку надеть паранджу. По законам Шариата поднять паранджу с лица чужой женщины постороннему мужчине было

нельзя — то было кровным оскорблением хозяину дома! Этим—то обычаем и решили воспользоваться. Но предупредили, что при посторонних ни в коем случае нельзя ей поднимать чачван - густую черную сетку из конского волоса, закрывавшую лицо. Дальше беглянка продолжала путь в парандже... В один из дней их настигла ханская стража. Схватили караван—баши, отвели в сторону, за бархан. Долго говорили с ним, но отпустили. Караван прошел своим путем. За дни, проведенные в караване, успела девушка подружиться с молодым хивинцем, в трагическую для нее минуту давшего живительную влагу, Они стали понимать друг друга, часто говорили между собой. В обычаях хивинцев многое ей было непонятно. Ну, например, зачем им иметь помногу жен? Хивинец объяснял как мог:

— Вот спрашиваешь, почему у нас, правоверных, много жен? Много бывает не у всех. За каждую надо большой калым платить. Долго работать надо бедняку, чтобы собрать его... Но великий Аллах, да будет славным имя его, повелел нам иметь не менее трех жен. Я человек неграмотный, читать не умею. Но аксакалы говорили нам, что так надо еще и потому, 3 что мы ведем кочевой образ жизни, гоним отары овец или табуны лошадей от пастбища к пастбищу. И если будет только одна зкена, что он будет делать, когда жена «понесет»? В это время Коран объявляет женщину нечистой. Правоверный мусульманин «войти» к ней не может. Что делать? Кругом степи да горы. Родит жена. И опять она целый год остается «нечистой». И снова мужчина «войти» к ней не может. Говорили мне, что закон так повелевает для того, чтобы женщина окрепла после родов. Кочевая жизнь трудна. Жене приходится работать так же, как и мужчине. Вот поэтому должна быть вторая жена. Она «понесет» — есть третья. С третьей случится то же — первая совершит омовение и к жизни будет пригодна... Так это или нет — не знаю... Так мне рассказывали те, кто читать умеет, кто законы шариата знает... Мне вот тоже жену надо, да на калым я еще не заработал... Вот разве только...

И караванчик замолчал. Что он имел в виду — девушка так никогда и не узнала... А вскоре кончились изнурявшие своим знойным дыханием барханы. Верблюжью колючку сменили бескрайние ковыльные степи. Все ближе был отчий дом. Однажды караван стал подниматься на какую—то гору. Караванчики несколько раз произнесли: «Су—лак! Су—лак!» С нее—то беглянка увидела Меновой двор, издали похожий на большой квадрат, брошенный в ковыльной степи, к которому со всех сторон вели ниточки троп.

А за ним виднелся Оренбург!

Стало вечереть, когда караван через Азиатские ворота втянулся внутрь Менового двора. За голыми стенами снаружи девушка увидела ряды дверей лавок, выходящие внутрь Менового двора. И как ни рвалась она к отцу, в отчий дом, караванчики не пустили беглянку домой — за долгий путь привыкли к ней. Жаль было расставаться, да и на ночь глядя отпускать ее было не совсем безопасно... «Завтра, — сказал караван—баши, — мы доведем тебя до дома. В обиду никому не дадим! А сейчас Ак—ку, что по—русски означало Белый лебедь, дойди—ка до колодца, принеси воды!»

Близость дома и пьянящий воздух свободы усыпил осторожность девушки и прежнюю осмотрительность караванчиков — она сняла так надоевшую ей паранджу и пошла к колодцу. Вот тут—то и увидел ее ханский сатрап!

Подскочил он к ней, сзади схватил за волосы, откинул ей голову назад и полоснул по горлу ножом... Нечеловеческий, внезапно прервавшийся крик разорвал вечернюю тишину у колодца...

Но уйти с Менowego двора он не смог - был пойман молодым караванщиком, обезоружен и передан в руки русской охране, чтоб никто не мог подумать, что караванщики были заодно с убийцей. Рассказал ханский стражник коменданту Менowego двора все, что знал об этой девушке, о приказе хана, о врученном ему кинжале... Мужеством погибшей красавицы комендант был поражен! Даже у толмача-переводчика на глазах стояли слезы...

Приказал комендант по углам Менowego двора, на стенах его, поставить пушки, да чтоб были они постоянно заряжены картечью, дабы были бы они готовы в любую минуту немедленную помощь оказать. Доложил об этом случае генерал-губернатору. Тот приказал на Меновом дворе православную 5 церковь возвести, в которой священники за упокой души безвинно убиенной молиться должны были. А над колодцем, возле которого была убита беглянка, шатровый купол возвести.

И прозвал народ колодец тот «На крови».

Оставшиеся в живых ханские стражники вернулись домой, доложили хану о виденном, о слышанном. Рассказали, что русские в честь беглянки церковь возводят!

— Ах, так! — воскликнул хан. И повелел через подставных лиц там же мусульманскую мечеть возвести, как наго-минание о том, что ждет любую беглянку. Мешок золота дгл на это!

Кинжал же, отобранный у убийцы, комендант передал генерал-губернатору. Тот, будто бы, за какие-то заслуги купцу какому-то вручил. А местный купец-миллионер Хусаинов выкупил его и на вечное хранение Оренбургскому музею подарил.

Бочагов закончил свой рассказ. Несколько минут мы сидели молча. Перед глазами стоял образ красавицы беглянки, колодец «На крови» и его шатровый купол. А перед мужеством простой русской девушки хотелось склонить голову! Такова была легенда.

На самом деле Меновой двор был сооружен в четырехх верстах от города для летней торговли. Царское правительство было заинтересовано завязать тесные торговые отношения с Хивой и Бухарой, одним словом — с Востоком. Но в город-крепость пускать их, видимо, не решались. Не последнюю роль, наверное, сыграло и другое соображение: «хивинцы», как их в те годы называли, занимались главным образом скотоводством. Для меновой торговли скот у них был основным товаром, а он нуждался в пастбищах и воде. Хивинские купцы, кроме скота, предлагали кожи, мясо, нередко драгоценные камни, золото, восточное холодное оружие. Генерал-губернатор Оренбурга граф В. А. Перовский, например, имел богатую коллекцию. Строительство Менowego двора было закончено примерно в шестидесятых годах XVIII века. Ой представлял собой правильный квадрат с высокими каменными стенами, которые одновременно являлись задними стенами лавок, лицевой стороной выходившими только внутрь Менowego двора. Внутри был возведен еще один «квадрат» — меньшего размера — Азиатский двор. В легенде точно подмечено наличие православной церкви, мусульманской мечети, колодца. Одно время по углам Менowego двора действительно стояли пушки. В него вело двое ворот: Европейские — обращенные в сторону города, и Азиатские — обращенные на Восток. Многолюдным был Меновой двор, был богат и товарами. Но с постройкой железной дороги Самара-Оренбург-Ташкент как торговый центр свое значение потерял. В годы первой мировой войны здесь был разбит лагерь австрийских

военнопленных. В тридцатые годы, уже в советское время, Меновой двор был вообще снесен. В наши дни на этой территории появились жилые и хозяйственные постройки. О Меновом дворе сейчас нам напоминает лишь название железнодорожной станции.

Так наш город потерял еще одно памятное место, некогда связывавшее его не только с историей, но и с Востоком, место, придававшее городу «восточный» колорит.

Потерянного не восстановить! А жаль!

Мы рассказали две легенды о русских невольницах в хивинском ханстве. Возникает законный вопрос — могло ли быть такое? Правда это или вымысел досужего рассказчика? Если правда, то как захватывали и продавали «хивинцы» в неволю русских женщин и девчат? Да и только ли их? Листая! подшивки старых газет, знакомясь с архивными документами, порой находишь весьма интересные сведения, проливающие свет на поставленные вопросы. Например, вот такие.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Работорговец

Шел 1840 год.

Военным губернатором Оренбургского края был любимец Императора — Василий Алексеевич Перовский. Затеянный им год назад поход на Хиву окончился полной неудачей. Тяжело переживал этот «конфуз» — с его экспедиционным корпусом справился не противник, а природа! Заготовленные теплые вещи, одежда, обувь — все оказалось плохого качества. Солдаты болели и гибли от морозов. Перовскому, еще до начала похода докладывали, что главный интендант — купец Зайчиков — нечист на руку. Не поверил тогда губернатор, считал эти наветы происками завистников. Но случившееся заставило теперь разбираться в каждом доложенном факте. Для него стало очевидным, что произведенный им в генералы ссыльный полковник Станислав Циолковский ненавидел русского солдата, радовался каждой неудаче. Жестокий крепостник из армии был уволен, выехал в имение своей жены. Там крепостными был не просто убит — извлеченный из могилы труп был растерзан. Настолько велика была ненависть крепостных крестьян.

Но как подступиться к главному маркитанту — купцу Зайчикову, Перовский не знал. Офицеры же, бывшие в том походе, говорили кратко: «Шкуродер! За товар в Оренбурге стоивший пятак, под Эмбой драл по рублю–полтора!» Но купец — есть купец! Он думает прежде всего не о солдате, а о своей выгоде, цены назначаются им — торговля в России, в те годы, была свободной. «Странный человек! — думал о нем губернатор. — Своей инициативы нахально не проявлял. На мои просьбы — отказов не ведал, все порученное выполнялось четко и быстро... А тут такое слышать приходится! Видимо злой навет и зависть!»

Совсем было собрался Василий Алексеевич отобедать, как До его слуха донесся гул голосов под окнами канцелярии. Подошел к окну — площадь перед губернаторской канцелярией была заполнена возбужденной толпой.

— Внизу люд собрался, — обратился к Перовскому вошедший адъютант. Прсыт вас к ним выйти... Очень прсыт.

— Что хотят? — резко спросил он.

— С жалобами к вам пострадавшие от набегов «хивинцев»... — Он вышел на балкон. Толпа взорвалась стонами, криками, причитаниями...

— Роди–имый ты наш, царь–батюшка–а! Горю нашему помоги–и! — заголосили бабы. — Один кормилец на всю семью был и того захватили басурманы проклятущие–е!..

— А у меня — донюшку–у мою!..

На горе этих людей смотреть было нелегко.

— Господин губернатор! — обратился вошедший порученец. — Намедни караван купцов хивинских прибыл. Товара изрядно доставили... Вьючных верблюдов, однако, боле тыши будет!

Мгновенно появилась мысль...

— Начальника таможни и Миновинского коменданта ко мне! М–мигом!! — скорее рявкнул Перовский, чем отдал приказ.

... Через полчаса на взмыленных конях, рассекая собравшуюся толпу, к губернаторской канцелярии подскакало два человека. Еще через минуту они стояли перед губернатором и «глазами пожирали начальство».

— Мне донесли, что намедни купцы хивинские караван привели. Так–ли?

— Так точно, прибыли! Товара изрядно привезли! Что акциз подыдем?

— Пр–приказываю — арестовать всех! Товары их — в амбары, под строгую охрану! Упаси вас Бог! Чтоб там ни один волосок, ни едино зернышко их не пропало!

— Так точно! Слушаюсь!

— самого солидного и самого уважаемого из них аксакала — ко мне!

К концу дня перед Оренбургским военным губернатором стоял степенный купец–«хивинец».

— Объявляю! За захват русских людей, девок людьми Эмира Хивинского, за нарушение клятвы Государю нашему,, данную на Коране, все вы как заложники будете задержаны. Вас и товары ваши держать будем до тех пор, пока похищенные русские и киргизы, подданные Императора Российского, все не будут возвращены назад, к семьям. Содержать прошу всех отменно, в купе с товарами вашими. Ты ж немедля домой отбудешь, о том доложишь Эмиру! Все!

Незадолго до этого, к Перовскому со специальным посланием Эмира Кокандского, вероятно напуганного предпринятым походом на Хиву, прибыл русский купец. Из рук в руки передал Перовскому запечатанный пакет.

«Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Благословен Аллах! Язык человека немеет, когда он делает попытку восхвалить и прославить того, кто обладает такой силой и могуществом, как Ваше Превосходительство! Я, жалкий грешник*, совершив утренний намаз**, повелел своему дабиру*** сообщить тебе, чье сияние служит украшением миру, слава которого не тускнеет на небосводе даже в лучах восходящего солнца, благороднейшему из самых блистательных то, чем заняты ваши думы в эти дни. Прикладывая руки к ушам своим****, решил доверить не столь пергаменту сему сколь соплеменнику Блистательного, то, что стало известно нам и может волновать сердце твое, да продлятся дни и процветание твое!...»

Прочитал Перовский послание, написанное витиеватым восточным языком, отложил в сторону и, глядя на посланца, спросил:

— В послании сим сказано, что имя злодея людьми торгующего, доверено изустно мне доложить. Слушаю! Кто же это?

Купец показал глазами на присутствующих. Когда все вышли из кабинета, посланец Эмира Кокандского приблизился к губернатору и еле слышно назвал имя.

— Адъютант! Жандармского ротмистра ко мне! М–мигом! И повернувшись к купцу произнес: «Что ж, быть по сему! Жду я людей из плена хивинского освобожденных — так было обещено нам, — прибыть они должны

вскорости. Они либо подтвердят имя сие, либо опровергнут. До той поры тебе под арестом быть надлежит на даче моей. Встречи с кем-либо, разговоры всякие — запрещаю. О сим охрана будет мною предупреждена строго!»

С тем и отбыл под охраной посланец Кокандского Эмира. Несколько дней спустя по городу прошел слух об аресте лазутчика Эмира Бухарского, порочившего вздорными слухами именитых людей города. Между тем вошедшему ротмистру Перовский подал полученное послание и назвал имя работорговца.

— Дабы не порочить имя лица в городе уважаемого, о послании том и имени названном молчать! Навет возможен! Пока ж выставить за ним наблюдение негласное, выезду оно из города препятствовать под любым благовидным предлогом.

А там вскоре Перовский известие получил, что из Хивы караван вышел с освобожденными пленниками. На его встречу губернатор выслал полусотню казаков с приказом встретить тех с полагающимися почестями не ближе двух караванных переходов от города. Да с пленниками теми беседы провести, имя злодея-работорговца выяснить и немедля ему, Перовскому, о том доложить.

Рассказывали, что такая встреча состоялась верстах в двадцати-двадцати пяти от города в седловине между холмами, на берегу небольшой степной речки.

И вот, задержанный купец вновь стоит в кабинета Перовского. С извинениями, Василий Алексеевич обнимает его и говорит:

— Прости друг за задержку! Но чтоб истину установить в подозрения отвлечь, да и злодея успокоить, пришлось тебе задержать. В погашение же ущерба, мною учиненного, тысячу шестьсот рублей из кассы моей получишь. Серебром!

В сентябре город облетела весть — возвращается 116 челов освобожденных из хивинского плена. Их встреча назначена Менювом дворе. Вот как описал это событие один из очевидцев:

«...Для них было устроено особое торжество: в присутствии был отслужен благодарственный молебен, и за для них был дан обед на открытом воздухе. Посмотреть на на божденных собралось полгорода. В это время разыгрывались желые и полные трагедии сцены — в седом, сгорбленном старике, женщина едва узнавала своего мужа, уведенного в Хиву 25 лет тому назад. Во взрослом, уже омусульманившемся парне, старуха-мать по каким-нибудь приметам узнавала своего дорогого сына, схваченного хивинцами десятилетним мальчиком и проданного в Хиве. И стоны..., слезы ...,вопли...»

Более двух часов беседовал Перовский с прибывшими. Вот что они рассказали, как и с чьей помощью попали они в рабство:

— Купец М.Зайчиков в разных местах края владел несколькими тысячами десятин земли, занимался хлебопашеством и оптовой торговлей зерном. Для уборки урожая его приказчики в отдаленных уездах нанимали сезонных рабочих, обещая им высокие заработки. На уборке они жили в специально подготовленных бараках. За день до окончательного расчета на эти бараки ночью нападали нанятые Зайчиковым хивинцы. В первый день плененные работники видели и связанных приказчиков, которые лежа на

земле громко кричали и проклинали напавших «хивинцев», но затем исчезали в неизвестном направлении. В Хиве пленникам удалось узнать, что в рабство их продал Зайчиков.

В конце 1841, начале 1842 года Зайчиков был судим в Оренбургской Окружной уголовной палате. На суде всплыли имена и других купцов: Деева, Дюкова — но твердых доказательств их вины представлено не было, ссылались лишь на слухи. Поэтому для них все было оставлено «без последствий». За продажу в неволю русских людей М.Зайчиков и его главный приказчик Судоргин были признаны виновными и приговорены к каторжным работам в Сибири. Из толпы зевак, провожавших этап осужденных на каторгу, грустно смотрели две пары глаз взрослых сыновей купца... Как говорят, следуя на каторгу, Зайчикову удалось уговорить одного из ссыльных, осужденного на небольшой срок, поменяться Документами. Отбыв этот срок, под чужим именем, он вернулся в Оренбург в дом к сыновьям. Те тоже пошли «по торговой линии», вот только у каждого была своя «специализация — один торговал зерном, другой — кожами, шерстью, скотом. К моменту возвращения отца, братья успели стать врагами — один другому всучил проросшее зерно, взаимно получив прелые кожи. Разрастающуюся между ними вражду, отец успел загасить, но однажды, забыв об осторожности, в городе был опознан. Слух о том, что купец-работорговец вернулся в город вызвал негодование горожан. Рассказывают, что хутор Зайчиковых, стоявший на Дрейерской дороге, что вела на Маяк, был подожжен. Дальнейшую судьбу Зайчиковых установить не удалось. Как вдруг...

Вместо послесловия.

Работа над этим рассказом-легендой и книгой в целом была закончена, рукопись сдана в издательство. Осталось ждать книгу. Но случилось непредвиденное — нам удалось встретиться с потомком купца Деева! Без каких-либо с нашей стороны навоящих вопросов, он поведал нам бытовавшую в их роде легенду, передававшуюся от старших младшим: фамилия основателя их рода — не подлинная. Была принята им вынужденно. Известно, что предок был судим и сослан. С места поселения бежал, поменявшись документами с лицом, пожелавшим остаться там навсегда. И под фамилией Деев появился в Оренбурге.

Вспомним уголовное дело купца Зайчикова — там на процессе одновременно всплывали имена и Деева, и Дюкова! Следовательно предположить, что Деев — это Зайчиков нельзя! Так кто же тогда он — Деев, позднее ставший купцом Первой гильдии, городским головой, почетным гражданином Оренбурга, в 1853 году основавшим Покровскую церковь? Теперь ясно только одно — легенда эта имеет под собой реальную почву, историческую бль.

Ну а ответ на вопрос — кто же вы купец Первой гильдии Деев — ждет своего исследователя.

*...жалкий грешник — требование восточного этикета наделять себя уничижительными эпитетами в знак уважения к собеседнику.

**...утренний намаз — главнейший религиозный обряд Ислама.

***...Повелел своему дабиру — писцу, чиновнику.

****...прикладывая руки к ушам своим — жест полной покорности к своему

собеседнику, принятый в восточном этикете.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Се – лев, а не собака!

Историю, о которой хочу вам рассказать, мне пришлось слышать от вполне авторитетных людей — двое из них имели прямое отношение к работе в архивах, третий был краевед-любитель, экономист по образованию, действительный член Географического общества СССР. В то время я работал в Управлении машиностроения Оренбургского совнархоза. Никита Сергеевич Хрущев, бывший тогда главой нашего государства, для борьбы с преступностью и хулиганством решил мобилизовать усилия общественности. Так были организованы «народные дружины». Ежедневно, после работы, народные дружинники с красными повязками на рукаве выходили на улицы города наводить порядок. В этот раз мне выпало дежурить с начальником планового отдела совнархоза Вячеславом Петровичем Крючковым, не просто интересным собеседником, но человеком эрудированным, обладавшим поразительной памятью, энциклопедическими знаниями, знавшим много преданий и легенд «старины глубокой» из истории нашего города и края, ко всему прочему — превосходным рассказчиком. Между собой мы звали его «оренбургским Ираклием Андронниковым» за особое умение своим рассказом овладеть вниманием собеседника. Не спеша идем с ним по Советской улице. Вдруг он обратился с вопросом: «Приходилось ли читать книгу афоризмов Козьмы Пруткова?» Эту книгу я перечитывал неоднократно, о чем сообщил своему собеседнику. «Тем лучше! — продолжил он. — Тогда скажите, пожалуйста, как у Козьмы Пруткова родился известный афоризм: «Се-лев! А не собака.» Знаете?

Этого я, конечно же, не знал. И Крючков начал свой рассказ:

— До революции наш город застраивался преимущественно деревянными домами. Водопровода не было. Имелось несколько артезианских колодцев, а там, где их не было, воду доставляли на верблюдах и лошадях. Случись пожар — и город, если не весь, то его большая часть, выгорал дотла! После очередного пожара, когда военным губернатором в Оренбурге был граф Перовский — человек, скажу я вам, незаурядный, всесторонне образованный, много сделавший для развития нашего города, — солдаты восстанавливали дома, церкви... К слову — вот в этом доме некогда размещалось Офицерское собрание, а вон там стояла ныне снесенная Петропавловская церковь. Надо сказать, что судьба ее была весьма своеобразной — ей страшно не везло! То пострадает от пожара, то восстановят, да не так, как того требовали соответствующие правила, то захоронение в ее ограде произведут «не по правилам»... Она была церковью для военных. К ней были приписаны даже военные губернаторы Оренбурга, в том числе и В.А.Перовский. В мае 1786 года она настолько обгорела, что ее хотели снести. Воспротивился этому военный губернатор князь Волконский. На ее восстановление он выделил средства, ее восстановили. Возрожденный храм надо было освещать вновь. Но оренбургский архиерей Амвросий Кембелев определил, что после восстановительных работ алтарь храма был сориентирован не на восток, как того требовали церковные законы. И как ни старался князь Волконский, уговорить строптивного архиерея не смог. Освящать храм тот решительно отказался! Дело дошло до священного Синода. На вопрос «Можно ли освящать храм Божий, если его алтарь находится меж востока и полудня (юга — прим. Г.Д.)?» был получен по гениальности простой ответ: «Поелику во времена года бывают различные востоки, то и церковь освящать дозволено!»

Вновь она была освящена 25 октября 1809 года. После этого князь Волконский приписал к ней всех военных города, а граф Сухтелен присоединил к ней и Неплюевское военное училище. Недолго управлял краем граф Сухтелен — 20 марта 1833 года он скончался. Похоронили его в оградех Петропавловской церкви с весьма скромной для его чина надмогильной плитой.

И вновь возникла, как говорят в наши дни, «нештатная ситуация». После похорон выяснилось, что Сухтелен над хоронить здесь было нельзя, так как по вероисповеданию он был лютеранином! Епархиальное начальство стало требовать перенести тело в другое место. Вмешался Перовский, сменивший на этом посту умершего. Дело было улажено.

Мы подошли к зданию, тесно связанному с мною заданным вопросом. Это дом Офицерского собрания. Однажды здесь произошло интересное событие: свободные от службы офицеры сидели за карточными столиками, лениво перебрасывались местными новостями, результатами нововведений и реформ, проводимых военным генерал-губернатором. Но внимание большинства привлекал столик, вокруг которого собралась значительная часть завсегдатаев. Их гомерический, взрывной хохот отвлекал от карточной игры, требовавшей тишины и сосредоточенного внимания. А к тому столику подходили все новые и новые посетители, поддерживая прежних новыми взрывами смеха.

— Нет, господа! Вы только посмотрите, — слышался чей-то голос. — Чертовски похож на нашего штабс-капитана Н.! Го-го-го! А стоит, стоит-то как! Словно левретка (порода комнатной собачки — прим. Г.Д.) на задних лапках под лакомым кусочком!... Ха-ха! Не-ет! Вы на хвост только посмотрите! Га-га-га!

В Офицерском собрании ходила по рукам карикатура, своей остротой и портретным сходством вызывавшая Дружный смех здесь присутствовавших.

А история ее появления следующая.

Как-то Перовский с гостившим у него поэтом и отличным художником-карикуристом Жемчужниковым, позднее — одним из соавторов бессмертного «Козьмы Пруtkова», прогуливаясь по Николаевской улице, дошли до Петропавловской церкви, которую после очередного пожара останавливали солдаты. Их внимание привлекло то, как штабс-капитан, руководивший работами, человек маленького роста с женственным лицом, известный в гарнизоне по прозвищу Дюймовочка, разговаривал с солдатом богатырского телосложения. Неизвестно за что, но офицер, подпрыгивая, старался своим кулаком дотянуться до лица солдата-богатыря, стоявшего перед ним навтыжку по стойке «смирно». Лицо офицера было разъярено, напоминало оскал льва рыкающего! Эта сцена была столь омерзительна и одновременно уморительно смешна, что темпераментный Жемчужников, как говорят, бросил губернатору следующую фразу: «Вздумай сей солдат хватить этим кулаком по кокарде сего бравого штабс-капитана — уйдет он в землю аршина на полтора, лишь фалды мундира его, словно лепестки василька, узор вокруг образуют!»

Перовский, представив себе такую картину, хмыкнул и подозвал ретивого офицера. Тот подбежал к генерал-губернатору, вскинул руку к козырьку, замер по стойке «смирно», вытянул шею, плечи и голову откинул назад так, что фалды его мундира почти касались земли. Перовский сделал тому внушение и отпустил... Спустя некоторое время по городу ходила

карикатура: перед Перовским, опираясь на фалды своего мундира, словно собака на хвост, стоял жалкий штабс–капитан. Карикатурный портрет был разительно схож с оригиналом. В гарнизоне никто не сомневался, кто был изображен. А справа от рисунка стояла подпись «Се ле–ев!». Ниже, по диагонали справа внизу, был выполнен второй рисунок того же офицера, бьющего в лицо стоявшего перед ним навтыжку солдата, да так, что брызги в стороны летели. Слева стояла подпись: «А не собака». Эффект карикатуры был потрясающим! Долго ли она ходила по рукам — неизвестно. Только попала она в жандармское управление. Там усмотрели в ней крамолу, решили против автора возбудить уголовное дело. Собранный на Жемчужникова материал вместе с карикатурой для утверждения был направлен Перовскому. Тот внимательно ознакомился с делом, долго любовался карикатурой, пряча улыбку в усы, затем размашисто на ней написал: «Зело здорово подмечено! Дело производством прекратить. Перовский». Резолюции, подобные этой, на документах Перовский, видимо, ставил не раз. Они характеризуют его отношение к сыскной службе жандармского управления. В архиве ученой комиссии по канцелярии оренбургского военного губернатора сохранилось дело № 78 от 23 октября 1833 года. Оно озаглавлено так: «Дело об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим временно в Оренбург поэта, титулярного советника Пушкина». Нижегородский военный губернатор Бутурлин секретным письмом от 9 октября 1833 года за № 337 извещал Перовского о том, что предписанием Санкт–Петербургского военного губернатора от 19 августа 1828 года № 211 был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина. Бутурлин просил «учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним секретного полицейского надзора». В Оренбург это письмо прибыло 23 октября. В тот же день Перовский положил на нем такую резолюцию: «Отвечать, что сие отношение прибыло через месяц по отбытию господина Пушкина отсюда...»

Ну, а что с карикатурой? Долгое время она хранилась в фондах нашего Областного государственного архива, ее видели многие. В том числе заведующий этим архивом Петр Емельянович Попов, научный сотрудник областного краеведческого музея Сергей Александрович Попов; они в точности повторяли сюжет и построение карикатуры, впервые о которых мне поведал Вячеслав Петрович Крючков. Но увидеть ее, подержать в руках и сделать фотокопию мне не удалось. Из архива она исчезла. А жаль!

Эта карикатура вызвала у меня не совсем бескорыстный интерес. Я хотел сделать с нее фотокопию, а нашим уважаемым знатокам в передачу–викторину «Что? Где? Когда?» послать следующий вопрос: «Уважаемые знатоки! Что вам известно о том, где и как родился известный афоризм Козьмы Пруткова «Се–лев! А не собака»?

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Ах ты, сукин сын, комаринский мужик!

Вдоль Оренбургской пограничной линии было разбросано большое количество казачьих станиц–крепостей. Все они требовали постоянного пополнения не только рядовым, но и офицерским составом. Присланные из «центра» долго тут не задерживались — служба для них была исключительно тяжелой, они не знали местных условий и обычаев, климат для них был чрезвычайно суров. Офицерские должности, особенно в Оренбургском казачьем войске, в те годы замещались Урядниками, прослужившими длительное время, либо лицами, выдержавшими специально установленный «офицерский экзамен». Обычно это были «служивые» лица, грудь которых украшали почетные «Георгии» да лопатообразно расчесанные бороды с «крутой» сединой. Только вот с грамотой и общеобразовательными знаниями у них было не все в порядке.

20 декабря 1868 года Николай Андреевич Крыжановский, тогдашний военный губернатор, объявил об открытии Оренбургского юнкерского военного училища. Им же было узаконено, что офицерские звания будут присваиваться впредь только лицам, окончившим его.

В среде офицерского состава Оренбургского казачьего войска сразу стало несколько «неуютно» — надо было постулата учиться!

Двухэтажный корпус юнкерского училища, своим фасадом, когда-то смотревший на Форштадт, заполнили убеленные седанами «служивые». Если учесть, что в те годы в казачьем войске общеобразовательных школ было очень мало, то становится понятным, с какими знаниями в эти стены приходили соискатели офицерских званий. Поступавшие едва знали грамоту! Около десяти лет стоял вопрос, как быть с такими учениками. Наконец выход был найден — открыли подготовительный класс. Вот тут-то и приходит мысль провести сравнительную аналогию того времени с нашей действительностью — почему сейчас при каждом институте существуют подготовительные отделения? С какими знаниями выпускают школы будущих абитуриентов? Выход-то был подсказан более сотни лет тому; назад! Но вернемся к юнкерскому училищу.

Обучение в нем было двухгодичным. На первый, «младший», курс обучения принимались лица, знавшие арифметику, русский язык, знакомые с географией, историей древних и средних веков.

С годами в училище накопилось значительное количество наглядных учебных пособий, была создана дорогая даже по тем временам коллекция холодного оружия, собирались образцы снарядов и огнестрельного оружия армий мира. Была даже, на первый взгляд смешная, коллекция лошадиных зубов!

Опытные животноводы и в наши дни по зубам определяют возраст животного, в частности — лошадей. Будущий казачий офицер обязан был это знать! Библиотека была одной из самых богатых в городе — она насчитывала несколько тысяч томов.

С годами степенных бородатых слушателей вытеснила?! более грамотная молодежь, более задиристая, с претензиями на лидерство в городе, тем более что в «юнкера» мог попасть не каждый желающий! И если в наши дни лидерство утверждается с помощью кулаков или порой более веских

«аргументов», в те годы главным в диалоге были не кулаки: несмотря на то, что некоторые районы города славились своими кулачными боями и «стенками», главным был искрометный юмор, молниеносная сообразительность, умение «сразить» своего противника саркастическим аргументом. Словом, ценилось все то, что было принято в цивилизованном обществе.

В этой связи мне запомнился рассказ одного нашего старожилы:

— Слышал я, что отбор кандидатов в «юнкера» был в те годы строгий. Но вот качество подготовки в стенах училища, как говорили, хромало на все четыре копыта! Хромало так, что слух о малограмотности некоторых выпускников дошел до самого «верха»! Было решено направить в Оренбургское юнкерское училище для проверки слухов какого-то генерала, много лет отдавшего военной службе и превыше всего чтившего генерал-аншефа Суворова! Уважал он не тех юнкеров-зубрил, имевших «свинцовый зад», а находчивых, обладавших взрывной реакцией, обладавших способностью моментально находить выход из сложнейшей ситуации. Потому и побаивались его проверок. Не могли предвидеть следующий его ход или вопрос. «Зубрил» он часто ставил в неловкое положение...

Далее, мне сказывали, в юнкерском произошло вот что: стал тот генерал проверять знания юнкеров; то одного поставит в тупик своим вопросом на сметливость, то другого. Тут дошла очередь до «щербатого» — звали так одного юнкеришку, которому лошадь копытом по зубам угодила. С той поры он не все буквы стал выговаривать.

— Чтой-то ты, братец, шепелявишь? — спросил его генерал в самом начале беседы. — Офицер команды должен отдавать громко и четко!

— Я то фмогу, вафе выфокотревофходительфтво! — ответил юнкер.

— Ну-ну! — благодушно промолвил генерал и стал задавать ему различные вопросы по воинской науке. Растерялся юнкер вначале, но потом понял, что теперь терять ему нечего, а «вылезать» как-то надо. Стал брать голосом — отвечать на все вопросы громко, но невпопад!

Морщился, морщился генерал, наконец говорит ему:

— Господин юнкер! Задаю вам последний вопрос...

— Флуфаю ваф, вафе выфокотблагододие! — перебил его испытуемый.

— Вы русские народные песни знаете?

— Так тофно, гофпадин генерал!

— Вы знаете русскую народную песню «Ты поди, поди, коровушка, домой»? — неудовлетворенный ответами юнкера, съязвил инспектор.

— Так тофно! Фнаю ее, гофпадин генерал! Но я фнаю и напевки к ней...

— Какие? — не выдержал генерал.

— Ах ты, фукин фын, комаринфкий муффык! Гофпадин генерал!

Сказывают, выскочил тот генерал в гневе и напрямик в кабинет начальника училища, слегка подергивая левой ногой, побежал...

Не успел «щербатый» в коридор выйти, как влетел вестовой и гаркнул:

— Аллюр три креста, щербатушка! Генерал вызывает! Готовь смену чистого белья!

Семь потов с юнкера сошло, пока коридорами к начальству шел. Аж галифе, сказывают, у него вспотели.

Заходит, смотрит: у стоящих тут офицеров лица строгие, глаза — злые, а губы дрожат, вроде как от смеха взорваться готовы. Начал докладывать:

— Гофподин генерал!...

— Ты что ж это, каналья, — перебил его инспектор, — меня, генерала боевого, мужиком комаринским назвал? Об сукином сыне и вспоминать грешно!

Смотрит юнкер на генерала — голос вроде злой, а глаза н смеются...

— Дык, вафе выфокопревофходительфтво, говорят, фтй иф пefни флова не выброфишь!

— Уж это точно, не выбросишь! — взорвался смехом генерал. — Смел ты больно, братец! Генерала так подкузьмить!

Смотрит юнкер, а вокруг все офицеры от смеха давятся, но вид строгий соблюсти стараются. Грешно над генералом смеяться, втрое — над проверяющим. Стоит и чует, как ит по хребту в галифе скатывается!

— На вот тебе, каналья, за смелость червонец золотой! Что не оробел перед генералом да честь свою достойно отстоять сумел! Только так и должен русский офицер поступать! Честь — она превыше всего! Да не забудь мамзели своей трюфелей купить. Преподнесешь ей да скажешь — генерал приказал!

— Рад фтаратьфя! Благодарю, вафе выфокопревофходительфто! — гаркнул юнкер, пряча золотой червонец в карман и все еще не веря в такой исход. Идет коридором, а в сапогах у него хлюпает — вспотел изрядно, значит!

Та проверка, сказывают, для начальства окончилась благополучно. Спас их «щербатый» своей напевной! А случав тот навечно в историю училища легендой вошел. В городе многие о том случае знали, из уст в уста его передавали. Вот и до наших дней легенда дошла!

В наши дни в бывшем здании юнкерского училище располагается Высшее зенитно–ракетное училище имени С.Орджоникидзе. И продолжает оно своим фасадом смотреть в сторону, где некогда начинался Форштадт, а ныне проходи! Выставочная улица, на которой возвышается гостинице «Оренбург». Все мои попытки установить судьбу коллекций холодного оружия, некогда принадлежавшую юнкерскому училищу, окончились безрезультатно. Может быть, моему читателю повезет больше, если он займется этим вопросом?

Наш город будет ему за это благодарен!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

[Главная](#)

Причуды губернаторов

15 октября 1902 года скончался генерал–майор Оренбургского казачьего войска, потомственный казак Иван Васильевич Чернов. Он был похоронен в ограде ныне уничтоженного женского монастыря. В историю нашего края он вошел как человек, оставивший «Биографические указания о главных начальниках Оренбургского края». Вот как он сам говорил о своих «Записках»: «Основанием настоящих моих заметок служит то, что я лично видел, слышал от достоверных людей или взял из дел других источников, нисколько не отступая от правды». В его «Записках» бывшие «главные начальники» предстают перед читателем не только как официальные лица, но прежде всего как люди с присущими им достоинствами и недостатками, с особенностями их характеров. Мною его «Записки» дополнены легендами, которые довелось слышать от разных людей за многие годы жизни в Оренбурге. Они не меняют существенно сведения, приведенные И. В. Черновым, но вместе — будут представлять Для читателя определенный интерес.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Губернатор Петр Кириллович Эссен

На место престарелого князя Волконского в 1817 году ВЪН сочайше на должность военного губернатора был назначен генерал–лейтенант, ставший позднее полным генералом Петр Кириллович Эссен. И если про кого–то говорят, что этот человек родился под счастливой звездой и в рубашке — слова эти в полной мере можно отнести к Эссену. Из всех оренбургских губернаторов он был одним из самых молодых. Если сказать, что взлет его карьеры был стремительным — значит не сказать почти ничего!

Службу свою он начал в Лейб–гвардии Павловском полку в Гатчине под Петербургом. Полк славился не только строевой выправкой, блистательной парадной формой, но и тем, что все его офицеры были лично известны императору Павлу I, который одаривал их своим вниманием и покровительством.

Как–то, тогда еще молодому офицеру, Эссену довелось в гордом одиночестве шествовать до Гатчины «пешим порядком». Он начал было изрядно уставать, как позади его раздался приближающийся топот копыт и грохот колес кареты. Офицер сошел на обочину дороги, обернулся и увидел приближающуюся карету самого Государя Императора Павла I. Эссен замер по стойке «смирно» и было приготовился «пожирать глазами» Его Императорское Величество, как карета внезапно остановилась. Распахнулась дверца и... Павел I изволил пригласить молодого офицера занять место в карете для «разделения времени в приятной приватбеседе».

Как гласит предание, император был приятно удивлен образованностью офицера — на все заданные вопросы он получал умные, исчерпывающие ответы. За это Эссен прямо в карете был произведен в чин капитана, а через час, когда была сделана остановка у Гатчинского дворца, из кареты вышел полковник Петр Кириллович Эссен!

Император хорошо запомнил своего умного и приятной попутчика, поэтому, некоторое время спустя, Эссен ходи! уже в генералах. Ему был предложен пост военного туя бернатора в отдаленной крепости Оренбург. Молодой генерал–майор отбыл туда. Но первым, кого он встретил на земля ле Оренбургской, был фельдегерь императора, вручивший приказ о присвоении ему звания генерал–лейтенанта. Так ц Оренбурге появился молодой генерал–лейтенант граф Петр Кириллович Эссен.

Первое, с чем столкнулся новый губернатор в своей канцелярии — с кадрами, «зело успешно хмельное зелье потреблявшими», но отличавшимися «грамотностью отменно низкой, а тако же и к делам прилежанием».

Как правило, работники канцелярии устраивали коллект тивные попойки с последующим «пугающим люд цивильный» весельем. Эссен решил покончить с пьянством, а случай предоставился незамедлительно: после очередного возлияния спиртного несколько чиновников гурьбой пошли на вечерки для «забавы с девками, там собравшимися». Благо дом тот стоял рядом с крепостным валом, на котором стояла пушка. Хозяин дома, заметив направившихся к нему пьяных чиновников, запер ворота. Гуляки столкнули с крепостного вала пушку и, используя ее как таран, пробили ворота. К ужасу в доме собравшихся, пьяные ворвались в дом... О случае сем было доложено Эссену. Он потребовал буйствовавших чиновников к себе. Понурия головы и предчувствуя неизбежность наказания, виновные поплелись к губернатору. Тот встретил; их с толстой, суковатой палкой в

руках.

— Эх! — промолвил один из них, глядя на палку, — сто; палок—то я выдюжу, а будя боле назначено? Как тогда?..

Вечером на плац—парадной площади виновные получили сполна!

Буйствовало и некоторые офицеры канцелярии. В те годы по городу ходил слух, что некий чиновник, ведавший делами комиссии пограничных дел при канцелярии губернатора, не нашел вовремя какую—то бумажку, нужную офицеру Герману. Вспыливший офицер вскочил, схватил саблю и выдернул ее из ножен. Но чиновник оказался проворнее — успел выскочить во двор. Следом, с обнаженной саблей, бросился и Герман, но сразу к воротам, дабы отрезать путь к отступлению бегством спасавшемуся нерадивому, но зело проворному чиновнику. Изрядно погнав его по двору, Герман упал и зашиб колено. Беглец воспользовался этим, влетел в канцелярию, мигом нашел требовавшуюся бумагу и, держа ее впереди себя на вытянутых руках, словно икону святую, вышел на крыльцо, предъявил ее хромавшему господину офицеру. Герман, морщась от боли в колене, рывкнул:

— Счастлив ты, каналья, что не попался! Изрубил бы саблю!

Вошел в канцелярию, ознакомился с бумагой, остыл и заявил, что прощает подлеца, но лишь потому, что выезжает на несколько дней.

На почтовой станции, где он остановился на ночь, в одной комнате оказалось три человека: Герман, молодой священник и приятного вида помещица. Затушили лампу и стали укладываться спать. Когда от священника пошли звуки, подтверждающие его глубокий сон, Герман встал и направился к помещице. Но едва присел к ней на кровать, тут же получил увесистую пощечину. На цыпочках подошел к священнику, нанес ему два удара и нырнул в свою постель. Проснувшийся от ударов завопил: «Кто тут дерется?» — «Мало получил! Еще причитается!» — ответила дама. Герман же сонным голосом: «Что тут происходит? Пошто спать не даете?»

Но утром все встало на свои места. Дама и священник поняли, кто был действительным возмутителем ночного покоя... О случившемся доложили губернатору. Герман был выслан в отдаленную крепость.

Эссен решительными мерами наводил в городе дисциплину и порядок. Офицеры, ходившие по городу не по форме одетыми, строго наказывались. В легенду вошел случай, когда один из местных офицеров нес на себе купленную туш барана. Глядь — навстречу губернатор идет! Нужно Эссен отдавать честь, а руки заняты. Но не растерялся офицер] встал «во фронт», правую руку к козырьку бросил, тушку! левой ногой поставил, а рукой его ногу поднял к тому месту где у барана голова должна быть — вроде как: тоже честь от дает. Эссен поравнялся, покачал головой, усмехнулся, гляде на стоящего барана, и проследовал дальше.

В летопись легенд Оренбурга вошел афоризм Козьмы Пруtkова «Се—лев! А не собака». О его рождении было рассказано в одноименном очерке. Но вот о другом, не менее забавном случае, даже вошедшем в Устав Русской армии и дошедшем до наших дней, связанном с именем Эссена, знают не все. О том случае мне поведал замечательный рассказчик и тонкий юморист Георгий Семенов. Рассказанное им я решил проверить...

Как—то, беседа с подполковником В.Н., задал вопрос:

— Почему в общественных местах младшие по званию не приветствуют

старших?

— Так записано в Уставе! — ответил он.

— А почему так записано в Уставе? — упорствовал я.

— Трудно ответить... но помню, как много лет тому назад, нам, салажатам–новобранцам, помкомвзвода вдалбливал: «Все, что записано в Уставе — записано кровью!» А там, кто знает...

Но продолжим наш рассказ.

Как-то довелось Эссену порядок в солдатских казармах проверять. Заодно, извиняюсь, к солдатским туалетам завернул. Оттуда ему навстречу солдат вышел. Увидел перед собой генерала, внезапно появившегося, растерялся, да так, что даже руку к бескозырке бросить забыл. Вспылил генерал, усмотрев в том нарушение воинского Устава, стал отчитывать нерадивого. Солдат же стоит по стойке «смирно» да про себя думает: «Ну вот, кажись и розог схлопотал!» Да неохота их получать было. Вот и решил ответить генералу (авось, и пронесет!): «Как можно, ваше превосходительство, честь вам такой рукой отдавать? Бумага–то нам здесь не положена!» От души рассмеялся Эссен солдатской находчивости. Но вот с тех пор, вначале в Оренбурге, затем и по всей русской армии традиция появилась: сначала у солдатских туалетов, потом и во всех общественных местах даже генералам честь не отдавать.

До приезда Эссена Оренбург существовал уже 70 лет. И если для военных в нем было предусмотрено если не все, то многое, для гражданских же лиц, для чиновничьего люда не было ничего. В летнее время для народных гуляний использовалась Зауральная роща, узеньким деревянным мостиком связанная с городом. Петр Кириллович первым из оренбургских губернаторов принял меры для ее благоустройства. Этим занимались специально выделенные команды солдат. Были проложены аллеи, посыпавшиеся песком, на реке проводились катания на лодках. На Большой поляне играла военная музыка, для увеселения публики от казаков и солдат выделялись плясуны и песенники. Существует предание, что при Эссене была проложена вдоль Старицы аллея, засаженная тополями. Даже свою загородную дачу, которая в те годы находилась в районе архиерейского дома, с городом он соединил тополевой аллеей. Он первым сделал попытку в городе провести водопровод. Но про то — отдельный рассказ...

К отъезду Эссена в роще была поставлена беседка–ротонда. По преданию, именно из нее, после прощальной «хлеб–соли», он уехал к новому месту службы. Беседка же та Дожила до наших дней. Правда, стоит она теперь не в роще, а в скверике, что напротив драмтеатра. Петр Кириллович Эссен вошел в летопись нашего города как энтузиаст озеленения и восстановления воинской дисциплины в офицерском корпусе местного гарнизона. Но было у него еще одно увлечение, о котором многие наши историки–краеведы почему–то Умалчивают. А здесь Эссен открывается совсем с другой стороны, в другом качестве. Но позволю себе сделать небом шое отступление.

Шел 1961 год. Мы, группа оренбургских туристов на борщ теплохода «Марина Раскова», за двадцать дней посетили ва поволжские города по маршруту Куйбышев–Астрахань–Мошва–Куйбышев. Как только подходим к очередной остановка бывалые «туристы» со знанием дела объясняют окружающая их попутчикам где, что и за сколько здесь можно купить ходовой товар в магазинах или на рынках города «Н». Щ скрою, вместе с

женой тоже бродили по рынкам поволжски городов, сравнивая цены с нашим, оренбургским рынком. Удивлялись обилию и дешевизне нашего! Феномен этот объяснялся тем, что в те годы на своих подворьях многие жители города, о сельчанах и говорить не буду, держали всякую живность. Даже в нашем дворе, а жил я тогда на Советской улице, чуть ниже здания теперешнего горисполкома, многие жители держали птицу, кроликов, свиней. На весь двор были даже одна корова! А что говорить о жителях таких районов города, как Форштадт, Аренда, Красный Городок? Практически все жили в своих домах. Им ли не держать живность на подворье? И держали. Держали, пока к власти в стране не пришел Н.Хрущев. С его «подачи» было предложено очистить все подворья от мелкого и крупного рогатого скота. Помню, как со слезами и стоном расставался хозяин с вековой кормилицей семьи — коровой! Те, кто держал садово-огородные участки, превратились в «тунеядцев», своим потом и трудом обеспечивающих продуктами питания семью. Думаю, что не сделаю большой ошибки, если скажу — рынки в городе развивались с момента его закладки. Вот как об одном из них говорилось в рапорте: «... Балаганы, находящиеся на торговой площади, при въезде в Гостиный двор, большей частью сделаны из лубков, поддерживаемые тонкими столбиками и перекладинами из жердей, и хотя, между ними находятся некоторые лавочки, сделанные из досок, но они как наружным видом, так и беспорядочным расположением всех вообще балаганов, делают безобразие... Построены балаганы без всякого позволения... Кроме сих балаганов построены по сторонам торговой площади еще деревянные лавки, большей частью ветхи и безобразны». Так, в 1819 году, описал главную рыночную площадь Оренбурга в рапорте на имя губернатора П.К.Эссена инженер-капитан Гене. В личной беседе военный губернатор выяснил, что, по мнению Генса, необходимо произвести снос самовольно построенных балаганов, запретить впредь их самовольную постройку как мешающую въезду в Гостиный двор. Эссен приказал: «...Балаганы сии снести, но чтоб торговцев в них торгующих не лишать способов производить сей торг, который составляет у большей их части весь промысел, то поставить сии балаганы на время в другом месте, отделяя оные от Гостиного двора». По поручению Эссена Городской Думе было сделано представление: «...частные торговцы заставляя возами немалую часть площади и причиняя от накопления навоза нечистоту и вредные здоровью испарения...» Как видим, борьба за чистоту и здоровый воздух в городе началась еще при Эссене!

В 1827 году Дума решила на благоустройство рынка за счет сноса самовольно построенных лавок на городской земле. То решение Эссен одобрил, но попросил собрать самые подробные сведения о лавках... «в коих продается черный и белый хлеб, ибо с оных брать в пользу городского дохода что-либо я считаю неудобным, дабы через сие не возвысить цену на хлеб к неудовольствию народному».

Эссену доложили, что на главной рыночной площади торгуют: купцов — 12, мещан — 18, крестьян — 5, отставных солдат — 4, казаков — 3, армян — 1. Губернатору удалось установить пикантную подробность — при составлении списков лиц, не плативших акцизный сбор, оказались «случайно пропущенными» Городской Голова Кривцов и его ближайшие родственники, «а також и другие именитые граждане города!»

Вот с каких пор у некоторых власть предержащих в нашем городе пошла традиция пользоваться благами, недоступным рядовым гражданам!

Ну, а что Дума? Как она отреагировала на установленный факт?

Должен сказать — оперативно и очень строго! Она тут же послала запрос в полицию, прося срочно сообщить, какие родственники Городского Головы не попали в тот «черный список»? Как всегда, оренбургская полиция сработала четко, быстро, оперативно! Она ответила, что «...Думе намного лучше знать всех родственников Городской Головы». Но в то же время генерал-губернатор получил рапорт, что 32 лавки, принадлежащие Городской Голове либо гласным Думы, в тот список не попали!.. Тот рапорт получил широкую огласку. Пришлось в 1827 году даже возбуждать дело на, как говорят в наши дни, использование служебного положения. Дело было успешно завершено... аж в 1835 году!

С тех пор прошло много лет. В наши дни рынок разделился на «Зеленый базар», как зовут его горожане по старинке, и барахолку — «толчок». И если Зеленый базар вот уже много лет занимает неизменное положение, то «толкучему» рынку явно не везет! Где он только не побывал! В годы Великой Отечественной он располагался на бывшем кладбище, поднимавшемся от Зеленого базара к водонапорной башне. Прямо на могильных холмиках раскладывался немудреный товар местных «купцов». Ныне это место не узнать — толчок перенесен в другое место, а от кладбища и следов не осталось. На его месте выросли жилые дома и 4-ая городская больница. С тех пор «толчок»-барахолку много раз перебрасывали с места на место. Место менялось. Но неизменным оставалось одно — он оставался основным местом сбыта товаров «купцами-перекупщиками», ранее именовавшимися коротким словом — спекулянт!

Если на толчок попадал несведущий человек, он вначале не мог понять, как и что здесь продают. Но немного «потолкавшись» по рядам выставленных товаров, начинал замечать некоторую «специализацию» рядов. Вот лежит инструмент. По нашим дням — дефицит! Лежит еще в заводской смазке. Заметно, что еще несколько дней тому назад он находился на складе какого-то местного завода. Следующий ряд — запасные части к машинам и мотоциклам. Здесь царит основное правило — «схватить вовремя» в магазине и вовремя «толкнуть»!

Вспоминаю случай, происшедший со мной:

— Дядя! Что ищем? — обратился ко мне подросток лет четырнадцати.

— Да вот, комплект тормозных манжет надо...

— К какой модели? — получив ответ, он крикнул какому-то занюханному мужику: — Дядя Миша! Манжеты тут требуют!

— На, смотри. Новенькие! Парок от них еще идет! Насчет «парка» не знаю, не заметил. Но вот «душок» от дяди Миши шел! Да какой!

— Сколько?

— Пятьдесят! — равнодушно бросает дядя Миша и отворачивается в сторону. Отсчитав названную сумму, получаю манжеты. Через полчаса захожу в автомагазин и вижу на витрине «мои» манжеты, стоимостью 28 копеек штука (восемь штук которых я только что купил за пятьдесят Рублей!)... Во времена же Эссена местные купцы продавали в основном произведение рук своих. Были, конечно, и купцы-перекупщики. Оптовики...

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Военный губернатор Василий Алексеевич Перовский

Нет более сложной задачи, чем рассказать о деятельности человека, дважды управлявшего нашим краем — с 1833 по 1842 и с 1851 по 1857 годы. В любом случае есть риск вызвать недовольство, а то и гнев историков–профессионалов, приверженцев различных теорий и взглядов на его поступки. Настолько неординарны, порой даже противоречивы, черты характера Василия Алексеевича Перовского — человека для своего времени весьма образованного, взглядов — демократических, стремившегося окружить себя людьми не только культурными, но и проявлявшими незаурядную личную инициативу и сметку. До сих пор остается только удивляться дару его предвидения на десятки, а может быть, и на сотни лет вперед!

Однажды поверив человеку, верил ему до конца, порой становясь жертвой такого доверия. Именно так произошло с ним из-за полковника Циолковского, позднее ставшего генералом. Именно он, Циолковский, стал основной причиной провала хивинского похода, вошедшего в историю как первый. Имя Перовского слилось с развитием строительства города, культуры, архитектурного облика, лесоразведения и даже развития мукомольной промышленности в нашем крае. Некоторые начинания военного губернатора не всегда воспринимались его современниками, приводили к бунтам, а некоторые из тех, кто заменял его на этом посту — в делах даже откатывались назад, возвращая все «на круги своя!»

Знакомство с краем

Впервые приехав в Оренбург в 1833 году, Перовский тут же объехал почти все крепости Оренбургской пограничной линии, лично убедился не только в сказочном плодородии наших полей, но и в хищнической вырубке лесов. Его удивило, что такие щедрые земли столь мало засеваются пшеницей. Старожилы рассказывали ему, что в некоторые года здесь собирались баснословные урожаи! Известны случаи, когда поля, с которых был убран урожай, повторно не засеивались — осыпавшаяся при уборке пшеница становилась своеобразным посевным материалом, перезимовавшим на полях! По весне дружные всходы самосева радовали глаз земледельца! Да та беда: бичом урожая были периодические засухи и суховеи, в результате этой поездки родился «циркуляр», разосланщ! Перовским всем комендантам крепостей. Он очень интересе и по сути убедительно подтверждает неординарность мышления нового военного губернатора: «При проезде моем по линии я с прискорбием заметил худое состояние лесов по Урам — большая часть из них совершенно вырублена или быстро клонится к истреблению. С истреблением лесов, хранилищ влаги и снега, освежительная роса исчезла или едва заметна. Весенние разливы уменьшились. Урал мелеет во многих местах представляет уже непрерывный ряд бродов. Бурные ветры дробят и разносят дождь и снег поной бозримым пространствам голых степей. Летом палящий зной сжигает хлеба, сено, томит людей и животных...» К 1 февраля 1834 года Перовский собрал от коменданта крепостей «точный счет» всех жителей мужского пола не старше 12 лет. Он же приказал: «... всех жителей простолюдине или поселенных солдат, которые за ослушание, пьянство или грубость, буйство или драку подлежат легкому наказанию — не наказывать, а заставлять вспахать четверть десятины земз ли у опушки леса...» Год спустя военный

губернатор выпускает «наставление, как правильно производить посадку деревьев», практически он вынудил производить лесоразведение! Каждому жителю мужского пола вменялось произвести посадку определенного количества деревьев «наблюдать за их произрастанием». В феврале 1836 года по инициативе Перовского в городе открылась школа лесоводства.

Циркуляр на общественную запашку земель

Перовский был убежден, что посевы оренбургской пшеницы, пользовавшейся широкой известностью, необходимо расширять. Твердый в проведении задуманных реформ, 1835 году он отдает приказ генерал-майору Гельду, в те годы командовавшему казачьими войсками, ввести обязательную «общественную запашку» свободных земель силами казачьего войска. Такое решение Перовский принял не случайно — спрос на оренбургскую пшеницу постоянно возрастал! Он вводит принудительную норму засева — один пуд на каждого казака. Генерал Гельд не смог донести до сознания казачества необходимость выполнения этого приказа и его перспективную суть, личную выгоду. Генерал Гельд решил опереться только на силу приказа. Служба казака в те годы была нелегка. Это было учтено в выданных казачьему войску «Привилегиях». В приказе Перовского казаки усмотрели покушение на данные им привилегии, дополнительное принуждение выполнять тяжелую работу, напоминающую оброк. Казаки отказались повиноваться, а главное — сеять хлеб! В казачьем войске вспыхнули волнения, которые Гельд заглушить не смог. Получив рапорт о неповиновении, Перовский немедленно отстранил от должности генерала Гельда, поднял линейный батальон, приказал немедленно выступить в районы, охваченные волнениями, туда же отправился и сам. В Чернореченской крепости казаки «отменно были наказаны плетью и шпицрутенами. Особо непокорные были отселены в отдаленные станицы». На место Гельда был назначен генерал-майор Шуцкий, о котором гласила народная молва: «Человек тупой, но до ужаста крутой!» Массовая порка казаков за невыполнение приказа губернатора сделала свое дело — общественная запашка силой, но была введена!

Перовский приказал с каждого нового урожая оставлять не только семенной фонд, но и закладывать «страховой запас» в общественные амбары, гарантировавший казачеству поддержку жизненного уровня на случай засухи или неурожая — он даже это учел! Общественной запашкой было поручено заниматься инженер-капитану Агапьеву. На первых порах дело пошло успешно. Он даже был представлен к ордену! Через его руки стали проходить крупные суммы выделяемые не только из казны, но и полученные о реализации собранного казаками урожая, сданного «провиантские магазины». За каждый сданный пуд зерна кая зак получал по 26 копеек. Личные доходы Агапьева стали стремительно расти. Слух об этом дошел до Перовского. Он вызвал казнокрада, заявил, что, несмотря на полученный орден, он подлец, не оправдавший доверия. С тем и выгнал его вон из Оренбурга. От генерала Тучкова потребовали строжайшего контроля за выполнением казаками минимальной нормы высева, за количеством сданного ими зерна. Ввел строгую отчетность. Казнокрадству был положен конец. Обозы с оренбургской пшеницей потянулись вглубь России. В общем объеме сданного зерна весомым становился вклад «общественной запашки», одной из самых жестких «причуд» Перовского, следовательно, весомым был вклад и всегв Оренбургского казачьего войска. Да и сами казаки стали по*1 нимать свою выгоду от продажи пшеницы.

В одном из разговоров с потомственным оренбургским казаком Семеновым, служившим в XI-й кавалерийской дивизий, пришлось услышать такую

фразу: «Путь к хлебному изобилию» и славе пшеницы оренбургской лежал через казачью задницу! Но то был самый короткий путь к сознанию...»

пришлось услышать такую фразу: «Путь к хлебному изобилию» и славе пшеницы оренбургской лежал через казачью задницу! Но то был самый короткий путь к сознанию...»

Обилие хлеба не только превратило край Оренбургский в одну из житниц России, но и дало толчок к развитию мукомольной промышленности, позднее стало одним из решающих факторов при обосновании необходимости строительства Самаро–Оренбургской железной дороги, для учреждения в Оренбурге торговой биржи.

Почем казаку борода?

Будучи человеком демократических взглядов, Перовский вместе с тем был порой жестоким до неуправляемости. В легенду вошел один случай, о котором долгие годы вспоминая жители Оренбурга. Говорят, это было так.

Однажды несколько казаков явились на смотр не в мундирах, а в обычной одежде. Заявили, что они готовы служить царю верою и правдою, если им будет дозволено носить бороды! Особое упрямство проявил казак Пшеничников, явившийся на смотр в простой одежде, с книгой священных Правил и говорил, что не он, а святые Отцы установили ношение бород. Христианский государь не должен делать им запрета — для царя нужна служба, которую казаки будут нести, а с бородою человек или без бороды — царю не все ли равно? Об этом случае окружной штаб–офицер полковник Ханский лично доложил Перовскому. Пшеничников с единомышленниками был привезен в Оренбург. Тут его поручили опытному протоиерею кадетского корпуса Петру Алексеевичу Сахарову, при участии наказного атамана Ивана Васильевича Подурова и правителя генерал–губернаторской канцелярии Глебова, отменного юриста. Сколько ни убеждали Пшеничникова, что для Бога — вера, для государя — служба никак не исключают одна другую, — он оставался при своем мнении «потерпеть за бороду». Перовский утвердил решение — наказание в три тысячи шпицрутенов, но дал разрешение Подурову простить казаков, если они раскаются. Когда были выстроены солдаты, Подуров объявил об этом. Пшеничников перекрестился и пошел первым, сказав, что он не для показа готовил себя и вынесет все, пока жив.

Некоторых казаков несколько раз выводили и добивали. В живых остался один Пшеничников. Перовский превысил свою власть, применив наказание шпицрутенами, так как Уже существовал закон, согласно которому нижние чины из Раскольников за поступки, имевшие в основании религию, не подвергаются телесному наказанию, а подлежат ссылке. Он счел такой закон для Оренбургского края неудобным, через военного министра просил об оставлении прежнего порядка. Император Николай Павлович на его представлении положил резолюцию: «Зло нужно уничтожать в начале и бород казакам не носить, исключая стариков более 50 лет и вообще таких даже в урядники не производить».

Запрещение носить бороду оренбургским казакам, состоявшим на службе, было установлено при войсковом атамане Могутове: «В бытность мою в прошлом 1757 году в Ельдяке (крепость — Г.Д.), — писал Могутов атаману елдицких казаков Чисметову, — видел я, что все казаки ходят в бородах и волосы так отрастают, как у мужиков, а в Указе Ея Императорского Величества 1748 года марта 31 написано: «В сбор с бородачей и раскольников положенных денег поступать по прежним Указам безо

всякого опущения, токмо дабы разных чинов люди опричь священников и церковного причта и крестьян в неуказанном платье не ходили и бород не носили, того смотреть накрепко, а кто в противность публикованных в том Указов в каком неуказанном платье ходить и бороды носить станет, с таковых по взысканию штрафа чинить по Указу безо всякого послабления, того ради в силу онаго Ея Императорского Величества Указу всем команды свои старшинам и казакам бороды обрить и волосы подстричь, так как со здешними казаками числится, чего ради фельдшера из их же казаков выбрав к тому искусной определить и поступать по силе онаго, дабы все как старшины, так и казаки были во всякой чистоте и платье носили по своему званию, а не мужичье, а кто тобою фельдшером определен будет, о том мне рапортовать. Василий Могутов. 12 января 1758 года»

Для блага города и горожан

Наш город во времена Перовского представлял собор сборище ветхих лачуг, некоторые из них и жильем—то можно было назвать с большим трудом. До 1822 года над городом довлел царский Указ «О воинском постое». Домовладельцы всякими правдами и неправдами старались этот закон обойти или как—то уклониться от его выполнения: либо дому придавался нежилой вид, либо строились такие лачуги—халупы, в которые офицеров не поселяли. После известного Указа об отмене «Закона о воинском постое» в городе началось строительство добротных домов, но строили только те, кто располагал определенными средствами. В голове у Перовского созрела мысль избавить город, в пределах крепости, от жалких лачуг. Полицмейстеру был отдан приказ составить список ветхого жилья и определить его к сносу. Таковых жилищ было найдено 221 строение.

До Перовского одним из губернаторов тоже делалась попытка избавить город от лачуг, но весьма своеобразным способом. Как гласит легенда, этот губернатор, через специальные команды, такие лачуги попросту поджигал! Перовский поступил по—другому: есть средства у хозяина строить каменный дом в черте крепости — строй. Нет — отводилось место «вне города». На новое строение губернаторской казной выплачивалось пятьдесят рублей ассигнациями и выдавалось определенное количество строительных материалов. Начав с жилых домов, Василий Алексеевич Перовский увековечил свое имя возведением жемчужины архитектуры города — Караван—Сарая. С его именем связано и строительство водопровода...

Последняя шутка Перовского

Многое приходилось слышать о чертах характера Перовского: жесток и милосерден, любитель шуток и в тоже время строг, доступный весельчак, страстный коллекционер и вспыльчивый генерал. Только в одном ему нельзя было отказать — в даре предвидения. Его постоянно окружали и были его гостями талантливые люди. Вспомним хотя бы автора «Толкового словаря» Владимира Даля, А.Пушкина, сатирика Жемчужникова... Любил Перовский шутку, молниеносно реагировал на нее.

Об одной из них мне приходилось слышать в разных вариантах — то была реакция на попытку «пошутить» с ним одного из офицеров гарнизона.

Поздним, душным летним вечером в здании Офицерского собрания, что когда—то было на Николаевской улице, веселилась группа молодых офицеров. Среди них был один по фамилии Романов. Ей он очень гордился — еще бы, такая же была и у Его Императорского Величества!

Подвыпившие товарищи обратились с таким вопросом:

— Вот ты — Романов. Сможешь ли ты в сей час полуночный посетить господина военного губернатора и поинтересоваться, чем он занят?

Известно, что пьяному — море по колено! Офицер устремился к дому Перовского, следом шли его друзья...

Подошел, постучал в дверь, получил приглашение войти.

— Ваше превосходительство! Я — Романов! Вы — Перовский? Могу ли я спросить, чем сей момент занят наш губернатор?

Посмотрел Перовский на него, усмехнулся в ус и ответил, что если господин офицер окажет честь ему, Перовскому, присядет к столу, то сможет не только спросить, но и самолично убедиться, чем сей момент занят губернатор. Офицер присел к столу и, не предвидя подвоха, спросил:

— А чем?

— Сей момент я занят подбором кандидата на пост коменданта в Ново-Орское укрепление. Отдаленно оно отменно, да тем и лучше! Комендант—то там должен быть смел отменно и непременно «с головой»! — Почесал Перовский ус и продолжил: — Потому «с головой», что ждать приказа будет, не от кого. Далеко оно. Решать самому придется! Подобрал я тут одного, вроде бы подходит! — С тем и вызвал своего адъютанта, отдал соответствующий приказ, а Романову заявил, что такого офицера перед собой видит и считает, что поутру ему; вместе с повозкою от Оренбурга верст на двадцать пять отстоять надлежит! С тем и выпроводил незадачливого шутника.

А друзья, ждавшие его на улице, понутив головы, побрели по домам в ожидании наказания от Перовского за чрезмерное потребление хмельного...

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Дом полковника Тимашева

История, о которой хочу рассказать, началась при губернаторе Перовском, а закончилась при Обручеве.

В нашем городе есть много домов, тесно связанных с историей, с прошлым нашего города и края, с судьбами интересных людей. Среди множества следует, пожалуй, выделить один, и не только потому, что он старейший постройке. Приезжий пройдет мимо, не остановив на нем даже взгляда — дом как дом, двухэтажный с мезонином, каких! в Оренбурге много. Но этот достоин того, чтоб о нем пошел особый разговор.

Итак: по Советской улице идет пешая экскурсия, останавливается около дома, расположенного между кинотеатром «Октябрь» и гастрономом № 2.

Экскурсовод продолжает свой рассказ: «Мы подошли к дому, некогда принадлежавшему полковнику Тимашеву...»

Позднее им последовательно владели купцы Ладыгин, Хусаинов. Как говорит предание, в этом доме постоянно жили оренбургские губернаторы, в его стенах бывали Государь Император Александр I, великий русский поэт Александр Пушкин, Владимир Даль, сосланные в наш город поляки Виткевич, Зан, пастор Зеленко, поэты Жемчужников, Плещеев, Тарас Шевченко... Жил в нем и Перовский. Пушкин приехал в Оренбург вечером 12 июня 1833 года и остановился в местной гостинице. Узнав об этом, Перовский приехал к поэту не только с визитом, но и пригласил Пушкина переехать к нему. С утра он осматривал вместе с Владимиром Далем город. Будущий автор «Толкового словаря», узнав о цели приезда поэта, предложил посетить Берды, которые старожилы называли «Пугачевской столицей», обещал показать и дом, в котором жил Е. Пугачев. Туда они выехали в карете. По дороге Даль обратился к своему спутнику: «А знаешь, друг Пушкин, сказывали мне старики, что меж ними ходит слух, будто некоторые из них видели привидение, обликом своим сильно на Емельяна схожего! Рассказывали так убедительно, что вспомнилось и мне, как с привидением тоже дело иметь пришлось. Будучи еще студентом, я жил тогда на чердаке, где печь стояла посреди комнаты у проходившей тут из нижнего жилья трубы. Кровать моя была в углу, насупротив двух небольших окон, а у печки стоял полный остов (скелет — Г.Д.) человеческий так, что даже и в темную ночь я мог видеть с постели очерк его, особенно против окна, на котором не было ни ставень, ни даже занавески. Просыпаюсь однажды полночь во время жестокой осенней бури. Дождь и ветер хлещут в окна. Вся кровля трещит, ветер, попав, видно, где-нибудь в переулок, завывает по-волчьи. Темь такая, что окна едва только отличаются от глухой стены. Я стал прислушиваться... и услышал с чрезвычайным изумлением — бой маятника от стенных часов, коих в моей комнате и у меня никогда не было! Прислушиваюсь... протираю глаза... привстаю — одно и то же: кругом все темно, холодно, сыро, буря хлещет в окно, а где-то в комнате мерно ходит маятник... Я встал и начал подходить на слух, медленно, шаг за шагом, к тому месту, где ходит маятник. Я еще положительнее убедился в том, что слышу не во сне, а наяву, что маятник ходит мерно, звонко, ровно, хотя у меня стенных часов нет. Я дошел до самой печи и стоял еще в большем недоумении, носом к носу со скелетом, коего силуэт смутно обозначался против белой печи. Что тут делать и как быть? Маятник явным образом ходит в скелете!..»

Тут карету резко качнуло. Даль выглянул в окно дверцы:

— Ну, вот. Кажется подъехали. Это Бердская слобода! — и продолжил свой рассказ: — Подхожу ближе, ближе, носом к лицу его, чтобы впотьмах рассмотреть такое диво! Как вдруг скелет мой, с кем я давно жил в такой тесной дружбе, внезапно плюнул мне в лицо!

— Барин! Приехали! — раздался голос возницы. — Ждут вас, во-он люд какой собрался!

Выходя из кареты, Даль продолжил:

— Я невольно отшатнулся, обтерся рукой и удостоверился, что все это было не воображение — брызги, попавшие в лицо, были точно, мокрые...

Но тут приезжих окружила толпа вездесущих ребятишек, рассматривавших приезжих гостей, один из которых чему-то заразительно смеялся. Был он черным, с бакенбардами, кучерявым...

Даль представился старикам бородачам, рассказал о цели их приезда. Старики подвели гостей к дому казачки Бунтовой, которая видела и еще помнила Емельяна Пугачева. Стоя на крыльце, хозяйка дома пригласила, с низким поклоном, гостей войти в дом.

— Ничего, хозяйюшка, — сказал Пушкин. — Присядем тут на крылечке...

И началась неторопливая беседа...

А вечером из раскрытых окон губернаторского дома, привлекая внимания прохожих, вылетали взрывы хохота — то Александр Сергеевич рассказывал о плюющих привидениях...

— Вот только не досказал уважаемый гид мой, чем дело-то закончилось?

Все повернули головы в сторону Даля.

— Провел я ладонью по лицу, ощутил, что лоб мой и щеки стали мокрыми. Я стоял и пялил глаза, прислушиваясь к мерным ударам маятника. Но, подумав еще немного и не видя ни зги, я безотчетно протянул руку и погладил череп скелета по лысине — тогда я вздохнул и улыбнулся. Все объяснилось! В кровле, в потолке, возле трубы, сделалась небольшая течь, капля за каплей попадала на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего немого товарища...

Новый взрыв смеха перебил рассказчика.

— Нет, это ты обязательно должен описать, — предложил поэт. — Обязательно! Прочтем, сообща посмеемся...

Много позднее, когда Пушкина не стало, Владимир Даль выполнил его наказ и все описал в статье «О привидениях». Но продолжим наш рассказ о доме полковника Тимашева.

В сентябре 1829 года Перовский встречался с известным немецким путешественником-натуралистом Александром Гумбольдтом, проводившим ряд исследований на Южноы Урале, интересовавшимся и методами добычи золота местными старателями. Легенда донесла до наших дней слова, будто бы сказанные в той беседе Перовскому: «Я ехал сюда каш уверенный в себе учитель, уезжаю — как пристыженный ученик! Таковых оригинальных и добычливых методов извлечения золота Европа пока еще

не знает!» В Орске Гумбольдт встретился со ссыльным Виткевичем. Пораженный, эрудицией и знаниями восточных языков ссыльного солдата! Гумбольдт попросил, по возможности, смягчить участь его.

Серьезность познаний Виткевича удивила и Перовского. Поговорив с ним, губернатор оставил его у себя ординарцем,; позднее перевел в адъютанты. Пару лет спустя Перовский посылает его с секретным поручением в Бухару. Тот блестяще его выполняет. Перовский, насколько смог, облегчил участь и другого ссыльного поэта — А.Плещеева. Тот был зачислен в отряд, с которым направился в поход для взятия Ак–Мечети. После взятия крепости поэта производят в унтер–офицеры, потом — в прапорщики. Позднее Плещеев прослужил несколько лет в Оренбургской пограничной комиссии, в Илецке женился на дочке местного солепромышленника; в 1857 году поэт покинул Оренбург, имея приличное состояние. За десять лет до освобождения Плещеева в Оренбург в ссылку прибыл другой поэт — Тарас Григорьевич Шевченко. Вот как описывает его прибытие П. Столпянский:

«Узнав, что в Оренбург привезли Шевченко, служивший и Оренбургской пограничной комиссии Ф. М. Лазаревский. тогда еще лично не знавший поэта, немедленно отправился к чиновнику особых поручений при военном губернаторе Обручеве полковнику Е.М.Матвееву с просьбой сделать все возможное для облегчения горькой участи поэта. «Все, что можно будет сделать, будет сделано!» — ответил бравый полковник, один из благороднейших людей в Оренбурге, всегда относившийся к судьбе поэта с истинным участием. От Матвеева Лазаревский пришел в казармы, куда поместили Шевченко. Он застал поэта лежавшим ничком в одном нижнем белье на нарах, углубленным в чтение Библии. Наученный горьким опытом, недавно жестоко поплатившийся за свою доверчивость, Шевченко принял посетителя весьма сдержанно, но звуки родной речи и непритворное участие, светящееся в глазах вошедшего, скоро рассеяли его подозрительность, и он дал слово в тот же день посетить Лазаревского».

В его доме он встретил своих земляков, которые стали искренними друзьями до его перевода в Орскую крепость. Но и там опальному поэту, благодаря друзьям, делались небольшие поблажки. Украдкой Тарас писал стихи, рисовал, что официально было ему запрещено. Обращение к шефу жандармов с просьбой разрешить рисовать и выдать для этого все ему необходимое осталось без ответа.

В 1848 году Шевченко был зачислен в команду, которая направлялась к Аральскому морю для постройки Раимовского укрепления. Начальником экспедиции был лейтенант А. И. Бутаков, будущий адмирал русского флота. Тарасу было разрешено ходить в гражданской одежде, было поручено производить зарисовки пейзажей берегов Аральского моря. Как только экспедиция возвратилась в Оренбург, Бутаков представил Обручеву альбом с рисунками Тараса Шевченко, выдал блестящую характеристику о пользе, проявленной поэтом во время экспедиции. Военный губернатор не только дал обещание ходатайствовать о производстве Тараса в унтер–офицеры, но и попросил написать портрет своей жены. Шевченко стал выполнять этот заказ, как вдруг внезапный обыск прервал проживание поэта в Оренбурге. Причиной тому, как гласит легенда, послужило следующее.

У одного из близких друзей Тараса была хорошенькая жена. За ней ухаживал дон жуан местного масштаба — прапорщик Оренбургского линейного батальона. Многие знали об этой связи. Но, как всегда бывает в таких случаях, не знал об этом только ее муж, как и многие другие, уверенный в добродетели своей супруги.

Чужой позор возмущал честную натуру Шевченко. Он считал, что знать и молчать — значит самому быть участником этой подлости. И, как ни уговаривали друзья не вмешиваться в это дело, которым с возмущением Тарас делился, выражая свой взгляд на происходящее, он решил все рассказать мужу, стал наблюдать за поведением жены–изменницы. Однажды Тарас увидел, как прапорщик, в отсутствие мужа, тайком пробрался к красавице жене... Взял извозчика, съездил за мужем — и влюбленные были изоблечены.

На другой день военный губернатор Обручев получил донос о том, что, вопреки запрещению, ссыльный поэт пишет стихи, занимается рисованием, ходит в гражданской одежде... Аналогичный донос пришел и в жандармское управление. Обручев на донос вынужден был среагировать. Шевченко был выслан в Ново–Петровское укрепление...

Есть в Оренбурге один человек, десятки лет своей жизни отдавший изучению творчества Тараса Григорьевича Шевченко, его жизни в нашем крае — писатель Леонид Наумович Большаков. Много лет ищет он следы альбома с зарисовками аральских пейзажей. Пока не повезло. Может быть, фортуна улыбнется кому–то другому? Надеемся, что он расскажет про то...

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Искусству в городе быть!

«... Ноября, семнадцатого дня, года 1834-го инженер-подполковник Тафаев сдал, а комендант города Глазенап принял построенный каменный манеж семиметровой высоты и пятидесятичетырехметровой длины». Примерно так начинался акт передачи городу в постоянное пользование здания манежа, первоначально предназначенного для обучения верховой езде воспитанников рядом расположенного Неплюевского военного училища...

В апреле 1843 года город отмечал свой юбилей — столетия со дня основания. В город на торжества были приглашены актеры. Для их выступлений в манеже была устроена временная легкая сцена. Позднее к этому приему прибегали много раз. Прибегали много раз, до тех пор, пока, как ген ворят, жена генерал-губернатора Оренбурга Николай Андреевича Крыжановского как-то раз сказала: «Ну сколько можно людей мучить? Искусству в городе быть, ваше превосходительство! — с милой улыбкой промолвила она. — Пора на месте экзерциргауза постоянный театр ставить. Городу будет то подарком отменным!»

Так, в 1868 году, манеж был окончательно передан городу. 14 января 1869 г. состоялось открытие городского театра. В бывшем манеже были отстроены фойе, ложи, коридоры, был сооружен третий ярус — галерка, с отдельным входом со стороны Николаевской улицы. Расширена сцена, была сделана сверху закрывающаяся «музыкальная яма». Театр получился небольшой, но уютный. Позднее на его подмостках выступали Модест Писарев, Волжина-Покровская, Вера Федоровна Комиссаржевская, Пелагея Стрепетова. Как говорят, в 1891 году здесь пел Федор Шаляпин! Эти подмостки видели и других именитых актеров...

И вот первый спектакль! Справа, в первой от сцены ложе, «при полном параде» с супругой сидит генерал-губернатор! Николай Андреевич Крыжановский. Рядом — его ближайшее окружение. С тех пор ту ложу прозвали «губернаторской». Она постоянно занималась элитной верхушкой Оренбурга. Тем не менее, датой рождения Оренбургского драматического театра многие считают 1856 год и связывают его с именем, графа Василия Алексеевича Перовского...

Стоит на улице Советской здание, известное в городе как Дом учителя. Построено оно в 1839 году в стиле позднего русского классицизма по проекту профессора архитектур Константина Кона, считают одни исследователи. Их оппоненты автором считают друга В. А. Перовского, известного русского архитектора А. П. Брюллова. Торжественное открытие Благородного (Дворянского) собрания, которое разместилось в этом здании, состоялось 2 декабря 1841 год блестящим балом, на котором присутствовал не менее блестящий, обожаемый местными дамами генерал-губернатор Перовский. Вначале тут давались любительские спектакли, но осенью 1856 года в Оренбург был приглашен антрепрене Соловьев со своей группой актеров. Вот почему многие краеведы именно этот год считают датой рождения городскоп драматического театра.

Это здание знаменито еще и тем, что в 1920 году здеа проходил 1-ый съезд Советов Кирреспублики, провозгласивший Оренбург столицей Казахстана. Но пребывать в столицах судьба нашему городу отпустила недолго — в 1925 году правительство Кирреспублики выехало в город Перово (ныне — г.Кзыл-Орда). В двадцатых годах здесь собирались ЧОНовские отряды перед уходом на операции для ликвидации бандитизма в нашем крае. В

довоенные годы во дворе Дома учителя, в тенистом саду работало; кафе, как говорят, сохранившееся с дореволюционной поры. В годы Великой Отечественной здесь работал Оренбургский театр музыкальной комедии... В те годы геббельсовская пропаганда на весь мир трубила, что «солдаты Великой Германии дойдут до Урала!» Сбылись надежды Гитлера — они действительно дошли до Урала, но ... в качестве военнопленных, силами которых и производилась реконструкция городского театра, построенного еще при последнем военном губернаторе Н.А.Крыжановском — был видоизменен партер, ликвидированы уютные ложи, все три яруса стали сообщаться друг с другом, был увеличен и размер сцены. Таким театр выглядит и в наши дни.

Мне, коренному оренбуржцу, памятни те счастливые для актеров театра дни, когда на афишах и в его кассе висела табличка: «Аншлаг! Билеты проданы!». Я помню на сцене этого театра начинавшую путь к звездным вершинам Эдиту Пьеху с ансамблем «Дружба», выступления женского джаз-оркестра под управлением Блехмана, джаза Олега Лундстрема, гастрольные выступления популярных актеров кино: Бориса Чиркова, Юрия Яковлева и многих других. Этому театру я обязан личным знакомством с популярнейшим в те годы психиатром-гипнотизером Вольфом Мессингом и его очаровательной женой...

Я помню блестяще-богатые декорации и костюмы художника Александра «периода застоя»! Но я не помню нищеты костюмов и убогости декораций, ставших характерными для наших дней. В том нет вины театра — то его беда! Но памяти не прикажешь...

И тем не менее — «искусству в городе быть!»

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Оренбургская железная дорога

Найдется ли сейчас человек, которого можно будет удивить скоростными экспрессами железных дорог? Едва ли! Ежедневно к вокзалу станции Оренбург прибывают и отправляются зелено-голубые экспрессы. Наша станция — ворота в Казахстан и Среднюю Азию! Но известно ли тебе, дорогой читатель, когда, как и по чьему предложению была построена оренбургская «железка»?

В 1860 году в Оренбург прибыл новый генерал-губернатор Александр Павлович Безак. Возможно, под впечатлением петербургской конки, а может быть, из-за желания увековечить имя свое, он предложил Самару соединить железной дорогой с Оренбургом. Вагоны же по ней должны были передвигаться с помощью лошадей, так как «дорога сия ни грязи осенней, ни ухабин премножественно в пути попадающихся знать не будет!» Местные «Губернские ведомости» перечить генерал-губернатору не стали и поддержали его предложение. Они красочно описывали преимущества конной железной дороги, призывая для ее строительства создать акционерное общество, но акционеров не нашлось. Так и умер тот проект. Безака в 1864 году сменил Николай Андреевич Крыжановский — человек, сделавший для развития нашего края ничуть не меньше графа Перовского. По предложению Крыжановского в 1873 году в Оренбурге создается акционерное общество по строительству железной дороги, был разработан и утвержден его Устав. Другое же его предложение — «в городе торговую Биржу для оптовой торговли поставить» — не прошло. Было заблокировано местными купцами, не понявшими всех возможных выгод. Видимо, это предложение было преждевременным!

Пока разрабатывался проект будущей железной дороги, Правление общества обратилось к городским властям с просьбой отвести место для строительства вокзала «у Дрейерской дороги за мостом, близ старой мельницы». Дума эту просьбу отклонила, так как «железная дорога помешает обширному движению по дороге между городом и Маяком, на котором находились летние лагеря воспитанников кадетских корпусов, своим грохотом и паровозными свистками движение поездов будет нарушать тишину и покой Архиерейского дома». Дума постановила просить Правление железной дороги вокзал построить в конце Телеграфной улицы (ныне ул.Цвиллинга — Г.Д.). Главный строитель железной дороги с таким предложением не только не согласился, но и обосновал целый ряд неудобств предложенного места. Думе оставалось только одно — согласиться. Но сделала она это в обтекаемой форме — было дано разрешение «складывать материал» на месте, выбранном железной дорогой. Строители не только «складывали материал», но и попутно вели строительство. Спустя год, в 1876 году, здание вокзала было готово. Его в те годы описывали так: «Здание было светлым, поместительным, с высокими потолками, поддерживаемыми при помощи очень нарядных и прочных чугунных пилястров».

Первый пробный поезд к Оренбургскому вокзалу подошел со стороны Самары 22 октября 1876 года «около часа дня пополудни». На паровозе стоял генерал-губернатор Оренбурга Николай Андреевич Крыжановский...

Это знаменательное для нашего города событие в газете «Оренбургский листок» № 44 за 1876 год описывается так: «Скоро был подан поезд по ту сторону моста (Сакмарского — Г.Д.). Приглашенные лица уселись в

инспекторском отделении поезда, а генерал-губернатор изъявил желание ехать на паровозе, чтобы лучше видеть дорогу. Вдали, по лугу, неслись обратно в город экипажи от прибывших гостей. А у моста толпились любопытные. Мы смотрели на удалявшиеся экипажи, покачивающиеся от кочек и рытвин.

И так жалка показалась нам эта кочковатая, изрытая ухабами и промоинами дорога, по которой мы только что проехали к мосту и по которой до сей поры плетутся обозы до Самары, ломая свои возы и калеча животных. В 12 часов поезд тронулся...»

Ввод в действие железной дороги заставил 15 ноября 1876 года Городскую Думу откликнуться следующими словами: «Оконченная ныне постройкою Самара–Оренбургская железная дорога составляет величайшее событие в истории нашего края, особенно же в торгово–промышленном отношении. Перевоз к азиатским рынкам русских товаров, вывоз сырья из Азии вовнутрь России сделалось ныне более удобным, так как подавляющее размерами своими протяжение караванных путей из Азии в Россию сократилось ныне в значительной степени. Дорога Оренбург–Самарская ... привела ныне к тем вратам Азии, отворить которые задумал еще блаженной памяти император Петр Великий. Ворота эти ныне открываются и дают культурному и политическому движению России полную возможность идти далее вглубь Азии, с услугами европейской цивилизации и экономического развития. Железная дорога Оренбургская, будучи проложена в Туркестан и далее, открывает Европе новые рынки сбыта и обмена товаров».

Городская Дума постановила в честь этого события поставить в Оренбурге памятник на средства, которые будут собраны по подписке. Гласные Думы громкогласно изъявил свои верноподданнейшие чувства государю Императору, получили Высочайшее разрешение на проведение подписки с 1 января 1877 года. Сведений о том, сколько было собрано денег и куда они были употреблены, история не сохранила. Н доподлинно известно, что никакого памятника в Оренбурге честь открытия железной дороги открыто не было. Вот с каков го времени идет традиция: главное — отрапортовать вовремя призвать, пообещать...и ничего не сделать!

Каким же был вокзал и привокзальная площадь топ времени?

Описание этого места образно приведено в книге П.Столянского «Город Оренбург»: «Выйдя на подъезд железнодорожного вокзала, вашему взору предстанет большая шкй щадь, посреди которой протекает какая–то канава. Но эта площадь — жалкие остатки прежнего величия... Вей пространство, от собора до вокзала, было обширною площадью, слегка заросшей кустарником, по которой свободно разгуливал ветер, поднимая летом смерчи пыли, а зимою нагоняя свирепый буран...»

Много интересных людей и событий видела и пережила привокзальная площадь. Одним из первых пассажиров этой железной дороги был великий русский писатель Лев Толстой, приехавший в Оренбург для покупки лошадей, были тут и М.Калинин, Емельян Ярославский, С.Буденный, отсюда отправлялось в город Перовск первое правительство Казахстана, меняя свою столицу, с нее уходили на фронты Великой Отечественной войны полки и дивизии, сформированные в Оренбуржье, здесь же встречали тех, кто, уцелев, вернулся домой; здесь в 1953 году на землю Оренбуржья впервые ступила нога Ю.Гагарина, на землю, давшую миру Космонавта № 1 и дорогу в бессмертие.

«Канаву», протекавшую посреди большой площади, о которой упоминает в

своей книге П. Столпянский, я хорошо помню. В годы Отечественной войны она еще была. Сейчас на этом месте стоят жилые дома. Правда, мы называли ее не канавой, а оврагом, который шел от нынешнего мельзавода в сторону архиерейского дома. Через него дорога к вокзалу проходила через деревянный свайный мост, справа за которым стоял одноэтажный деревянный барак, в котором размещался Дом технической пропаганды Оренбургской железной дороги. Рядом находилась столовая. Овраг этот памятен еще и потому, что вместе с отцом мы приезжали сюда копать червей для предстоящей рыбалки. Именно здесь отец рассказал историю, услышанную им от своего отца:

— Место это до революции пользовалось худой славой. Чуть стемнеет — люди боялись здесь ходить. Особенно женщины. Да и мужички проходили его с максимально напряженными нервами. В те годы бытовало мнение, что этот овраг облюбовал оборотень — из-за того, что на его дне периодически вешние воды кости человеческие вымывали. Какие только меры не принимались, чтобы изгнать его оттуда, но ничего не помогало! Бывало, идет в сумерках какой прохожий, а навстречу ему свинья — не свинья, руки — ноги есть, а морда свиная, хрючит громко. Оборотень, словом. Хрюкнет раз — другой, а в третий — прыг на прохожего. Тот с перепугу — хрясть о землю! Лежит — не дышит... А как дышать начнет, пришел в себя, значит, хлядь — а на нем чего подороже уже нет! Как-то было особенно темно... Это «хрюкало» прыгнуло на прохожего, а тот офицером оказался, да еще при шашке! Хотел ее из ножен вытащить, а «хрюкало» не дает, хрючит, да на него прыгает, а шашку все руками поймать старается. А офицер знай лупит свинью по чему попало! Да все в морду норовит ему попасть, да все в морду... Словчился разок да хрясть его по морде — а та в сторону отлетела... Маской она была! Тут и народ какой сбегаться стал на крики да шум борьбы. Поймали то хрюкало — ряженым солдатом оказался! Скрутили его да в военную комендатуру привели, что недалеко от Александровской площади была. Назначили солдату тому семьдесят пять шомполов! А приказ тот казаки не лошадях зачитывали. В приказе том говорилось: иЗш преступление зело злостное, за испуг народа значительный, мерзавца сечь нещадно, не взирая на состояние порток !Й шкуры его, а також и на вопли наказуемого! Порку сикг; провести публично на плацпарадной площади, чтобы: впредь оборотням и прочей всякой нечисти неповадно было' людей служивых, також цивильных в темноте пугать!»

Вот с той порки оборотни в городе перевелись окончательно, а дурная слава этого места в веках осталась!

Мы накопили червей, ссыпали их в парусиновый мешочек, присыпали влажным перегноем и поехали домой.

В наши дни от оврага и следа не осталось; где деревянный мост стоял — проходит Парковый проспект, но если приходится к вокзалу подъезжать, «хрюкало» то, о котором поведал отец, почему-то вспоминаю обязательно, наверное потому, что в годы войны, перед этим оврагом, мы — тогда ученики пятых — шестых классов, вдоль забора военного госпиталя каждый год прутьики — тополя сажали. С годами они разрослись, получился большой и тенистый сквер. А в нем снова «оборотни» завелись. То шапку с прохожего снимут, то сумку отберут... Долго тех «оборотней» ловили, поймали, нет ли — про то не знаю. Но для того, наверное, чтоб их ловить было сподручней, те тополя, детьми посаженные, в сквере вырубил. Под корень! Проложили дорожки, асфальтом их покрыли, скамеечки для отдыха под палящими лучами солнца поставили, прутьики снова воткнули... Да вот в газетах пишут, что «оборотни» снова в городе появились! Как в прежние

годы — то сумочку отберут, а то и похуже что сотворят! Вот я и думаю, а что если с помощью казаков восстановленного Оренбургского казачьего войска одного–двух «оборотней» поймать да вспомнить, как с ними встарь боролись, да тоже публично, на площади, да невзирая на состояние порток...

Слышал я, что встарь у казаков публичная порка «дюже здорово получалась». Глядишь, «оборотни» в городе вновь повыведутся. Ведь говорят, что повторенье — мать ученья! А как вы считаете?

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Феномен купца Юрова

В этой книге мы рассказали о незаурядном и наиболее известном губернаторе Оренбурга В. А. Перовском. Его стараниями и непреклонной волей по принудительному введению общественной запашки земель Оренбуржье стало одной из хлебных житниц России. Позднее именно это позволило обосновать экономическую целесообразность строительства железной дороги, давшую толчок развитию мукомольного производства, ставшего одним из ведущих производств тех лет в нашем крае.

А зачинателем его стал купец Юров.

При развитии своего дела он познал и триумф победы, и горечь поражения. У него было все!

Итак — 11 мая 1878 года Городская Дума выдала купцу Юрову разрешение на строительство паровой мельницы. Однако оно было выдано не сразу — боялись, что грохотом своих машин мельница будет беспокоить жителей рядом расположенных домов. Уже в те годы, как видим, Городская Дума учитывала и это! Тем не менее, после ряда проволочек, типичных для российского чиновничества, было определено место для строительства — в самом конце Николаевской (ныне — Советской) улицы. Все просьбы купца Юрова об увеличении надела земли Дума отвергла. Вскоре трехэтаж красного кирпича мельница была поставлена. Вслед за Юровым их стали ставить купцы Борисов, Деев, Степан некоторые в «дело» входили «на паях» (братья Зайчиковы выделяя на строительство изрядную часть своего капитала. Но превзойти мельницу Юрова по производительности, кача ству помола, низкой цене не смог никто! Ходил слух, чя Юров обладает каким-то секретом!

22 октября 1903 года, как официально говорили, «в результате самовозгорания мучной пыли» эта мельница сгорела. Но ходили и другие слухи о причинах того пожар, тем более что кто-то подозрительно внезапно выехал щ города. «Завистники подпустили Юрову красного петуха», — говорили горожане. Ему завидовали не столько за возведет ную чудо-мельницу — хотя было и это, — сколько за то, что смог Юров «по закону» обойти, прокатить «на вороных» решение Городской Думы «о невыделении в дальнейшем купцу Юрову городских земель». Народная молва донесла до наших дней легенду о том, как стал он владельцем огромной куска городской земли.

В те годы существовал такой закон, по которому выделенную Думой землю продать было нельзя, если на ней не появилось какого-либо строения. По замыслу, такой закоя предотвращал перепродажу или скупку земли. Но...

С некоторых пор в земельном отделе Думы увеличился поток просьб о выделении земли под строительство дома от отставных солдат, инвалидов, пользовавшихся определенными льготами. Но все они просили выделять участки рядом с Юровой мельницей. Приводили и доводы: «Сторожем там работать буду, метельщиком, весовщиком...» «Думные чиновники» полагали, что инвалиду дом с работой рядом — удобство!

Поразительно быстро на отведенных участках росли дома-халупы, в которых вроде бы и жить было невозможно! Но в доме стояла печь, из трубы валил дым (по законам тех лет, если в доме стояла печь, а из трубы шел дым, то даже самовольно поставленный дом снести не могли. Так в Оренбурге возник целый район, прозванный за самовольное строение; домов

«Нахаловкой»).

Домовладелец с этого момента получал право на продажу домовладения с выделенным ему участком земли. Этим и воспользовался Юров, но говорили, что ход этот Юрову подсказал адвокат Городисский.

Вызвали купца на заседание Думы, показывают ее решение о неотводе впредь земель городских купцу Юрову. Пытались даже пригрозить «привлечением к ответу!» Да не так прост купец оказался. Я, говорит, у Думы не беру ничего. Я — купец! Продаю и покупаю. Вот и скупаю я те домовладения. Все по закону!

Ходил слух, что заявления солдатам отставным да инвалидам сам Юров писал. Дома-халупы с печью тоже он ставил. Купчую заранее составлял, а платил за то — штофом водки! Но ... то легенда или быль? Говорю честно — не знаю. Могло ли быть такое? Думайте сами!

Пожар на мельнице нанес чувствительный удар, но разорить Юрова уже не смог. К тому времени он успел сколотить достаточный капитал, чтобы возвести новую «несгораемую пятиэтажную» мельницу.

Она была разделена на два отделения: обоечное — для очистки зерна, размольное — для размола. Отделения были разделены друг от друга двумя сплошными стенами-брандмауэрами с промежутками между ними в четыре аршина (около трех метров). Транспортировка зерна и муки осуществлялась шнековыми транспортерами, была предусмотрена механизированная система пылесбора и ее удаления, система охлаждения зерна во время помола.

Машинное отделение (паровые котлы и машины) было вынесено в отдельное помещение. Была сооружена собственная электростанция. Мельница была способна одновременно обрабатывать десять сортов муки, при суточной производительности в 7200 пудов (примерно 115–120 тонн).

Всего мельница была способна выпускать до 25 сортов муки!

Для временного хранения зерна был сооружен несгораемый элеватор. При строительстве мельницы широко использовались сталь, чугун, кирпич.

Юров постарался максимально обеспечить высокую степень пожарной безопасности. И мельница удалась на славу! В те годы лучшей мельницы, чем «Юрова», не было. Она была одной из крупнейших в России!

К 1906 году оренбургскими мельниками вырабатывалось в сутки до 3,5 тысяч мешков муки. Просорушки, а оренбургское просо тоже имело не меньшую славу, давали до трех тысяч мешков высококачественного пшена.

Начиная с девятисотых годов перед мукомолами все острее вставал вопрос необходимости оптового сбыта муки и зерна. В отдельные месяцы выпуск муки был столь велик, что с ее вывозом не справлялась даже железная дорога, на которой постоянно возникали очереди на отгрузку. Нужен был какой-то механизм, позволявший в кратчайшие сроки производить реализацию максимального количества муки и зерна. И снова с инициативой выступил купец Юров — с организацией в городе биржи. Но о ней позднее.

А сейчас наступило самое время рассказать о бытовавшей в те годы легенде о самом купце Юрове. Как говорят, он обладал феноменальной памятью. Вся бухгалтерия его предприятия помещалась в его записной книжке, которую

он постоянно держал при себе. На ее обложке был вытеснен заголовок: «заПОМИНАЛЬНИК» — «за» было набрано мелким шрифтом, остальное — заглавными буквами. На одной стороне страницы он записывал, кем и в каком количестве сдано зерно, условным значком ставил сорт помола, на Другой — тоже условными значками, — кто производил помол, количество выданной заказчику муки и отрубей. Лишних служащих на мельнице не держал. Вся его бухгалтерий состояла из одного человека, да плюс его «заПОМИНАЛЬНИК»! Так ли это было на самом деле? В наш век раздутых штатов в это верится с трудом, и тем не менее — так гласит народная молва!

В легенду вошла не только его феноменальная память, но и дар предвидения. Юров довел до успешного конца открытие биржи! Мысль о ее необходимости возникла не сразу. Как и многое на Руси, вопрос об ее открытии решался с большими трудностями, оттяжками, с частыми переносами сроков обсуждения... Вот как это происходило.

Последний оренбургский генерал–губернатор Крыжановский еще в 1865 году дал свое согласие открыть биржу. Но оно не состоялось. Спустя два года этот вопрос вновь возникает в Ташкентском торговом обществе, находившемся в Оренбурге. Открытию биржи воспротивились местные купцы, не представлявшие возможности биржи в увеличении товарооборота. Снова к этому вопросу вернулись в 1881 году. Дума утверждает Устав. Принимается решение: за счет прибылей общественного банка для биржи построить специальное здание. И снова неудача — решение Думы было опротестовано Губернским присутствием. Наконец, в 1905 году местный купец Юров созывает местных мукомолов на совещание о регулировании рабочего дня. На нем была создана комиссия по организации биржи, был выработан ее Устав. 22 мая 1905 года состоялось 1–ое учредительное собрание биржевого общества. С весны 1906 года она стала функционировать и спустя пять лет вошла в пятерку лучших российских бирж по товарообороту! Она положительно повлияла не только на увеличение торговых оборотов, но и на ритмичность работы Оренбургского железнодорожного узла, так как за несвоевременную доставку товаров, оговоренную договором, Правлению железной дороги приходилось выплачивать значительные суммы штрафов — ответственность в те годы была обоюдная!

После заключенной на бирже сделки вошло в обычай «обмывать» завершённое дело» бокалом шампанского или легкого французского вина. Как говорят, биржевыми дельцами для этого была облюбована «Американская» гостиница, стоявшая на углу Введенской и Гостинодворской улиц.

Она была уютной, приезжим купцам пришлась по вкусу. Расположена недалеко от биржи, рядом — базар, Гостиный двор, а главное — в ней предоставлялись услуги, которых в других гостиницах и «номерах» не было!

Зал ресторана, как говорят, находился на втором этаже, был полукольцевым и упирался в торец здания. Оттуда было удобно смотреть вниз, где в устроенном бассейне с зеркальным дном плавали «золотые рыбки» с номерами на груди и спине, услаждая нескромные взгляды посетителей–мужчин...

Сидя за столиками, биржевые маклеры имели возможность заключить сделку на «аванс доверия». Суть ее заключалась в том, что продавец и покупатель оговаривали вид товара и его количество, которое будет поставлено лишь в следующем году. «Под честное слово» бухарский, кокандский или

хивинский купец могли взять товар у купца в Оренбурге. На следующий год, по установившимся в нем ценам, производился полный расчет. Случаев обмана не было! После этого «высокодоговаривающиеся» стороны хлопали по рукам, выпивали бокал шампанского или рюмку «Камю». Глядя в бассейн, в котором плавали «золотые рыбки», кельнеру, бегавшему с подносом вдоль столов, клиент говорил, что он занимает такой-то номер и уходил в него. «Золотая рыбка» с этим номером уплывала из бассейна.

В здании же бывшей биржи происходили знаменательные события. В годы революции там обосновались большевики, там организовывался комсомол Оренбурга. И стала биржа клубом имени К.Маркса. Голодающему Питеру и Москве здесь молодежь Оренбурга для отправки готовила сухари и другие продукты. Позднее он стал именоваться клубом имени Ф. Дзержинского. В годы Великой Отечественной на его подмостках выступал местный театр музыкальной комедии. Здесь же выступали именитые и известные коллективы. Мне запомнился один из них — театрализованный джаз-оркестр под управлением 2-го трубача мира, Эдди Рознера. В среде музыкантов об этом человеке нелегкой судьбы ходили легенды!

Но это — тема совершенно другого рассказа...

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Казанский кафедральный собор

«Сынок! — позвала меня мать. — Отнеси отцу обед на работу!» К этой фразе я привык, и хотя в то время мне было где-то 5–6 лет, обед на работу отцу я носил регулярно. Обычно шел по улице 9-го января, проходил мимо ограды Казанского кафедрального собора, за которой густо разрослись кусты акации и сирени. Домой возвращались той же дорогой вместе с отцом и работавшим с ним «дядей Пономаревым», редчайшим умельцем, заядлым рыболовом и юмористом, человеком богатырского телосложения.

Не помню по какому случаю, но однажды мать повела меня в собор. Детское воображение потрясло громаде собора, сказочно красивое величие его внутреннего убранства, высота куполов! Под сводами храма гулко раздавались наши шаги. Малейший шорох усиливался многократно. Я не был ребенком из числа робких, но здесь испуганно затих и прижался к матери, словно ища у нее защиты. Какое-то трепетно-тревожное чувство охватило меня...

К нам подошел священнослужитель, стал разговаривать с мамой. Тему их разговора я не запомнил, скорее всего — даже не слышал, о чем шел разговор. Я глазел по сторонам — такого величия не видел!

Однажды, даты не помню, мать суетливо стала одевать меня, умыла и со словами: «Скорей, сынок! Пойдем смотреть, как собор взрывают!» — повела к Казанскому кафедральному...

Близко нас не подпустило оцепление, но издали было видно обезображенное взрывом здание. Но он еще стоял...

Старожилы говорят, что сразу уничтожить его не смогли, подрывали два года. Следующее, что сохранила память — руины собора, на которых была создана панорама гибели ледокола «Челюскин»: ...корабль уходит под лед, на ледовой площадке фигурки людей, перетаскивающих какие-то грузы, палатки, ящики, горы бочек...

Зрелище было впечатляющим, особенно в темное время суток! На крыше дома, некогда стоявшего на высоком фундаменте на пересечении улиц Цвиллинга и Фадеевской (дом № 2), были установлены прожектора с сине-голубыми светофильтрами, освещавшими руины храма и создававшими полную иллюзию ледяных глыб. Вечерами сюда стекался весь город.

Позднее отец рассказывал мне, что, прежде чем уничтожить собор, городскими властями по предприятиям и домам был пущен «подписной лист», в котором надо было расписаться, что ты не возражаешь против уничтожения храма.

В 1969 году поисковая работа привела меня в Алма-Атинский республиканский краеведческий музей. В те дни он располагался примерно в таком же соборе, только значительно меньшем по размерам. Подумалось тогда: какое же величие было уничтожено! Этот собор можно было использовать во благо города! А история его создания такова.

11 ноября 1773 года скончался основатель нашего города и его первый губернатор Иван Иванович Неплюев. Сто лет спустя Николай Андреевич Крыжановский, тогдашний генерал-губернатор Оренбурга, высказал мысль о желательности возведения в городе храма как памятника основателю

города И.И.Неплюеву. Но на строительство такого сооружения у города и его властей, как всегда, не было денег. Крыжановский предложил объявить сбор средств не только в нашей губернии, но и по всей России, на что было получено Высочайшее одобрение. Генерал–губернатор первым внес пятьсот рублей. По дворам города стали ходить монашки, во всем черном, с кружками на бечеве, на которых было написано: «На строительство храма». Каждый жертвовал сколько мог. За двадцать лет было собрано пожертвований 57795 рублей 78 копеек.

В Императорской Академии художеств объявляется конкурс на лучший проект строительства собора. Из участвовавших в конкурсе было отобрано два — проект художника Леонова (не от него ли идет род Леонова–космонавта, тоже великолепного художника и архитектора Шреттера. Но в том и другом проекте жюри отметило недостатки. Конкурсный комитет предложил Шреттеру доделать свой проект, за основу приняв внешний вид, предложенный художником Леоновым.

26 октября 1879 года проект собора вновь был рассмотрен, принят и утвержден. Но сметная стоимость строительства составила 700 тысяч рублей. Таких денег город не имел, было собрано в десять раз меньше — всего 78700 рублей с копейками. Средств на строительство собора катастрофически не хватало! Проект собора и его строительство отложили до лучших времен...

Спустя шесть лет, в 1885 году, оренбургский губернатор Николай Алексеевич Маслаковец за помощью предложил обратиться к находившемуся в то время в Оренбурге академику Яценко. На разработку эскизного проекта собора, его утверждение, разработку рабочего проекта академику потребовалось менее года!

23 января 1886 года проект Высочайше был утвержден со сметной стоимостью строительства в 213400 рублей. Вскоре начались земляные работы. После торжественной литургии 8 сентября 1886 года архиерей Макарий с крестным ходом опустил по земляному откосу вглубь разработанного для постройки храма места, углубленного до десяти с половиной аршин (более семи метров), и совершил закладку храма...

Вот как описывал Райский в путеводителе по Оренбургу этот собор:

«Собор устроен по проекту архитектора–художника Яценко в византийском стиле, наподобие храма св.Софии в Константинополе с выдающимся по середине обширным куполом, который с трех сторон облегают три полукупола, а между ними красиво возвышается четыре колокольни. Высоко поднимаясь над городом, собор как бы царит над ним...

Внутри собор художественно расписан живописью и орнаментами в стиле собора св. Марка в Венеции. При обилии дневного света, льющегося со всех сторон из больших окон, а также при освещении собора вечером электричеством, внутренность его имеет необычайно красивый и величественный вид. Кроме главного алтаря, в соборе устроено два придела: во имя Святителя Николая Мирликийского чудотворца и Сергия Радонежского...

... обращают на себя внимание иконы изящной работы художника В.Маковского в главном иконостасе и большая картина «Явление Богородицы преподобному Сергию», помещенная на одном из пилонов собора.

Пред иконой святителя Николая чудотворца висит серебропозлащенная

лампада, дар благополучно ныне здравствующего Государя Императора Николая Александровича, данный Им во время посещения Оренбурга в 1891 году по возвращению из путешествия по Китаю и Японии. В соборной ризнице, между прочим, хранится старинное Евангелие, весом около двух пудов, не употребляемое при богослужении.

На соборной звоннице висит до пятнадцати колоколов, подобранных под общий тон. Главный колокол весом в 723 пуда 32 фунта, второй в 302 пуда 33 фунта. В подвальном помещении собора находится гробница–памятник над могилой почившего в 1896 году Оренбургского Архипастыря Николая (Адоратского) с деревянным, изящной работы крестом, устроенным на средства воспитанников Оренбургской Духовной Семинарии и воспитанниц Епархиального училища!».

Сергей Александрович Попов, научный сотрудник Оренбургского краеведческого музея, рассказал мне интересную легенду, связанную со строительством этого собора.

Для строительства храма требовалось огромное количество красного, специальным образом обожженного кирпича.

Предприимчивые оренбургские купцы быстро сообразили, что такой случай для получения сверхдивидендов подворачивается раз в жизни, и то не каждому. Соборному комитету они предложили построить кирпичный завод с круглосуточным циклом работы, который обеспечит стройку кирпичом.

Но купцы — есть купцы! О собственной выгоде, даже в таком, как строительство храма, деле не забыли! Они поставили условие, чтоб Городская Дума освободила их от уплаты налогов сроком на десять лет. Для богоугодного дела Думе было ничего не жаль. Купцам отвели место для строительства кирпичного завода. Одновременно с обеспечением строительства собора дельцы активно снабжали кирпичом и местный рынок. Необлагаемый налогами кирпич дельцам принес баснословные прибыли!

4 декабря 1894 года завершилась установка колоколов собора. Освящение храма было произведено 19 октября 1895 года.

Колокольный звон Казанского кафедрального собора, особенно на Пасху, когда звонари всех храмов соревновались между собой в мастерстве, ни с чем спутать было невозможно! Колокола буквально выговаривали плясовую со словами: «Туды, сюды — куды хошь! Туды, сюды — куды хошь!»

Но судьба этому великолепию и украшению не только нашего города, но, наверное, и всей России уготовила короткую жизнь: 5 августа 1931 года началась разборка храма. Первый взрыв прозвучал в четыре часа утра 19 мая 1932 года...

Вот уже много лет от многих людей мне постоянно приходилось слышать слова глубочайшего сожаления по уничтоженному, в муках рожденному, красавцу собору! Считалось, что вместе с ним погибли и великолепные росписи, выполненные художником Маковским. Но недавно широкому кругу общественности города стало известно, что восемь икон сохранилось, они вновь выставлены в главном иконостасе Покровской церкви Оренбурга.

О том, как готовилось уничтожение собора, мне пришлось услышать две «легенды». Первая из них распространяется недобросовестными

историками–краеведами. Она гласит, что уничтожение храма было произведено по указанию Оренбургского обкома ВКП(б). Это не соответствует действительности, так как с 1929 года и по декабрь 1934 года Оренбургской области не было вообще. Наш край в те годы входил в состав Приволжского края.

Вторая легенда более убедительна и могла иметь под собой какие–то основания: начиная с апреля и по июль 1931 года «где–то в высоких кругах» обсуждался вопрос об уничтожении ряда храмов, в том числе и нашего. Но «верхам» было доказано, что Оренбургский Казанский кафедральный собор является жемчужиной мирового зодчества. В Оренбургский горисполком было послано указание воздержаться от уничтожения храма. Письмо в Оренбург пришло, но так как наступила пора отпусков, его куда–то положили и о его существовании попросту забыли. Вспомнили тогда, когда храм был уничтожен. Председателя горисполкома (называлась фамилия — Васильев) сочли врагом народа, он был репрессирован.

Документального подтверждения этой легенде установить не удалось.

Но есть и еще одна легенда. Она живуча, и слышать ее мне приходилось от разных лиц, сообщавших ее безапелляционным тоном. Вот она.

Как только до служителей собора дошел слух, что готовится уничтожение храма, наиболее ценные вещи, реликвии ими были перенесены в тайно выкопанные когда–то подземные ходы и там замурованы.

О существовании подземных ходов, ведущих из храма, говорят многие, но, с кем ни приходилось беседовать, не могут точно указать места выхода из них. И тем не менее, слух есть, он живет, он нуждается в проверке. Может быть, ходы эти стоит поискать? Если они будут найдены — следует поискать и «замурованные сокровища», в случае находки — вернуть их законному владельцу.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

В него верю как в Бога

Со мной это началось давно — стало трудно ходить. Стоило на несколько минут присесть — боль отступала. Затем пришлось обзавестись палочкой, обратиться за помощью к медикам. Меня направили к невропатологу. Отстояв положенную очередь, зашел в кабинет и получил вежливое приглашение присесть. Но тут вошла медсестра, известившая хозяина кабинета о сложившихся на базаре ценах на арбузы. Обо мне забыли минут на пятнадцать. Закончив заготовку, врач уложил меня на кушетку, проверил наполнение пульса в ступне, под коленом, в паховой области. Со словами, что пока ничего не находит, стал поднимать вверх правую ногу. Я лежал спокойно. Левая нога, поднятая вверх, заставила меня изогнуться и застонать от боли. «Синдром пояснично–крестцового радикулита, — заключил врач. — Походите на электропроцедуры, и все пройдет». Но не проходило, легче не стало. К тому же появилась одышка. Неоднократно лежал в больницах, проходил санаторно–курортное лечение. В Сочи принимал мацестинские ванны, в Цхалтубо — родоновые. Все они давали только временное облегчение. Потом неизбежно вновь наступала боль. Я весь город вымерил на шаги. Шел не кратчайшей дорогой, а той, где можно было присесть. С собой постоянно носил фанерку. Снова попал в больницу, но уже с другим диагнозом — облитерирующий эндартериит.

В хирургическом отделении сосед по палате, в прошлом водитель автобуса, сказал мне:

— Мужайся, старик! Ты попал сюда с моим диагнозом, — и показал то, что у него осталось от ноги...

Лежал. Смотрел, как лечат. Используя свободное время, решил ознакомиться со здравоохранением в Оренбурге XVIII–XIX веков. В «Путеводителе» П. Д. Райского открыл интересные вещи, но о них чуть позже. Насмотревшись на страдания людей, запросился домой. Заведующий отделением сказал, что меня выпишут, а дома следует попить вот это лекарство. Недельки две. Правда, оно импортное, но необходимо достать. Через родственников в Москве достал. Но и импортное лекарство не помогло. Прошел еще три местные больницы. В одной из них, по ошибке, мне даже назначили таблетки от климактерического психоза — рядом были женские палаты. С кем ошибки не случаются!.. Наконец попал на прием к местному «светилу». Выходя из его кабинета, через неплотно закрытую дверь услышал: «Да, нерадостная перспектива! Через год–полтора его скрючит окончательно!» Слова оказались пророческими. Меня «скрючило», да так, что и прежние сорок шагов стали даваться с трудом. Все чаще стала приходить мысль об ампутации. Но в памяти вставали слова хирурга Авченко, у которого консультировался: «Эндартериита у вас нет. Пальцы на ступне не мерзнут (при очередном приступе боли нога горела огнем), пульс нормальный по всей длине конечности.» Спасибо ему, он остановил принятие рокового решения.

Однажды на улице меня — в «скрюченном» положении — встретила наша давняя знакомая. Ужаснувшись моему виду, стала расспрашивать о болезни. Сказала, что ей известен человек, излечивающий подобные болезни. Бывшие больные о нем легенды складывают! Принимает он в местном профилактории «Строитель»; правда, пробиться туда тяжело.

И вот я в «Строителе». Осмотр терапевта, направление на электрокардиограмму. Когда выписывали карту назначений, я попросился

на общий массаж к Виктору Ивановичу Блюму — так звали моего будущего исцелителя.

— Что вы! — сказали мне, — с вашим сердцем вы и двух сеансов не выдержите! Можем назначить вам игло- и магни-тотерапию, грязь и подводный массаж, электропроцедуры, душ «Шарко»... Только не это!

Пришлось обратиться к главному врачу профилактория Виталию Григорьевичу Лейзерману, сказать, из-за чего я собственно и взял сюда путевку. Так попал к Блюму. Лежу у него на кушетке, он пальцами мнет мне один бок, потом другой... В голове одна мысль: «Неужели откажет? Что тогда? К кому еще обращаться? Так жить не могу!» Между тем Виктор Иванович перечисляет: «Вы перенесли инфаркт... с правой почкой порядок... с левой хуже, надо показаться урологу. Во рту горько бывает? Это печень вас беспокоит...»

О перенесенном инфаркте, кстати, впервые услышал от Блюма. Спрашиваю, давно ли это было?

— Лет восемь-десять назад, — отвечает Виктор Иванович, продолжая осмотр. В это время он где-то нажал и в глазах у меня потемнело от боли.

— Нашел! — удовлетворенно сказал он. — Думал, что придется вам отказать. Теперь обещаю — будете ходить без палочки! Но придется потерпеть, массаж будет очень болезненным... Если у вас хватит воли и сил вытерпеть эту боль до конца лечения, без палочки будете ходить, это я гарантирую, не менее года. Ну, а там придется лечение повторить...

Если сказать, что было больно, значит не сказать ничего! Порой мне казалось, что пальцы Блюма могут править тонколистовую сталь или выдавливать на ней узоры. Зато сейчас я хожу! Без палочки! Шагомер отмеривает иногда до восьми тысяч шагов! Осенью копал картошку, весной копал грядки. Перед выпиской из профилактория прошел иридодиагности-ку, где были подтверждены все заболевания, установленные чудо-пальцами массажиста. Прошло несколько лет. Я все еще хожу без палочки. Но, тем не менее, произошла новая встреча с моим исцелителем. На этот раз меня привели к нему «дела сердечные» — болело сердце. И снова массаж. Через пять сеансов корвалол и валокордин отставил в сторону. Привел к нему и свою знакомую, страдавшую длительной бессонницей. Несколько массажей головы — и сон пришел!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Беф–строганов, или «Ярмарка НЕВЕСТ»

Скорый поезд «Москва–Ташкент» плавно отошел от перрона Казанского вокзала. Я вздохнул с облегчением: командировка в Госплан СССР окончилась удачно, фонды на двадцать четыре станка для одного из орских заводов были получены, вместе с особыми полномочиями по их отгрузке со Средневолжского станкостроительного завода. В качестве «катализатора» для их получения я вез шестьдесят холодильников «Орск». В те годы слово «бартер» еще не было в ходу.

Получив резьбонарезные токарные полуавтоматы и слегка модернизировав их, мы дали возможность правительству отказаться от приобретения аналогичных у французской фирмы «Кри–Дан». Следовательно, крупная сумма валюты осталась у нашего государства.

Как всегда бывает в дороге, пассажиры нашего купе — двое мужчин и две женщины — быстро познакомились друг с другом.

Моими попутчиками оказались: подполковник милиции, когда–то работавший в Оренбурге, сейчас по делам службы следовавший до Актюбинска; тридцатилетняя, ладно скроенная женщина в шерстяном вязанном костюме. В нем она выглядела весьма эффектно, что для нее, по–видимому, не являлось секретом. С ней мы расстались в Сызрани. И, наконец, последней попутчицей была женщина в том возрасте, когда ей можно было дать и шестьдесят лет, и более. Ехала она до Оренбурга.

— Граждане мужички! — обратилась она к нам, — быстренько спускайтесь в «партер» с вашей галерки! Как говорят на Руси, присядем к столу и чем Бог послал ублажим душу, а вместе с ней и наши желудки! Возражения не принимаются!

Удивительно быстро накрыла стол. Тон, с которым она обращалась к нам, говорил о ее общительном характере, чувствовалось, что она умеет ладить с людьми, быстро находит с ними общий язык. О таких говорят — «душевный человек»!

Каждый из нас выложил на стол все, что успел закупить для дороги в московских гастрономах. Дарья Ивановна — так звали нашу пожилую спутницу — из плотной бумаги и полиэтиленовой пленки быстро создала некое подобие десертных тарелок, вполне пригодных для применения их по прямому назначению. Из какой–то плоско–овальной кастрюльки, внешним видом отдаленно напоминающей солдатский котелок, разложила по «тарелочкам» нечто аппетитно пахнущее. И со словами «угощайтесь, пожалуйста» пригласила всех отведать и оценить ее кулинарное мастерство.

— Рецепт этого блюда я узнала много лет тому назад, когда еще в девках ходила. Жила тогда в Оренбурге ... да вы не беспокойтесь, кушайте!

Я робко приступил к снятию пробы и не заметил, как моя тарелка оказалась совершенно пустой.

— Правда, вкусно? — обратилась Дарья Ивановна ко мне, заметив опустошенную тарелку.

Я согласно кивнул головой, подумав про себя: «Жаль, что мало!»

Словно прочитав мои мысли, улыбаясь, она предложила:

— Тому, кто угадает хотя бы семь видов продуктов, использованных в этом рецепте, будет положена «добавка»!

Я бодро начал:

— Гарнир — картофельное пюре, соль (какое блюдо можно приготовить без соли?), мясо говяжье на сметане, маслом пахнет, далее—Далее, сколько я ни пытался, назвать еще что—нибудь не . смог, на том мои кулинарные познания окончились. Дарья Ивановна иронически улыбнулась и полезла в свою кастрюлю—котелок, положила мне добавку со словами:

— Из названных продуктов соль здесь использовалась безусловно. Правильно назвали картофель, в мясе допущена неточность — не говядина, а телятина. В этом блюде даже это имеет значение; ну, масло. Вот и все, что было названо вами. Пробуйте еще раз! — И в моей тарелке вновь появилась небольшая горка загадочного, но вкусного блюда.

— Кажется, вы из Оренбурга? (Я согласно кивнул головой, так как рот был еще занят.) А где в вашем городе, — продолжала она, — до революции находился Народный дом? Случайно не знаете?

Я вспомнил, что мне рассказывал отец. На месте, где стоял Народный дом, раньше находились конюшни. Площадь называлась Конно—Сенной. Но о самом Народном доме, что было там и что это такое, он ничего не рассказал.

Дарья Ивановна начала свой рассказ:

— Когда точно возник Народный дом, я тоже затрудняюсь сказать. Но после того, как в нем появились супруги Крючковы — Петр Антонович и Прасковья Александровна, — некоторое время спустя о нем в городе заговорили, и он получил название «Ярмарка невест».

Петр Антонович обладал вражденным даром организатора и руководителя. Набрал группу любителей театрального искусства и их силами начал ставить различные спектакли. Но если честно — вначале особым успехом у зрителей—горожан они не пользовались, зал был почти пустой. Комитет Народного дома по—нашему — правление решил уж было отказаться от театральных представлений и занять помещение под какое—то другое дело.

— Состязаться с городским театром, Петр Антонович, где играют профессиональные актеры, — изрек один из членов комитета, — любителям явно не по силам! Знаете что, господин Крючков! Слышал я, что супруга ваша обладает божественным даром поваренного искусства! Завидую вам даже!.. Пригласите—ка ее сюда: по воскресным дням, на общественных началах, организуем школу поварского искусства. Руководить ею будет Прасковья Александровна, и, думаю, руководитель будет прекрасный...

В чем, а в этом член комитета явно не ошибся! Так и получилось!

В те годы многие зажиточные семьи держали прислуг — домашних работниц, по—нашему. На эту работу обычно шли девушки, приехавшие из села, либо дочери многодетных семей, испытывавших крайнюю нужду. Беда многих из них заключалась в том, что хозяева—наниматели требовали от прислуги

умения хорошо готовить завтраки, обеды, ужины, умение сервировать стол. Таким даром большинство из них не обладало. Вот этому—то и должна была научить их Прасковья Александровна. Кроме всего прочего, она была автором и создателем большого количества кулинарных рецептов. На практике они проверялись в общественной столовой, открытой при Народном доме. Готовили их ее ученицы, да так вкусно, с любовью и хорошо, что спустя некоторое время об этой столовой в городе пошла добрая молва. Обеды были недорогими, но сытными. Продукты привозили крестьяне со своих подворий, продавая их по невысоким ценам, либо в порядке благотворительности их передавали вообще безвозмездно. В общественной столовой было особенно многолюдно, когда воспитанницы Прасковьи Александровны устраивали показательные конкурсы на лучшее блюдо.

Каждый желающий мог подойти, попробовать, высказать свое мнение о качестве приготовленного, дать совет, направленный на улучшение вкусовых достоинств отведенного им блюда или взять рецепт того, что «дегустатору» более всего полюбилось! Именно в эти дни наши девчонки старались так, что делали, казалось, невозможное из самых простых, «рядовых» продуктов. Особое восхищение посетителей вызывали стоявшие на столах цветы, а то и красочные букеты цветов, но все они были приготовлены из свеклы, моркови, репчатого лука и кое-чего другого.

Цветы были так красивы, так искусно сделаны, что казались «живыми»! Некоторые посетители пытались их даже нюхать, не веря на слово. Но лук есть лук, от него текли обильные слезы! Вот там я и научилась готовить. Блюдо, которое откушали вы, называется беф—строганов. Не правда ли, ничего похожего с тем, что подают нам в столовых общепита? Написание этого блюда двойное, где пишут «бефстроганов» слитно, а где и через черточку. О беф—строганове существует такая легенда. В России, в давние годы, жил такой граф — Строганов. Кроме всего прочего, слыл он большим гурманом. Даже в таких тонкостях разбирался — какая куриная ножка имеет более нежное мясо — левая или правая? И объяснял, почему! Славился и своим поваренным искусством. Этому обучил и своего повара. Он даже рискнул принять участие в международном конкурсе поваров в Париже. Представьте себе — в том конкурсе он вышел победителем! С тех пор представленное Строгановым блюдо пошло гулять по свету с несколько измененным русским названием «беф—строганов» — «мясо по—строгановски», значит. Только вот правильно готовить его умеют редкие...

Петр Антонович, заметив успех и популярность своей супруги в Народном доме, по—хорошему «осерчал» на нее — обставила по всем статьям! А тут , как на грех, еще одно появилось — горожане Народный дом прозвали «ярмаркой невест». Повинна в том была опять его супруга. И потому, что научила девчат так хорошо готовить, что они стали пользоваться большим успехом у мужчин. Согласитесь со мной — какой мужчина не любит хорошо покушать? Кому из них не будет приятным в доме иметь такую хорошую хозяйку, чтоб соседу завидно было? Вот и стали девчат охотно брать не только в прислуги, в девках не засиживались! Прасковья Александровна часто благословляла молодоженов... Наверное, поэтому и задумался ее супруг: как бы в Народном доме и свое имя закрепить? Предложил он комитету принимать на контрактной основе в театральную труппу профессиональных актеров. Члены комитета вначале боялись «прогореть». Профессионалам надо было платить. Это во—первых. А во—вторых — они должны будут составить конкуренцию городскому театру, где играли только профессионалы, не разбавленные, как в их случае, любителями!

И все же успех пришел! Конечно, не сразу, но он пришел! О спектаклях Народного дома в городе заговорили. Появились даже дружеские шаржи на полюбившихся актеров, на персонажи, ими созданные. В труппе Петр Антонович стал пользоваться большим авторитетом и любовью.

— Впрочем, — обратилась ко мне Дарья Ивановна, — вы из Оренбурга — попытайтесь найти там их сына. Мы звали его Славиком! Может быть, и Прасковья Александровна жива ... Сам-то он погиб, в тридцать седьмом его... Может быть, у них какие документы сохранились, фотографии той поры. Очень интересные и душевные были люди! Сможете найти — непременно расскажите о них, о Народном доме. Ей-Богу, заслужили они того, чтоб люди о таких знали! Вот и моя судьба удачно сложилась только стараниями Прасковьи Александровны. А кто я им в те годы была? Да и не одной мне помогли... Кончу свои дела, сделаю попытку разыскать их. В Оренбурге-то я перед войной последний раз была. Тогда и виделась с ней...

Собеседница отвернулась к окну, кончиком пальца смахнула набежавшую слезу. Нахлынувшие воспоминания были настолько эмоциональны, что сдержать слезы оказалось делом трудным...

— А знаете, — вдруг повернулась она опять ко мне, — есть в Оренбурге одно место, точнее — здание, сохранившее облик Петра Антоновича. У него в труппе театра был друг один, архитектор. По его проекту здание Управления железной дороги строили, ну то, что на углу Советской и Постниковой стоит. Фамилия того архитектора, точно не помню, но то ли Корецкий, то ли Куредкий. Так вот, когда стройку того здания заканчивали, он взял и под одним из балконов третьего этажа Петра Антоновича облик, лицо, значит, вылепил! Чтоб горожане навеки запомнили его. Подойдите, посмотрите, узнаете его!

Дарье Ивановне я дал слово, что как только будет у меня время, непременно поисками Прасковьи Александровны либо ее сына Славика займусь. Не предполагал я тогда, что на работе он буквально в двадцати шагах от меня сидит. После этого разговора прошло несколько месяцев. Станки, за которыми я ездил в Госплан Союза, заводом были получены, установлены, прошла и «установочная» партия изделий, обработанных на них. Подошла пора за досрочное освоение и выпуск нового изделия рассчитать размер положенной заводчанам премии, выплатить ее. С основными выкладками пошел к начальнику планового отдела совнархоза (к слову будет сказать, что совнархоз располагался в здании бывшего Управления железной дороги). Сразу решить вопрос не удалось — в расчетах были найдены ошибки. Но на следующий день все предыдущие неувязки «утрясли». За делами мы просидели почти весь обеденный перерыв. Как назло, ужасно захотелось покушать. Мы направились в столовую. Вот тут-то я и вспомнил свое дорожное знакомство, Дарью Ивановну и ее восхитительный беф-строганов! Я поведал Вячеславу Петровичу Крючкову — начальнику планового отдела совнархоза — о своем дорожном знакомстве и восхитившей меня своим кулинарным мастерством попутчице. Смущенно улыбаясь, прервал он мой рассказ: «Многое из рассказанного вами мне хорошо известно. То были мои родители. Мамы в живых уже нет... Из документов кое-что осталось. Прошу ко мне, ознакомьтесь с ними, что заинтересует — прошу использовать для пользы дела...» Таким взволнованным своего собеседника я увидел впервые.

В наши дни в помещении бывшего Народного дома работает театр музыкальной комедии. Правда, это здание в первые послевоенные годы было реконструировано. В годы войны на его подмостках работал

эвакуированный из блокадного Ленинграда оперный театр. Некоторое время здесь работал известный советский композитор Соловьев–Седой, здесь он организовал концертную бригаду, с которой отправился на фронт. Здесь со своим мастерством ознакомил жителей нашего города легендарный актер нашего времени Аркадий Райкин, а его остро направленная фраза «у нас есть все — но не всем достается!» вызвала бурю восторга!

Пожелаем же тем, кто и ныне трудится в этих стенах, творческих успехов и постоянных аншлагов!

А все пошло от Народного дома!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

[Главная](#)

Причуды адвоката

Собирая легенды по прошлому Оренбурга, мне часто приходилось слышать от разных лиц истории, связанные с деятельностью бывшего окружного суда, с теми, кто некогда там работал. Так родилось три рассказа, связанных, как я думал вначале, с разными действующими лицами. Но появлялись новые факты, которые подтверждали, что речь постоянно шла об одном и том же человеке, большом оригинале, обладавшем утонченным вкусом, о похождениях которого прекрасная половина человечества из уст в уста передавала сложенные ими легенды! Что там было правдой, а что вымыслом — говорю откровенно, — не знаю! Но ведь говорят, что легенда — приемная дочь истории. Итак, легенда первая.

[\[назад\]](#) [\[вперед\]](#)

Дело из–за хвостика

Телефонный звонок оторвал меня от стакана с чаем. Я собирался ехать на свой садово–огородный участок и был соответствующим образом одет. Звонил начальник оперативно–технического отдела Управления внутренних дел — полковник Желтов:

— Есть просьба! Очень прошу, пожалуйста, найди недельку–другую свободного времени. Нужна твоя техническая помощь в проведении киносъемки. Дело о–очень интересное и необычное! Оригинально, мерзавцы, все продумали... Словом, приезжай. На месте все узнаешь!

Через полчаса сижу в его кабинете и слушаю фабулу дела:

— В нашей области появилась небольшая группа дельцов. Продают фальшивые бланки водительских удостоверений, талонов предупреждений, дипломов высших учебных заведений. Все изготовлено типографским способом. Вот, на, смотри — классно изготовлено! Отличить от подлинных — сложно, но можно. Нужен не просто фильм, нужен служебный фильм–ориентировка, чтоб с его помощью можно было бы легко установить подделку. Возьмись за эту работу! Помощь людьми обещаю.

Так я познакомился, а позднее и подружился с капитаном милиции Владимиром Назаровым. Съемка фильма отняла у нас не недельку–другую — почти пять месяцев...

У задержанных лиц кавказской национальности Д. и Т. из города Орджоникидзе было изъято более ста десяти образцов гербовых печатей институтов и университетов страны, чистые бланки дипломов и водительских удостоверений. Один из них, человек всего с трехклассным образованием разработал до гениальности простой способ переноса гербовых печатей — от подлинной даже эксперту–криминалисту отличить было чрезвычайно сложно. Но, как всякая подделка, и эта оставляла следы!

... С капитаном Назаровым мы входим в одно из старейших зданий нашего города. Когда–то здесь помещался окружной суд, сейчас — областной. На первом этаже работает нотариальная контора — цель нашего появления здесь...

Редкая женщина в молодости не мечтала о карьере киноактрисы! И если подворачивался случай — с большим удовольствием соглашалась принимать участие в киносъемке. Здесь же произошло обратное — женщины–нотариусы решительно отказались быть «киноактрисами»! Согласия на съемку не дала ни одна из них. Дело дошло до их руководителя — заведующего нотариальной конторой. Объясняем, что снимаем служебный фильм о поддельных документах, что с его помощью и они смогут определять фальшивки.

Наконец, разрешение и согласие на съемку получаем. Достаем пачку бланков дипломов, среди которых только один подлинный. Просим их определить, где бланк диплома, изготовленный Гознаком, а где — поддельный?

С хитрой улыбкой на лице, как бы говорящей «за кого вы нас принимаете?», одна из них открывает сейф, достает оттуда свой диплом, кладет рядом. Мы ведем съемку... В сторону откладывается один бланк диплома, затем второй, третий. Сомнение у нотариусов вызвал... подлинный бланк!

Настолько искусно была выполнена фальшивка! После съемки фильма, его монтажа и озвучивания, работники нотариальной конторы смотрят на экран, узнают друг друга, перебрасываясь шутками, смеются. Одновременно знакомятся с характерными признаками, выдающими подделку. Позднее фильм демонстрировался и по местному телевидению, правда, в несколько измененном варианте. Впоследствии в этом здании с кинокамерой мне приходилось бывать неоднократно. Ныне оно снесено, на его месте возведено девятиэтажное жилое здание, снесли заодно и здание средней школы № 33.

Занимаясь в архивах, удалось установить, что здание окружного суда было построено в начале 1879 года. Особо громких дел тогда не было — город в то время был невелик. Но тихую и размеренную жизнь горожан всколыхнуло уголовное дело, возбужденное против одного из частных поверенных. У служителей Фемиды оно получило название «Дело из-за хвостика». Этого поверенного обвиняли в подлоге духовного завещания.

Суть заключалась в следующем.

Умирает один чрезвычайно богатый купец. Он оставляет духовное завещание, заверенное священником Агишевым. В тексте завещания оказалось, что этот же Агишев упоминается как наследо-получатель! Таким образом получалось, что духовное завещание должно быть признано недействительным! Священника ожидали крупные неприятности и обвинение в подделке духовного завещания. Но в процессе производства дела выяснилось, что действительная фамилия наследника — Агишев!

Один только маленький хвостик — и буква стала не «Щ», а «Ш»!

Возник вопрос о возможности подделки буквы «Щ» — и дело пришлось разбирать суду, а священнику обратиться за помощью к адвокату.

Защитником священника Агишева в судебном заседании выступал адвокат Александров, впоследствии — защитник Веры Засулич!

Им дело было выиграно в считанные минуты!

— Я попрошу высокий суд, — сказал адвокат, — пригласить в зал заседаний машинистку, печатавшую то завещание, и принести сюда ее машинку «Ундервуд»!

Когда эта просьба была выполнена, Александров попросил машинистку сделать полную закладку, взял книгу и стал начитывать ей текст, к делу никакого отношения не имеющий. Судья хотел было остановить его, но не успел. Машинистка печатала быстро. Когда примерно полстраницы было заполнено текстом, продиктованным адвокатом, Александров подошел к ней, положил руку ей на плечо и произнес:

— Благодарю вас, вполне достаточно! Вынул из машинки листы с напечатанным текстом, передал его судьям, а к машинистке обратился с вопросом:

— Мадам! Можете ли вы подтвердить, что это именно та машинка, на которой вы печатали то злополучное завещание?

— Но, господин адвокат, — ответила она, — у нас другой машинки просто нет! Она одна. Текст завещания я печатала именно на ней.

Судьи согласно закивали головами...

— Я обращаюсь к высокочтимому суду и прошу внимательно ознакомиться с образцом текста, — с пафосом произнес Александров. — В двух абзацах книги — из которой я начитывал в вашем присутствии текст, а мадам любезно согласилась печатать его — несколько раз встречается буква «Щ». Видите ли вы четко хвостик от буквы «Щ»?

В предъявленном тексте его видно не было. То был дефект машинки, допускаящий «провал» хвостика при несильном ударе по клавише пальцем машинистки. Но стоило усилить удар — хвостик был виден четко.

— Господа судьи! В данном случае кто из вас возьмет грех на душу и предъявит обвинение подсудимому, если пишущая машинка не всегда пропечатывает этот злополучный «хвостик»?

Дело было выиграно, а священнику возвращено честное имя!

Не менее блестяще Александровым было выиграно еще несколько дел. Его выступления в судебных заседаниях, искрометные, часто с известной долей юмора, сравнения вызывали аплодисменты мужчин и слезы умиления у женщин. Александров становится самым популярным в городе адвокатом. Зажиточная часть горожан почитала за честь попасть в число его клиентуры.

Но жизнь в отдаленном и захолустном городке, каким в те годы был Оренбург, ему наскучила. Александров решил покинуть наш город, а своих подопечных передать другому адвокату, большому оригиналу, любившему модно и со вкусом одеваться, любившему утонченный домашний уют. В городе он слыл отменным сердцеedom, любителем и любимцем «слабого» пола. Но то были только слухи, так как никто ни разу не смог уличить его, или, как говорят юристы, — «взять с поличным».

В обществе новый адвокат любил подчеркнуть свое восторженное отношение к даме.

— Имя дамы для меня свято, — говаривал он, — но трижды свято доверие ее!

Может быть именно поэтому, когда возникала необходимость в услугах адвоката, женщины предпочитали обращаться именно к нему.

Лет пятнадцать–двадцать тому назад мне довелось услышать один рассказ о выигранном этим адвокатом, не совсем обычным приемом, деле.

К дочери купца и крупного домовладельца С., так мне назвали его имя, часто приходил молодой человек. В этом доме вскоре он стал буквально своим. Однажды из дома купца С. исчезли какие-то предметы антиквариата, именуемые позднее в уголовном деле как «ценности».

Кто их мог похитить? Посторонние в дом не входили. Горничная? Она оставалась вне подозрений, ее в эти дни просто не было в доме: получив отпуск, она уехала к родственникам в деревню. Подозрение пало на постоянного гостя дочери, несмотря на самое отчаянное ее возражение. Улик похититель не оставил буквально никаких!

Сыщики, приглашенные купцом в дом для расследования этого случая, только руками разводили. Они понимали, что одного подозрения недостаточно, чтобы гостю дочери можно было предъявить обвинение.

— Да и зачем ему что-то похищать? — считали многие. — Дело-то идет к

свадьбе. Все равно чуть позднее все его будет — в приданое попадет!

Видя, что отец виновным в краже упорно считает ее жениха, за помощью дочь решила обратиться к этому адвокату.

— Господин адвокат! В хищении ценностей мой папа подозревает... Я хотела бы надеяться на вашу скромность...

— Доверие дамы для меня трижды свято! — перебил ее адвокат.

— Дело в том, что мы почти договорились пожениться. Матушка с батюшкой до этого случая против него ничего не имели... А тут такое!.. Этого сделать он не мог! Не он это! Помогите, прошу вас, восстановить его честное имя! Прошу очень... — И посетительница надушенным платочком стала вытирать появившиеся слезы...

— Ну зачем же так сильно волноваться? — вновь перебил ее адвокат. — Вы так прэлестны, а слезки могут испортить ваше лицо! Вот выпейте стаканчик воды и, прошу вас, успокойтесь! Обещаю вам помочь чем смогу!

После этой встречи адвокат развил бурную деятельность — изучил не только всю жизнь будущего зятя купца С., благо тот из города никуда не выезжал; были установлены все его связи, привычки, черты характера. Но ничего порочащего в собранных им сведениях не было. Настораживало только одно — многие считали его человеком трусоватым. Но трус — не обязательно вор. Да, вот еще — до недавнего времени его иногда видели в ресторане Караван–Сарая. Но последнее время его там не было.

Казалось, что дело вновь заходит в тупик. Адвокат решил использовать, на его взгляд, последний шанс. Но для этого необходимо было получить согласие господина прокурора — на что ни пойдешь для установления истины?

В один из теплых летних дней на даче купца С. в Зауральной роще собрался узкий круг приглашенных. Среди них были будущий зять купца С., прокурор, адвокат и еще два–три человека, лица которых присутствующим вначале были не известны. Хозяин дома представил, но их имена мало что прояснили...

Все уселись вокруг карточного столика на плетеные стулья. Завели модный в те годы граммофон...

Хозяин дома, тасуя колоду карт, начал рассказывать гостям о своих торговых делах, о том, что вместе с похищенными ценностями злоумышленник похитил инкрустированный золотой вязью кубок из сандалового дерева.

— Вы знаете, господа, что меня сейчас больше всего волнует, — продолжал купец, — этот кубок я купил на Меновом дворе у одного хивинца. Он рассказал о его волшебных свойствах — на Востоке преуспели в изготовлении тайных ядов! Если из него пьет владелец кубка — он сможет спасти его от тайно подсыпанного туда зелья!..

— Действительно, — поддержал купца адвокат, — на Востоке преуспели не только в изготовлении тайных ядов, но и в спасении от них!..

— Своим домашним о свойствах этого кубка я все собирался рассказать, да все дела перебивали. Не рассказал... Да! Есть у меня еще одна безделушка, — купец полез в жилетный карман, достал из него маленькую табакерку для нюхательного табака, — ее мне подарил тот же хивинский купец. Смотрите, я беру ее в руки — прошу посмотреть на них... — Купец

продемонстрировал ладони своих рук и продолжил: — Как видите, ничего не происходит! А теперь, господин адвокат, прошу вас подержать эту безделицу в ваших! — и протянул табакерку адвокату. — Хивинец поведал мне и еще об одном интересном свойстве того кубка — его нельзя бесследно выкрасть! Прошу вас, господин адвокат, положить табакерку на стол и посмотреть на ваши ладони, в которых она только что находилась. Видите, появляются слабые пока еще пятна. Но со временем они усилятся! Дело в том, продолжал купец, что хивинцы научились обрабатывать такие безделушки каким-то ядом. Сандаловое дерево его хорошо удерживает. Глазом оно незаметно. Но под действием кожного пота яд этот начинает действовать. Похититель, каким бы квалифицированным он ни был, волнуется постоянно. Его руки усиленно потеют. Похищенный кубок обязательно заклемит вора — на его руках, через некоторое время после кражи, появится не просто след от кубка, выступит мелкая, вначале абсолютно безболезненная сыпь и если вовремя...

В это время жених судорожным движением поднес руку к лицу и даже чуть наклонился к ней...

Все смотрели на него!

Прокурор встал из-за стола и твердым голосом произнес:

— Господа полицейские! Вор найден, он перед вами. Арестовать его!..

В судебном заседании адвокат горячо говорил о мужской чести, о святости имени дамы и ее доверии. Повернувшись к председательствующему, он произнес:

— Да простят меня господа, присутствующие здесь, в этом заседании! Но дело с хищением ценностей было настолько необычным, круг подозреваемых был настолько узок, что обычные методы сыска и следствия оказались неэффективными. Господа! Я вспомнил одну легенду, рассказанную мне моим подзащитным купцом-хивинцем. Ее-то, с разрешения господина прокурора, мы и решили использовать при раскрытии этого дела. Она фантастически сработала!..

Блестящая речь адвоката, особенно та ее часть, которая была связана со святостью имени дамы, вызвала, как говорят, слезы у присутствовавшей здесь прекрасной половины человечества...

Мне неизвестно, знал ли адвокат свойства некоторых не видимых невооруженным глазом красителей-люминофоров — светиться различными цветами при их освещении инфракрасными лучами. Да и были ли открыты в те годы эти свойства? Но, безусловно, адвокату были известны свойства некоторых мелко-дисперсных порошков, практически невидимых простым глазом, «проявляться» под действием влаги, постоянно выделяемой кожей человека. На этом он и построил ход своего необычного следствия!

Прошло много времени с тех пор, когда был снят фильм «Дипломники». Еще больше утекло воды со дня того суда, на котором блеснул тот адвокат, имя которого долгие годы я пытался узнать. Здание окружного суда не уцелело — его снесли, как многие другие памятники архитектуры нашего города. Капитан милиции Назаров сейчас стал полковником. Фильмы я больше не снимаю. Лежит передо мной фотография окружного суда Оренбурга, а в памяти всплывают дела, свидетелем которых мне пришлось быть, дела, о которых пришлось многое слышать от лиц, которых уже нет рядом с нами, дела, ставшие в наши дни легендами Оренбургского окружного суда, и их

неожиданное продолжение. Но об этом — другой рассказ, другая легенда.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Мечь

Как-то мне позвонил Вячеслав Петрович Крючков — старожил нашего города, большой знаток легенд и преданий о нем. Он рассказал об одном случае, некогда произошедшем у стен Петропавловской церкви. Услышанное по своему сюжету было настолько необычным, что я вначале не поверил.

Спустя какое-то время, собирая материалы о купцах, братьях Зайчиковых, вновь услышал эту легенду, правда, в несколько другом художественном оформлении. Поэтому решил поведать ее вам, тем более что некоторые действующие лица встречались в предыдущем повествовании.

Лет пятьдесят–шестьдесят спустя после описанных нами событий в рассказе «Се — лев, а не собака!» — у стен Петропавловской церкви и вокруг нее произошло событие, о котором до недавнего времени старожилы Оренбурга любили вспоминать со смехом, смакуя факты, граничившие с вымыслом, нанизывая на канву повествования все новые подробности.

Дело в том, что сей храм, стоявший практически в самом центре города, именитыми согражданами был облюбован для проведения бракосочетаний их блистательных отпрысков. Церемония венчания всегда обставлялась пышно и торжественно — дамы блистали здесь своими нарядами и украшениями, экипажи, на которых прибывали приглашенные для свидетельства традиционного на Руси обряда, были осыпаны цветами, впрочем, так же, как и дорожки, ведущие к храму, вместе с его ступенями. Однажды здесь произошел случай, который... но лучше начнем все по порядку.

В Оренбурге был такой купец С. Как утверждали старожилы, еще в середине прошлого века, почти у въезда в город с «хивинской» стороны, на Деевской площади поставил он красного кирпича двухэтажный дом с полуколоннами и полуподвалом. Стоит тот дом и поныне, ни разу не отведав на своем веку капитального ремонта. Байки донесли до нас слухи о необычайной красоте и, что редко бывает совместимым, о необычайной скромности дочери того купца. О всех ее поклонниках говорить не будем — кто домогался ее руки, кто целился на богатство будущего тестя. Но наш рассказ пойдет совсем о другом, несмотря на то, что к этому дому он будет иметь самое прямое отношение.

Как только переедешь Урал с азиатской стороны, справа от дороги и в наши дни стоит еще один дом, тоже красного кирпича — дом купчихи Машковой, владелицы пивоваренного завода. Но к моменту происходивших в нашем рассказе событий владельцем этого предприятия стал ее потомок — как говорили, — внучатый племянник, русский подданный с немецкой фамилией — то ли Клюмп, то ли Штумп. Был он человеком с обостренным чувством собственного достоинства, терявший самообладание, если кто-то смел ему возражать. Доставшееся наследство нельзя было отнести к числу убыточных. К тому же было оно укомплектовано специалистами, в совершенстве знавшими вверенное им дело. Владельцу пивзавода не оставалось ничего другого, как красиво жить! Он нигде не появлялся один. Рядом постоянно находился пес какой-то «заморской» породы. Клюмп любил хорошее вино, миленьких женщин (ну кто же из мужчин их не любит?) и свою коллекцию восточных безделушек, которыми очень гордился, и шел на все, чтоб овладеть полюбившейся ему диковинкой. Но больше жизни любил свою собаку со странной кличкой Поль. Она своему хозяину отвечала такой преданностью, на которую

способно только одно существо в мире — собака! Пивовар звал ее иногда ласкательно — Польчик, иногда окликал ее — Наполеончик. Собака откликалась на все клички, произнесенные хозяином. На вопросы любопытных по поводу необычности собачьей клички, Клюмп неизменно отвечал, что его псина необычайно умна, преданна, сообразительна, что он — ее хозяин — обязан Полю даже жизнью!

— Был случай, — рассказывал он, — во двор залезли воры. Поль гонял их по двору, не подпуская к выходу так, как своих противников гонял по всей Европе Наполеон! За это я и прозвал пса Наполеончиком! Так вот, одного из воров он загнал на дерево, второго уложил рядом в «партер», предварительно кое-что с него сняв. Верх непрошенного гостя Поль оставил прикрытым, а вот низ — прошу прощения — при лунном свете сверкал первородной белизной! Тот, что был на дереве, осипшим голосом взывал о помощи.

Находившийся в «партере», прикрыв руками голову, — дышать боялся... А тут и полицейский вскоре подоспел!..

Но, говорят, если нет теплого домашнего очага, рано или поздно праздная жизнь теряет свою прелесть. Словом, задумал Клюмп остепениться и обзавестись женой. Благо из окна его дома как на ладони были видны особняк купца С. и внушительное количество пролетов воздыхателей его дочери. Но молодого повеса-пивовара привлекали не столько архитектурные прелести особняка, сколь прелести купеческой дочки! Обилие пролетов поклонников молодой госпожи его не смущало — господин Клюмп был уверен в себе. Быть принятым в доме купца С. пивовару не составило большого труда. С немецкой педантичностью он повел «осаду» молодой красавицы, постепенно оттесняя ее поклонников. Тяжело было тягаться с некоторыми, но свою избранницу Клюмп буквально осыпал цветами. Но, увы ... заметного предпочтения перед другими он не замечал. Отец считал партию для своей дочери превосходной! Мать же говорила, что владелица пивного завода — кутила и повеса, человек, который не сможет стать надежным мужем для их дочери. Дочь тоже была на стороне мамы. И вот настал день, когда господин Клюмп, наверное, впервые в жизни, потерпел сокрушительное фиаско — в руке купеческой дочки ему было решительно отказано! Виды на женитьбу лопнули! То был чувствительный удар по его самолюбию. Затаив зло, он стал вынашивать идею расквитаться. И тем не менее отказаться от посещения этого дома он не мог. Такое решение было выше его сил. Да и полюбил он красавицу, наверное...

В правой части караван-сарайского сада некогда стоял ресторан. Там гуляла публика не только высокого, но и среднего достатка. Оргии затягивались обычно до утра, причиняя немалое беспокойство владельцам окрест расположенных частных домов...

За богато сервированным столом этого ресторана сидело два человека. В одном из них без особого труда можно было узнать господина Клюмпа. Он сидел, откинувшись на спинку кресла. Из-под расстегнутого сюртука был виден полосатый жилет, плотно обтягивающий начинающий округляться животик, который поперек перечеркивала массивная золотая цепь. Один ее конец был закреплен в петле средней пуговицы, второй, вместе с часами, был опущен в жилетный карман. Его собеседником был худощавый молодой человек, чье действительное имя история до наших дней не донесла, но за особенность походки он был известен завсегдатаям ресторана под прозвищем Топтун. Легкая, как бы крадущаяся, его походка была предметом постоянных шуток друзей.

- И какую сумму, уважаемый, желали бы вы получить? На какой срок? О цели займа не спрашиваю — обычно это коммерческая тайна, — спокойным голосом цедил господин Клюмп.
- Какая уж тут тайна, особенно от вас! Мне хотелось бы войти в долю и в дело господина Юрова. Городская Дума недавно дала ему разрешение поставить в конце Николаевской улицы паровую мельницу... Размол там будут вести паровые машины... Он их уже выписал... В нашем крае таких ни у кого пока нет... Юров будет первым... Дума разрешила возвести пока только два этажа, но господин Юров сказал, что «паче найдутся пайщики надежные — и четыре возведу!» Думаю, что Городской Думе некуда будет деться. Да и дивиденды обещает приличные выплачивать...
- Какие гарантии вы можете представить? Сумму—то просите внушительную, уважаемый!
- Могу дать любые, господин Клюмп, которые устроят вас. Только помогите стать на ноги... Должником век вашим буду! Детям накажу...
- Детям? Но вы даже не женаты... М—м... Да—с! Тут надо... Эврика! Есть мысль! И, кажется, неплохая! Вам, господин Топтун, жениться надо! Да, да! Жениться! Вы должны взять жену с приличным приданым, вот вам и бессрочно—беспроцентная ссуда будет! А богатую невесту мы вам подберем! Есть одна на примете, сам бы женился, да знаю, что я не в ее вкусе. Вам известно имя господина С.? Ах! Какая дочка у него растет! Папашин парничок для нее давно стал тесен... Решено! Мы вас, дорогой, оженим! Я им представлю вас... Но за труды положено...
- Но, господин Клюмп, я же...
- Не беспокойтесь. Деньги меня мало интересуют. Главное — не волноваться! Я все беру на себя... Но как только вы станете семейным человеком, в знак признательности, вы передадите мне, коллекционеру, сандаловый кубок с инкрустациями, подаренный господину С. при очередной его сделке каким—то хивинцем... Дочери намекните, что в приданом и кубок тот желательно... Главное, он господину С. не нужен, стоит, пылится. А в моей «восточной» коллекции на него смотреть будет приятно! Только в ней он «заиграет» во всю силу! О таком — давно мечтал, да все случая не было... Ну, как?
- Считайте, если свадьба состоится, — кубок ваш!

Вскоре Топтун стал частым гостем в ресторане купца Белова, что стоял над обрывистой кручей набережной Урала, с дошедшим до наших дней названием «Поплавок». Он постоянно занимал угловой столик с видом на реку и зауральские дали. Все чаще стал появляться в ресторане в обществе прелестной девушки — дочки купца С. Особенно бережно он усаживал за стол ее мамашу, которая первое время «при дочке» была неотлучно. Но, убедившись в серьезных намерениях молодого человека, иногда оставляла их вдвоем. В городе стали поговаривать о их возможной свадьбе, о том, что отец невесты в качестве приданого уже оговорил на местной бирже условия покупки акций купца Юрова, о том, что в доме начались приготовления к бракосочетанию...

И где бы ни появлялась эта пара, изящная фигурка невесты не оставляла равнодушным ни одного мужчину. У Топтуна появились даже завистники, но их он не замечал.

И вдруг грянул гром — в доме у купца С. была совершена странная кража — драгоценности остались на месте, пропала какая-то «хитрая» курительная трубка, сандаловый кубок и кое-что по мелочи. Местные сыщики удивлялись странному вору. Злые языки поговаривали, что в краже повинен жених, тем более что Топтун ходил мрачнее тучи. Подвыпивший купец С. кому-то клялся, что свадьбе не бывать. Невеста перестала бывать в обществе. Столик в ресторане на «Беловке» пустовал... Шел слух, что будто бы у невесты от слез не просыхают глаза, что будто бы ее видели входящей в дом к местному адвокату Городисскому, которого она просила сделать все возможное, чтобы вернуть честное имя ее жениху...

С этого момента события стали нарастать с головокружительной быстротой: кто-то видел, что у дома Клюмпа долго стояла полицейская карета, кто-то слышал, как выла собака пивовара, будто бы зарубленная шашкой полицейского, на которого она бросилась, так как была не на привязи. Следом пополз и другой слух — Клюмп перестал посещать дом купца С., так как у пивовара в доме было обнаружено все похищенное, что он выставил несколько свидетелей, подтверждающих, что Клюмп эти вещи купил на Меновом дворе у какого-то хивинца и что сам Клюмп клялся и божился в этом. Но сам он перестал бывать не только в обществе, но и в его любимом ресторане, а это явно говорило не в пользу Клюмпа. Наступившая зима несколько остудила страсти, покрыв белым саваном все вокруг. О скандале постепенно стали забывать, тем более что семья купца С. выехала в Самару, а на окнах их особняка, смотревших в сторону пивоваренного завода Клюмпа, появились деревянные щиты, как бы подчеркивающие нежелание хозяев этого дома даже смотреть в ту сторону. Тем самым пивовар вновь был уязвлен...

Пришла весна, на улицах города появились дамы, вместе с ними — слухи! Кто-то видел Клюмпа с его неизменным спутником, собакой Полем, которую оказывается никто не убивал, и она так же преданно смотрела в глаза своему хозяину, а хозяин все так же стал проводить свое время в ресторане сада Караван-Сарая, что семья купца С. вернулась из Самары и что у них, кажется, что-то готовится, что их дочь вновь расцвела и повеселела. И вдруг — еще одна новость: из Самары приехали сваты от какого-то крупного судовладельца, сватают их дочь!

— Да не-е! Вовсе он не судовладелец, — говорили одни, — мельник он. Крупную мельницу под Самарой держит, всю губернию мукой снабжает!

— Владелец-то он владелец, да только не мельницы! — возражали им другие. — Канатная фабрика у него. Пароходство на всей Волге канатами снабжает!..

Слухи росли как снежный ком. Один купец С. хранил упорное молчание и всем домашним строго-настроено наказал язык держать за зубами. Не то... Кто-то видел купчиху в Петропавловской церкви, которая после заутрени о чем-то долго беседовала с батюшкой...

Ходил по городу и другой слух, которому многие не верили, — у Клюмпа в друзьях оказались владельцы пролеток — кучера и извозчики, что он с ними в пьяном угаре проводит много времени, а у его ног все так же преданно лежит его барбос. Такой внезапной дружбе многие удивлялись и ради удовлетворения любопытства стали посещать караван-сарайский ресторан, отчего у его владельца резко возросла выручка...

Все оказалось правдой — Клюмп с кучерами сидел там!

Между тем многие именитые граждане города стали получать от купца С. приглашения на свадьбу дочери с владельцем самарского хлебозавода. Венчание должно было состояться в Петропавловской церкви.

... Свадебный кортеж медленно выползал с Деевской на Чернореченскую площадь. Но мимо Хусаинии по Гостинодворской на пролетках двигалась похоронная процессия. Чтобы не омрачать душевного равновесия новобрачных, свадьба свернула на Орскую, надеясь по Николаевской достичь Петропавловской церкви. Однако на пересечении Гостинодворской и Николаевской вновь заметили траурный кортеж. Свернули на Воскресенскую, но и там их встретили дрожки с ревущими во весь голос женщинами—плакальщицами. Куда бы ни сворачивала свадьба, всюду натыкались на похоронные процессии. Кто-то сказал, что у Клюмпа «изволила издохнуть его любимая собачка». Но купец С. понял ход своего противника, да в тот момент поделаться ничего не мог. Расфранченный жених нервно хлыстал себя по бедрам замшевыми перчатками. Дело близилось к тому, что разгневанный жених мог бросить невесту и укатить в Самару. И ждали бы тогда купеческую дочку либо монастырь; либо незавидная судьба старой девы...

Пришлось рассказать жениху о давней тяжбе между ним и пивоваром, о краже, о попытке разбирательства дела в окружном суде...

Чем дело кончилось между ними — мне долгое время было неизвестно. Но старожилы рассказывали, что на одной из пролеток была установлена отделанная черным крепом платформа, на которой лежало бездыханное тело его любимого Поля. После тех «собачьих» похорон Клюмпа с собакой никто не видел. А вскоре после этого из Оренбурга исчез и сам пивовар.

Но мне приходилось слышать и другую версию этой необычной истории. Своего любимого пса пивовар два дня не кормил. В день свадьбы он дал собаке смесь мелко нарезанного мяса с хмельной брагой. На той, «обтянутой черным крепом» платформе—катафалке лежал до бесчувствия опоенный Польш. К таким «собачьим» похоронам пивовар стал готовиться загодя, почему и дружбу с владельцами пролеток завел. Рассказывали, что кто-то видел его пса в районе Менового двора и что будто бы собака прибилась к какому-то каравану, с которым и ушла в неизвестном направлении. Собака не смогла простить бывшему хозяину «хмельных похорон»! После такого подумаешь — а мыслит ли собака?

Так ли это было на самом деле или нет? Ответить на такой вопрос мне не по силам. Однако из многих литературных источников широко известны купеческие забавы и «шутки», которые они позволяли по отношению друг к другу. Доподлинно известно, что аналогичная похоронная процессия около Петропавловской церкви была. Была и с пролетками, и с нанятыми женщинами—плакальщицами...

Что касается свадьбы, как мне рассказывали, она все же состоялась. Но не в Оренбурге. Была она пышной, громкой. О блеске ее и великолепии слух прошел от Самары до Саратова. Потом новобрачные перебрались к отцу в Оренбург, история эта тем не окончилась, а имела продолжение, но то тема следующего рассказа.

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Дом со «львами»

Если, уважаемый читатель, тебе случится пройти от драмтеатра по улице Ленинской к пивзаводу, обрати внимание на здание Оренбургской районной больницы, расположенное буквально напротив, многим известное под именем «Дом со львами». В истории нашего города оно должно занять достойное место. И не потому, что в нем когда-то жил генерал С.Т.Циолковский, родной брат деда Константина Эдуардовича Циолковского — Игнатия.

В моей памяти он сохранился по впечатлениям детских лет. В тридцатых годах туда водила меня мать на медицинские осмотры. Видимо, в те годы там располагалась детская поликлиника. Запомнилось, что стены и потолки там были расписаны на мифологические темы: по стенам порхали обнаженные нимфы-женщины, вокруг них, на фоне изумрудно-зеленого леса, порхали розовые ангелочки. То был неземной рай. Когда мать вводила меня туда, обычно бросала: «Смотри под ноги. Не пяль глаза по сторонам!» Но мальчишка есть мальчишка! Меня одолевали вопросы, которые я тут же адресовал матери:

— Мама! А почему на стенах тети голые?

— Это не тети, — отвечала мать, — это святые мадонны...

— А почему они голые? — продолжал упорствовать я.

— Потому что они святые...

— Мам! А ты у нас не святая? — после некоторой паузы продолжал я.

— Нет. А почему ты так решил?

— Но ты же одетая! — громко сказал я.

Оглушительный подзатыльник поставил точку на моих вопросах. С ее стороны это было, конечно же, непедагогично!

В этом доме с довоенных лет я больше не был ни разу. И если эта роспись ныне уничтожена вместе с ажурной лепкой карнизов так же, как роспись Маковского на взорванном Казанском кафедральном соборе, некогда стоявшем на месте Дома Советов — искренне жаль!

Об этом доме от отца однажды мне пришлось услышать следующую легенду: «Жил в этом доме до революции известный в нашем городе адвокат. Он был известен не только своей блестящей адвокатской практикой, но и своими амурными похождениями. Вот только имени его я не помню. Слыл он большим оригиналом! Мой отец, а твой дедушка, рассказывал, что под землей он сделал тоннель с выходом на соседнюю улицу. Проложил под землей узкоколейку, за границей купил электрическую тележку, там ее установил и, по слухам, на ней катал экзальтированных дам. В необходимых случаях — выпускал их с другой стороны от своего дома на соседнюю улицу! Вот и подумай, где в нашей стране впервые было проложено метро?»

Была то легенда или быль — тогда мне было неизвестно. Да и имени адвоката отец не помнил. Но то, что «Дом со львами» имел подземный ход на другую

улицу — слышать приходилось от многих. Большинство рассказчиков помнило и необычную роспись стен и потолков. Спустя много лет после того рассказа отца о «Доме со львами» мне довелось услышать еще раз. Человек, поведавший мне эту историю, ссылаясь на свою покойную бабушку, в молодости работавшую горничной у какого-то купца. Ее хозяйка, тогда молодая и очень привлекательная женщина, была дружна с ней и не имела от нее секретов. Иногда своей горничной доверяла поручения весьма деликатного свойства. Именно поэтому бабушка была всегда в курсе дел хозяйки. Но вот беда — имени адвоката она не называла, либо мой собеседник просто его не запомнил.

В 1972 году мне довелось принять участие в исследовательской экспедиции по местам боев Емельяна Пугачева. В одной из деревень от бывшего казачьего офицера, человека весьма преклонных лет, я вновь услышал легенду об этом адвокате и предотвращенной дуэли в Дворянском собрании Оренбурга. И снова имя адвоката названо не было. В прошлом году мне пришлось обратиться к Вячеславу Петровичу Крючкову — неутомимому рассказчику, историку-краеведу по призванию, а не по образованию. Но родственники сказали, что он находится в больнице. Решил навестить его там. Рассказал о сделанном мне предложении записать мифы и легенды, связанные с нашим городом, известные мне. Поведал Вячеславу Петровичу об одном затруднении — есть одна легенда, очень интересная, связанная с именем местного адвоката, жившего некогда в «Доме со львами», да вот беда, его имени не знаю и найти не могу.

— Вы имеете ввиду адвоката Городисского, до революции проживавшего в этом доме? — вновь удивил меня феноменальной памятью Вячеслав Петрович. — Интересный и неординарный был человек! А что вам известно о нем?

Перескакивая с одного факта на другой, беспорядочно буквально высypал на Крючкова все, что за годы удалось мне узнать о «Доме со львами»...

... Горожанам он стал хорошо известен после того, как помог раскрыть хищение хивинского антиквариата из дома купца С. Был известен хорошо и в Дворянском собрании, где любил перекинуться в картишки, но никогда не поддавался игорному азарту. Там он слыл знатоком хороших коньяков и вин. Многих удивлял своими золотыми часами фирмы «Лон-жин» — не открывая крышки часов, с точностью до минуты мог сказать точное время. Нажимал на корпусе какую-то кнопку — вначале раздавались редкие удары — то были часы, затем следовали двойные удары — четверть часа, бой заканчивался частыми единичными ударами — успевай считать минуты!

В среде тех, кто знал его достаточно хорошо, ходила легенда о несостоявшейся дуэли.

— ...Мда-с! Скажу я вам, господа, на кого как, а вот на меня лично ни хорошее вино, ни «Камю», ни «Арманьяк» не действуют так, как премаленькая женщина! — небрежно перебирая полученные карты, цедил сидящий офицер одного из линейных батальонов, расквартированных под Оренбургом. — Вы знаете купца Д.? Биржевой игрок... Да что там игрок... Ах! Какой цветочек вырастил он в своем доме! Таких милашек я не встречал больше нигде! Встретил я их на гулянье в Зауральной роще. Поверьте — после этого и служба на ум не шла! Поразила меня их дочь своим обаянием. Как я старался хоть кем-нибудь быть представленным им... Да случай не подворачивался... Помог мне в этом наш оренбургский ветерок — налетел он внезапно, — кладя карту на стол, продолжал офицер, — сорвал с белокурой головки шляпку! Папочка не успел еще рот разинуть,

а дочка сказать «Ах!», как сорванную шляпку я с легким поклоном вручил хозяйке. Представился им. Затем—с встречал эту семейку несколько раз то на Беловке, то на главной аллее Зауральной рощи... Раскланивался с ними... Папаша покровительственно улыбался, приветствуя меня, дочка — краснела! Однажды пригласил их покататься на лодке. Получил согласие... По реке кружили часа два, болтая о всяких пустяках. В следующее воскресенье мы все опять были в лодке... Так продолжалось с месяц. Однажды я обратил внимание, что папаша рассеянно смотрел из лодки по сторонам, беседу не поддерживал, был чем—то озабочен. Попросил пристать к берегу, извинился, сошел с лодки и вверил мне этот цветочек!.. Ах! Как зарделась она, когда я впервые поцеловал ее ручку! Потом позволила поцеловать и в шейку... Остальное было делом техники! Спустя несколько дней «бои шли в глубине обороны противника, причем позиции он сдавал одну за другой, почти не сопротивляясь!»

Городисский медленно сложил свои карты, положил их перед собой на стол и, чеканя слова, произнес:

— Господин офицер! Каждому порядочному человеку понятно: то, что вы позволили себе сейчас рассказать обществу — подлость! Она заключается не столько в том, что вы завоевали доверие девицы и использовали его себе во благо, сколь в огласке ее имени! Для уважающего себя мужчины имя женщины должно быть свято, и трижды свято доверие ее! Оно не вонючая солдатская портянка, которую можно выставлять напоказ!..

— Это оскорбление! — грозно вращая глазами, бросил офицер. — Вы изволили оскорбить офицера!

Отодвинув стул, он резко встал. За его спиной, готовясь предотвратить возможные необдуманные действия, встало несколько человек.

— Таких, как вы, не оскорбляют. Их высылают в отдаленные гарнизоны, где длинный язык приносит минимальный вред не только его владельцу, но и окружающим, — беря свою инкрустированную трость, ответил Городисский. — Я постараюсь использовать все свое влияние и связи для того, чтобы вы, господин офицер, в ближайшее время любовались бы восходом или закатом солнца где—нибудь на берегах Аральского или Каспийского моря!

Адвокат встал и спокойно направился к выходу. Как говорят, спустя некоторое время этого офицера в Оренбурге не стало. Предсказание Городисского сбылось!

Меж тем не спеша он шел по Николаевской улице, свернул на Неплюевскую и зашел в церковь «Во имя Троицы», стоявшую рядом с его домом. На выходе он лицом к лицу столкнулся со своим клиентом—купцом, дело которого только что выиграл в окружном суде. Клиент пригласил адвоката посетить его дом, «откушать чая и что Бог послал». Там Городисский был представлен молодой красавице жене и встречен ею застенчивой улыбкой.

Адвокат стал желанным гостем в этом доме...

На углу Введенской и Неплюевской остановилась пролетка на «дутиках», с которой сошла молодая дама, щедро расплатилась с извозчиком и направилась к Троицкой церкви. У входа перекрестилась, огляделась вокруг и быстрым шагом подошла к дому адвоката Городисского, поднялась по ступенькам крыльца, бросила взгляд на лежавшие здесь изваяния львов, как бы стороживших вход в жилище.

Мимо крыльца с караваем хлеба под мышкой прошел Степан Вавилин — сосед адвоката. Подошел к калитке и, поднимая щеколду, взглянул на очередного посетителя, стоявшего на крыльце. Затем вошел во двор своего дома. Женщина толкнула дверь. Она оказалась не запертой — видимо даму здесь ждали. Ей навстречу поднялся хозяин дома:

— Вы пришли! И, как всегда, божественно прекрасны, подобно розе Востока. Прошу пройти в скромные апартаменты человека, преклоняющегося перед вашей неземной красотой! — подав руку, пригласил даму в дом.

Гостя пошла вслед за хозяином дома, разглядывая роспись потолков и стен. Подобно музейному экскурсоводу, господин Городисский подробно рассказывал содержание древних легенд, которым были посвящены настенные сюжеты. Обход был закончен в небольшой, уютно обставленной и располагавшей к отдыху комнате. У окна, с видом во двор, стоял изящный, с гнутыми резными ножками и художественной росписью столик в стиле Людовика XIV. Рядом — не менее изящный диван «визави». В глубине двора стоял невысокий деревянный забор, как бы разгораживающий два «поместья». За ним виднелся небольшой флигель, вросший в землю. Вход в него был со стороны Орской улицы — параллельной Неплюевской. Двор владений адвоката от соседей по бокам отделял высокий забор.

Плавным жестом, сопровождаемым легким поклоном, хозяин предложил даме присесть у стола. Усаживаясь рядом, он повернул одну из розеток на торце стола. Внутри что-то легонько щелкнуло, створки стола раскрылись, снизу плавно выплыла сервированная легкими закусками поверхность стола. В центре, в серебряном ведерке со льдом стояла бутылка шампанского...

— Ах! Господин Городисский! Но это же лишнее! — с напускным неудовольствием в голосе сказала дама. — Совсем лишнее! Боюсь, что мой приход неправильно истолкован вами!..

Адвокат, целуя ее руки, сыпал извинениями:

— Вы даже в гневе прелестны, дорогая! Обидеть вас у меня даже в мыслях не было! Я утомил вас показом моего жилища и посчитал, что небольшая передышка не может нам повредить!

— Господин Городисский! У вас все так необычно, так чудесно, просто сказочно чудесно...

— Но, сердце мое, наша экскурсия еще не завершена, — разливая по бокалам шампанское, продолжал он. — И если вы не очень утомились, хотелось показать вам еще кое-что не совсем обычное, чем я особенно горжусь!

— Это любопытно! — игриво ответила дама.

Когда с шампанским было покончено, хозяин дома предложил даме руку и продолжил показ своего жилища. По лестнице в несколько ступеней они спустились в полуподвальный этаж, подошли к двухстворчатой двери, от которой вниз вело еще несколько ступеней. Перед ее взглядом предстала какая-то тележка, стоявшая на рельсах, уходивших по тоннелю в темноту. На тележке было установлено два покрытых коврами сиденья с подлокотниками по бокам. Городисский одной рукой поднял какие-то штыри, другой нажал на высокую спинку. Она плавно стала отходить.

— С помощью этого штыря спинке кресла можно придать удобное для вас

положение, — продолжал объяснять адвокат. — Тележку эту я выписал из Берлина, — сказал он с гордостью. — В этом помог немецкий промышленник Блюм. В Россию такая тележка была отправлена впервые. Конечно, мне пришлось помочь и ему кое в чем... Двигается она с помощью электрической силы почти бесшумно. Не желаете ли прокатиться?

— А это будет не очень страшно?

— Что вы, дорогая! Я же буду рядом!

Когда с помощью хозяина дома гостя удобно устроилась на сиденье самодвижущейся тележки, Городисский сел рядом, повернул на расположенном перед ним щитке какую-то ручку. Под тележкой что-то тихо заурчало, и она плавно двинулась вперед в темноту.

— Ах! — с притворным страхом воскликнула дама...

— Не беспокойтесь! Страшного ничего не будет, — полуобняв даму, полголоса сказал адвокат. — Вы так прелестны! Ах, как вы прелестны!...

Внезапно звук, издаваемый движущейся по рельсам тележкой, замер...

— Господи! Что вы делаете? — послышалось из темноты. — О, Боже!... Что со мной будет, если об этом узнает муж?!

— Но мы не будем посвящать его в нашу маленькую тайну...

— Осторожно! Моя прическа... Вы помните платье...

Спустя некоторое время дама вышла из маленького флигеля, стоявшего на Орской улице... Оказавшись дома, хозяйка первым делом, с помощью горничной, переделалась.

— Что за прелесть этот адвокат Городисский, Настенька! Ты себе не можешь этого представить! А дом его! Это не дом, это сказка!... Повесь, пожалуйста, платье, Настенька! А сам адвокат — он не адвокат, он граф Монте-Кристо!..

— Госпожа! Как же вы ходили у господина Городисского? У вас на платье, на талии, одного крючка нет, но я его сейчас пришью...

— Пришей, пожалуйста, душечка! А ты знаешь, Настенька, как он целовал мои руки! Он был так любезен... потом стал целовать руку вот здесь. Я даже легонько стукнула его веером и направилась к выходу...

— Ах, барыня! Вы с ним так строги! А он... он изящный мужчина и такой любезный!... Нет, так вести себя с ним я бы не смогла!..

— Что я слышу, Настенька! Господин Городисский волнует и тебя? Как-нибудь, при случае, я ему об этом скажу... скажу, что он неотразим для женщин ... для всех женщин, даже для прислуги...

— Только не это, барыня! — вскрикнула зардевшаяся собеседница. — Если вы это скажете... господин Городисский Бог знает что может подумать обо мне... прошу вас, барыня, не надо!

— А вот это, Настенька, мы и попытаемся узнать! Что же он подумает, — игриво сказала барыня. — Сгораю от любопытства, от желания увидеть, как он поведет себя с тобой?..

— Но, барыня, как можно? Кто вы и кто я? И потом... если он будет целовать мои руки... я...

— В это время сердце, Настенька, будет биться так, словно захочет вырваться наружу... Но ты должна помнить... в это время ты должна быть твердой! Должна помнить, что он мужчина... а они все такие...

— Когда тебя целует такой мужчина, как можно быть твердой? — прошептала Настенька. — Я бы...

— Что «я бы»?

— Я бы... я бы, наверное, позволила ему все! Я... я крючок пришила...

Прошло несколько дней. У входной двери раздалась трель колокольчика. Настенька подбежала и открыла дверь. На крыльце стоял адвокат.

— Здравствуй, Настенька! Господа дома?

— Здравствуйте, господин Городисский! — в легком реверансе ответила зардевшаяся девушка. — Барин и барыня дома. Входите. Я доложу о вас...

После взаимных приветствий гость и хозяева дома удобно расположились за карточным столиком.

— Я зашел уведомить вас, что ваше исковое заявление к купцу Белову судом удовлетворено полностью!

— И, как всегда, с вашей помощью, господин Городисский! Вы — добрый гений нашей семьи!...

— Ты знаешь, Николая! — перебила супруга. — Впрочем, этого знать ты не можешь. Ты же тогда жил еще в Самаре. Господин адвокат и папеньке моему помог — вывел на чистую воду того противного пивовара, который тогда перед венчанием...

— Не надо преувеличивать моих скромных заслуг. То дела давно минувших дней. Что касается последнего дела — вы же знаете, что Белов — человек расторопный. Весьма расторопный! Мм-да-с! Весьма... Вот только с грамотенкой он не всегда в ладах. Правда, сметлив мужик, сметли-ив! Этого отнять у него нельзя! Никак нельзя-с! Ну, да я побеседовал с его адвокатом... нашли, конечно, общий язык...

— А скажите, господин Городисский, — перебила адвоката молодая хозяйка дома, — только, чур, откровенно — этот «общий язык» обошелся вам не очень дорого?.. Присутствующие весело рассмеялись.

— Не беспокойтесь за это!.. Но Белову некоторое время придется испытывать кое-какие затруднения, — делая ход картой, протянул адвокат. — Да и поделом ему, — с легким презрением бросил адвокат, — неграмотный мужик, а туда же!..

— Настенька! Принеси-ка нам чего-нибудь! Решение суда и старания господина адвоката стоит отметить! Там бутылочка пино-гри где-то застоялась, так ты ее нам...

Когда горничная на столике-каталке подала бутылку выдержанной массандры и фрукты к ней, быстрый и лукавый взгляд барыни заставил ее покраснеть и потупить взор. Смущенная Настенька выпорхнула из гостиной.

Наконец с вином и фруктами было покончено. Хозяин дома обратился к гостю:

— Ваше сообщение так волнует и радует меня, что я не в силах более находиться дома... Боюсь, что покажусь вам невежливым, но прошу меня извинить и ради Бога — не обижаться! Но мне теперь надо срочно быть в конторе. Время не терпит! А вы, господин Городисский, о—очень прошу, не дайте скучать жене! Еще раз, почтительнейше прошу извинить. Но дело есть дело! До встречи! Настенька! Пожалуйста, закрой за мной дверь и постарайся нашему дорогому гостю сделать что—нибудь приятное! Сообрази что—нибудь, чем можно еще гостя угостить.

Когда горничная вошла в комнату, хозяйка лукаво посматривая на Настеньку, начала разговор:

— А вы знаете, что сказала моя дорогая Настенька о вас? Она...

Продолжение этого разговора горничной дослушать не пришлось! Она вспыхнула и выбежала, закрыв лицо руками. А на следующий день...

— Настенька! Дорогая, будь добра, вот этот пакет вручи нашему другу господину Городисскому. Но ... только отдашь ему лично... Надеюсь на твою скромность... и, потом, пусть муж об этом не знает!

Через некоторое время между двух львов, лежавших по бокам крыльца, стояла приятная девичья фигурка и дергала шнур звонка. Дверь распахнулась, в проеме стоял сам адвокат.

— Ах, это вы, душечка! Входите, входите! Что там у вас?

Настенька вошла в дом и подала пакет.

— Это обождет. А вас, милочка, прошу пройти в эту комнату. Прошу!

Адвокат пропустил ее вперед себя...

— Смелее, смелее! Я не так страшен, как вам, наверное, рассказали обо мне!

Городисский подошел к окну, дернул шнур. Шторы с мягким шелестом опустились на подоконник. Полумрак в комнате не был густым и позволил гостю рассматривать всю прелесть росписи стен. Словно зачарованная, девушка сделала несколько шагов вглубь комнаты, обводя взглядом роспись. Такое видеть ей пришлось впервые! Вдруг на своей талии она ощутила руку адвоката, слегка притягивающую к нему. Кровь ударила ей в голову, сердце бешено забилося, краска залила лицо, но полумрак комнаты скрыл это.

— Милая девочка! Посмотрите на эту картину — не правда ли, она прелестна? Она символизирует...

Но Настенька почти ничего не слышала. Каким—то чувством поняла, что ее куда—то ведут, а рука адвоката по талии медленно поднималась вверх к ее груди... Разум подсказывал, что ей немедленно надо уйти. Уйти быстро и решительно. Но сделать это не было сил. Ноги словно налились свинцом... Вдруг ее шею ожег поцелуй. Все поплыло перед глазами, но она еще чувствовала, как чьи—то пальцы расстегивают пуговицы на платье. Появилось ощущение, что она проваливается в какую—то бездну. Рядом со своим лицом она увидела глаза адвоката. Хотела что—то крикнуть, но горячий поцелуй закрыл ее рот, а обнаженные плечи ощутили ласковую

прохладу кожи дивана...

Предание не донесло до наших дней, сколь часто эти дамы посещали «Дом со львами». Но однажды...

Мимо охранявших покой этого дома каменных львов по ступеням взбежал мужчина в сюртуке темно-фиолетового цвета и стал нервно дергать ручку звонка, затем начал кулаком стучать в дверь. Находившиеся в доме поняли этот стук. Без лишних слов быстро сбежали вниз. Адвокат усадил даму на тележку, показал, как выключается ее ход, и нажал рычаг. Тележка покатила в темноту. Быстро были закрыты двери в тоннель. Подходя к входной двери, спокойно спросил: «Кто там?»

— Господин Городисский! Прошу немедленно открыть дверь! Мне сказали, что к вам в дом только что зашла моя жена! Открывайте, или я ... — Договорить господин в темно-фиолетовом сюртуке не успел. Дверь была открыта, за ней стоял адвокат и грозно смотрел на непрошенного гостя.

— Милостивый государь! Вы вправе оскорблять жену любым подозрением, хотя бы потому, что она ваша жена! Но любое подозрение должно быть мотивированным. В данный момент оскорбление нанесено мне. Прошу войти в дом и предупреждаю, если у меня в доме вы не обнаружите вашей жены, я подам на вас в суд, ибо вы оскорбили меня в моем собственном доме. Извинений от такого человека, как вы, я принимать не буду! Прошу ...

Естественно, что господин в сюртуке в доме адвоката своей жены не обнаружил. Обескураженный муж ни с чем вынужден был покинуть дом адвоката, бормоча на ходу извинения, прекрасно понимая, что они ни к месту. За скандальной сценой на пороге «Дома со львами» наблюдал его сосед. Некоторое время спустя, он поведал увиденное своему соседу по дому, чьи дворы соприкасались торцами. В свою очередь тот рассказал, что видел, и не один раз, как из флигеля выходила какая-то дама, а в дверном проеме всегда стоял господин Городисский. В доме же этом жила прислуга адвоката...

Вероятно, что разгадка «секрета» дома Городисского пошла именно отсюда. Тем более, когда ревнивец муж вернулся домой, его жена сидела и мило беседовала со своей горничной. На вопрос, где она была, жена спокойно ответила: «Мы с Настенькой ходили по лавкам Гостиного двора, только что вернулись, правда, без покупок. Сегодня там все так дорого!»

И тем не менее о семейном скандале в городе узнали многие — город-то был невелик! Скомпрометированный любовник-адвокат «потерял лицо» — перестал пользоваться доверием зажиточной части клиентуры. Он был вынужден продать дом и выехать из Оренбурга. О его дальнейшей судьбе говорили всякое — что в годы первой мировой войны он погиб где-то под Перемышлем; другие утверждали, что в годы гражданской войны он эмигрировал во Францию...

Подземная электрическая тележка — легенда это или бль? Точно не знаю. Но доподлинно известно (и многим), что подземный ход между этими двумя домами был — о нем мне рассказывало несколько человек! Сохранился ли он до наших дней, тоже не знаю. Но доподлинно известно, что львам, охранявшим покой этого дома, уже в наши дни сильно не повезло: после Великой Отечественной войны некоторое время здесь располагался онкологический диспансер, пока не был построен обширный стационар. При переезде в новое здание в 1971 году некий не в меру ретивый администратор снял львов с их ложа и перенес на новое место. Говорят, что

местные краеведы заставили похищенных львов вернуть на их законное место. Так и лежат они у входа в этот дом, видевшие многое из того, что сегодня стало легендой. Но рассказать о том, чему они были свидетелями, львы не хотят, памятуя о том, что слово — серебро, а вот молчанье — золото! Поразило меня в этой легенде стремление адвоката Городисского сделать все от него зависящее, чтобы и тень подозрения не упала на даму, отдававшую сердце любимому человеку.

И все-таки спорным остается вопрос: где же в нашей стране впервые было проложено метро?

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

«Привидения» Неплюевского училища

Так случилось, что река Урал стала естественной границей между Россией и Хивинской (Азиатской) стороной. Для охраны русских поселенцев от набегов кочевых племен вдоль Урала были поставлены казачьи сторожевые станицы и посты. Многие называли их «Оренбургской пограничной линией». Для командования ими постоянно требовались офицерские кадры. Те, кого присылали из центра на «вакансии», освободившиеся офицерские должности, — были непривычны к суровым условиям жизни в этих краях: к зною летом, к непроходимым буранам — зимой. Не знали они и местных условий. Такие кадры здесь долго не задерживались, при любой возможности старались улизнуть поближе к центру, к столице...

Командные кадры нужно было готовить из людей, хорошо знавших особенности несения сторожевой службы и жизни в оренбургских степях, особенности поведения кочующих племен «хивинцев». Вот почему перед царем и сенатом неоднократно ставился вопрос о необходимости иметь в Оренбурге учебное заведение, которое готовило бы не только военные командные кадры, но и кадры военных переводчиков. Наконец в августе 1801 года военный губернатор Оренбурга Бахметев получил Высочайшее пожелание императора Александра I «поиметь в городе для детей местных дворян военное училище». Но с выполнением монаршего пожелания пришлось повременить: у города не оказалось средств для строительства. Как живуч в России до блеска многократно обкатанный чиновничий ответ: «Нет средств! Нет фондов! Сметой не предусмотрено!» и так далее, вариантов можно привести множество, успешно применяющихся и в наши дни.

Сменивший Бахметева военный губернатор, князь Волконский, выполнил волю монарха, но весьма своеобразным путем — он пригласил потомков основателя города И.И.Неплюева почтить память своего предка, при этом намекнув им, что неплохо было бы в его честь учредить в Оренбурге военное училище! Намек был понят, а Волконский получил на строительство училища стартовый капитал в размере двадцати тысяч рублей. Он немедленно представил императору его проект, который Высочайше... утвержден не был. Александру I пришлось не по вкусу то ли количество этажей, то ли форма фасада здания, то ли количество ступеней при входе. Точно не знаем. В этом больше повезло следующему военному губернатору, графу Эссену, сменившему престарелого Волконского.

2 января 1825 года Неплюевское военное училище было открыто, но размещалось оно в двух зданиях, позднее занятых женской гимназией и реальным училищем. Лишь 70 лет спустя, в 1872 году, Неплюевское военное училище перешло во вновь выстроенное здание, известное горожанам под названием 1-ый кадетский корпус. Но военным губернатором в это время был уже Н.А.Крыжановский. Училище имело два отделения — Европейское и Азиатское, каждое делилось на три класса: низший, средний и высший. Образование Неплюевского училища оставило заметный след не только в истории Оренбурга, но и в развитии культуры нашего края — оно имело свою типографию, от него берет начало наш областной краеведческий музей, в его деятельности принимали участие многие известные лица, в том числе и академик Академии художеств России Лукиан Васильевич Попов. Он был не только великолепным

художником, но и большим оригиналом. О его причудах уже при жизни ходили легенды. Лукиана Васильевича можно было встретить босым не только на улицах города, но и в стенах училища на уроках...

— Господин Попов! — как-то обратился к нему один из офицеров кадетского корпуса. — Ну как можно так ходить? Бога побойтесь! На вас же смотрят не только наши кадеты, офицеры, на вас смотрит весь Оренбург! Смотрят и зубоскалят!..

— Э-э, батенька мой! — парировал эту тираду художник. — Что смотрят на меня — в том нет греха. Пусть смотрят! Грех, что зубоскалят! А зубоскалят по неразумению своему. Земля-матушка вразумила меня живописать, и воспринимаю науку ее я только через босы ноги. Обунь-одень онучи какие — враз от земли-матушки нашей в отрыве будешь, идей кормилицы лишишься!

Появление босого художника в стенах Неплюевского училища шокировало лощеных офицеров. Не раз обращались они к начальнику училища, настойчиво рекомендуя убрать художника-босняка. Тот долго упорствовал и терпел причуды даровитого живописца. Но однажды...

— Ваше превосходительство! — обратился дежурный офицер к генералу. — Господин Попов на занятия к кадетам соизволил не явиться! И это уже, как вы знаете, не первый раз. Не смею советовать Вашему превосходительству, но офицеры считают, что к нему пора принимать самые решительные меры. Он позорит корпус!

— Знаю... Принесите-ка заготовленный приказ, я подпишу его! И, господин штабс-капитан, пошлите за ним вестового, что ли. Пусть явится ко мне.

— Разрешите, Ваше превосходительство, я приведу его сам!..

Спустя некоторое время штабс-капитан возвратился в училище, но... без художника.

— Господин штабс-капитан! Я жду художника! Где же он, не застали его?

— Так точно! Никак нет-с... то есть, ваше превосходительство...

— Ну, что вы трясетесь? Что там еще случилось? Где художник?

— Они, ваше превосходительство, на почту вызваны... Там бумага из... от Петербургской Академии художеств пришла... Их Императорское Величество изволили... присвоили ему...

— Что там еще присвоили ему?

— Звание академика Императорской Академии художеств... Их Императорское Величество Высочайше соизволили грамоту поздравительную господину Попову прислать! Их Императорское Величество Академии художеств оказывает свое монаршее покровительство... Они, господин Попов, изволят сейчас явиться к вам!

Если б в этот момент потолок упал на голову господину генералу — он был бы в меньшей растерянности. Но помогла дворцовая выучка. Генерал медленно повернулся, подошел к столу, с него взял подписанный приказ об увольнении от места художника Попова, затем четко произнес: «Императору виднее, что делать!» — и разорвал бумагу.

Не могу ручаться за точность, что все произошло именно так, но увольнение от должности господина Попова тогда не состоялось. Так утверждает народная молва. А народ напраслину городить не будет! Да! Говорят, что генерал тогда офицеру в сердцах сказал: «Не всяк босой — душой и разумом кривой! Заметьте это, господин офицер!» — и выбросил в корзину порванный приказ.

Известно также и то, что в картинной галлерее Александра III находилась картина еще одного нашего земляка, когда-то работавшего в Неплюевском — картина Гарановича «Меновой двор в г.Оренбурге».

А там и смутное время подошло, когда брат на брата, сын на отца оружие поднял... Кадетов распустили, училище закрыли. Долго ли кадетский корпус пустым стоял, про то точно сказать не могу. Но однажды, это в двадцатом году было, густой, черный дым клубящимися столбами устремился к небу. С громкими трелями колоколов, поднимая облака пыли, пожарные линейки пролетали мимо обывателей в одном направлении — к 1-ому кадетскому корпусу. Казалось, что на пожар смотреть сбежался весь город.

— Подожгли домишко-то! — бросил какой-то бородач, опираясь на клюку. — Мстят большевикам-то, видимо!

Правое крыло здания тогда выгорело дотла. Но толстенные стены выдержали напор огня и стояли непоколебимо. Огонь не взял их! В старину строить умели! Местами уцелели и межэтажные перекрытия. Позднее они-то и дали возможность заняться восстановительными работами. В тот год хлынул в Оренбург поток голодающих. На дорогах появились беспризорные дети-сироты. Позднее посчитали — их было 60 тысяч! Всех надо было где-то разместить, накормить. В спешном порядке приняли решение — восстановить огромное по масштабам города здание 1-го кадетского корпуса. Не хватало леса, гвоздей, не было стекла и других строительных материалов. Подступившие холода вынудили отказаться от полного восстановления здания. Заделали проходы на верхние этажи, восстановили только первый. К ноябрю 1921 года здесь был развернут третий детдом. Первый разместили в здании бывшей мужской гимназии, второй — в женской. А всего их в городе было семь.

Подвал «неплюевки» отвели под баню. Здесь мыли поступавших оборванцев, каждому определялась кровать и комплект чистого белья, перешитого из солдатского обмундирования.

— Элементарный уход и питание, — вспоминал в те годы один из журналистов, — быстро сделали свое дело — в здании зазвучал детский смех! Но однажды ночью в детдоме грянула «буза» — нечто вроде бунта. В причинах многоголосого мальчишечьего гама и истерического плача девчат долгое время было невозможно разобраться. Попытки их успокоить успеха не имели. Но постепенно разобрались в чем дело: на верхних этажах и по темным коридорам бродят «привидения»... Стучат, воют страшно! Воспитатели сбились с ног, как могли, успокаивали перетрусивших пацанов. Им было сказано, что сейчас же по всем этажам, где только можно будет пройти, пойдут взрослые. А на следующий день в детдоме будет дежурить вооруженная охрана. Работники детдома поднялись на второй этаж и обнаружили, что полуоторванная жестяная обшивка оконных карнизов даже при легком дуновении ветра издавала различные звуки, на которые днем никто внимания не обращал. «Буза» началась в комнатах девчат, когда кто-то из шутников-пацанов «по секрету» девчонкам сказал: «Слушайте внимательно! Ночью наверху привидения бродят да в двери

стучат!» А на прощанье «ухнул» в коридоре под их дверью... На следующий день к вечеру напряженность вновь стала нарастать — девичья половина грешила на проделки бывших кадетов, не пожелавших мирно расстаться с привилегиями, отнятыми у них революционными событиями в нашем крае. К перепуганным детям пригласили местного педагога и весельчака-балагура сторожа Фокеича. Своими рассказами о прошлом Оренбурга, о духах, привидениях и прочей чертовщине они должны были успокоить перетрусивших бунтарей...

- Привидения, духи и прочая всякая чертовщина начисто сметены революцией! — начал педагог. — Но, по преданиям старух, обитали они обычно там, где зарождалось их владение. А кадетский корпус много лет назад находился совсем не здесь. Его построили там, где до недавнего времени женская гимназия находилась — на Неплюевской улице. В честь основателя нашего города училище и улицу, на которой оно было расположено, называли Неплюевскими. И уж ежели кому надо бояться привидений и духов, так это не вам, а тем, кто занял здание бывшего военного училища... А сейчас мы сделаем так: вы сами отберете из своей компании двух-трех самых смелых девчат. Мы с ними и с Фокеичем поднимемся на верхние этажи, им покажем тех привидений, которые вам спать не дают! Договорились!?

Девчонки дружно закричали: «Нюрку возьмите! Она у нас самая смелая, она на монастырском кладбище в склепе спала, там ее и взяли! Она ни в жисть не сбоятся!»

Воспитатели, вместе с избранными «самыми смелыми» делегатами, в сопровождении сторожа Фокеича, прошли по верхним этажам. Им показали, как «ухает» привидение — полуоторванный жестяной карниз. Снизу вновь раздались крики испуганных «постояльцев»...

- Ну и дуры мы все! — заявила вернувшаяся Нюрка. — Теперь сама видела, как «ухает» это чудище! Не-е! На кладбище в склепе страшней было! Лежишь там ночью и слу-уша-ешь... Где-нибудь дверь или железка какая скрипнет — душа заходит, со страха дышать не могла. Потом ничего, пообвыкла... Да и днем окрест все обошла, обсмотрела все кругом. Потом на слух определяла, где и что скрипит... А тут!... Дуры мы все, пацаны нас напугали... Ну, ничего! Мы им придумает каку-никаку подлянку! Они у нас еще за свои трусы держаться будут. Со страху!..

Нюрку перебил Фокеич: «Нюшка-то того, права она! Как есть права! Ноне разве привидения? Так себе, разве че страх один на малолеток нагонять могут... Вот старики сказывали — ране в Оренбурге оборотни водились. Те пострашнее привидений были! Место облюбують какое — ни в жисть их оттеля не выкуришь. Таких мест два: наши мужики да бабы боялись. Одно возля вокзалу, в канаве... Ну, про то я токма слушок слыхивал. А вот другое — возля Беловской тюрьмы было. Тогды солдатом молодым еще был... Упорно слух тревожил людей, что вкруг тюрьмы оборотень бродит. Чуть стемнеет — он тут как тут... Дошел тот слушок и до нас. Стражником в тюрьме я тогда был. Боялись ночью мы в караул иттить... Ну, вот, значить, стою я на вышке, смотрю то во двор тюрьмы, то наружу... Темнеть стало... Во дворе фонарь зажгли. Глянул наружу — а по-над стеной вроде оборотень крадется... Я как гаркну во двор: «Ва-ашь бродь! По-над стеной оборотень бродит! Во-он туды попер!»

Офицер, выпускник нашего кадетского корпуса был, приказал двум солдатам при оружии догнать проклятущего! В погоню бросился и сам... Загнали они того оборотня в лужу, каких в те годы в городе много было. Тот в ней и

застрял! Бросился офицер в лужу к оборотню, схватить его спытался, а тот как хрюкнет, прыгнет да наутек в соседний двор! Свиньей соседской тот оборотень оказался!

Сменили меня с поста, стал быть... Прихожу в казарму, а там тот офицер сидит, морда презлю-ющая!.. Скамья рядом длинная приставлена. Ну, думаю, пороть сей момент меня будут! А офицер мне так это ла-асково: «Скидавай портки, сукин ты сын! Да вот извольте на скамеечку брюхом вниз!..» Позор-то какой, думаю! А сам портки-то потихоньку сдергиваю. Да как взмолюсь: «Ваш бродь! Смилуйся, Богом прошу! Век буду помнить доброту...» А солдаты вокруг меня стоят, смеются да к скамье подталкивают полегонечку. Ну, смиловал меня тоди офицер!»

Помолчал старик немного, потом продолжил:

— А вы, девоньки, говорите — «приви-идения!» Оборотни-то пострашнее были...

Взрыв смеха слушателей прервал Фокеича. Он выждал немного, достал кисет, а сам через густые брови посмотрел на хохотавших пацанов да и говорит: «Есть у меня тута ноне идеяка одна-ть... Мабыть споймать нам тута привиденьице одно, сбросить портки евойные, да тож, всыпать этак розог двадцать пять-тридцать в то место, како самому не видно, а другу показать стыдно? А, споймаем?»

Стекла комнаты вновь зазвенели от смеха детворы, напряженности как не бывало, только два пацана почему-то не смеялись, отвернув головы в сторону...

Меж тем молва о «привидениях» и «духах» Неплюевского корпуса разошлась по всему городу и долго будоражила умы горожан. Именно поэтому, наверное, после ликвидации детского дома здание долго пустовало. Занимать никто не хотел! Да и ремонт солидный был нужен. Позднее передали его военным. Восстановили. В годы Великой Отечественной войны его заняли воспитанники Сталинградского суворовского училища. Они его школе-интернату передали. В наши дни там студенты-медики занимаются. Третьим корпусом медицинского института он стал. В подвале, где детей когда-то от вшей и грязи отмывали, оборудовали студенты самодеятельный театр. «Горицвет» называется. Говорят, очень даже хороший театр! С молодым задором и медицинским юмором выступают. Вот только билетов туда я так и не достал! Жаль, конечно, но мне сказали, что билеты даже не всем студентам достаются. Желающих много! Это хорошо!

О том, что происходило в стенах 1-го кадетского корпуса, рассказала нам, тогда еще пацанам-малолеткам, домработница наших хороших знакомых. В этом рассказе я вывел ее под именем Нюрки. Жива ли она сейчас — не знаю. Но хорошо запомнился ее рассказ о ночах, проведенных в склепах монастырского кладбища. О тех испытаниях, которым они подвергали всяк входящего в их отряд новичка. С каким ужасом вспоминала она те годы! У новогодней елки мы тогда сидели...

Ну, а на кладбище ночевать приходилось и мне. Но про то — совсем другой рассказ!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Боль моя — «Тополя»

Сколько себя помню, все свободное время, вместе с семьей, проводил в городском саду, оренбуржцам известным как сад «Тополя», именуемый официально садом имени Карла Либкнехта. Когда-то он был тенистым, в котором в самое жаркое время дня, когда нещадно пекло солнце, всегда можно было найти спасительную тень, прохладу и свободную скамейку.

До пятого класса я учился в двадцать шестой школе, расположенной на задах «Тополей» по улице Проезд Коммунаров. Вся школа большие перемены проводила в этом саду.

От входа, с улицы Постникова к центральному фонтану, вела широкая прямая аллея. По ее оси были разбиты газоны с цветами, как бы регулировавшие людской поток на «туда» и «обратно». Минуя фонтан, расположенный на центральной круглой площади, вы упирались в музыкальную «раковину». По вечерам в ней играл духовой оркестр. От центральной вправо и влево отходили более узкие аллеи. Правые вела: одна — к танцплощадке, огороженной трехметровым деревянным забором, вторая — к летнему полтораэтажному деревянному ресторану, зимой трансформируемому в раздевалку для тех, кто пришел сюда с коньками. Каток заливали по центральной аллее и на площади вокруг фонтана.

Справа от него была расположена огороженная летняя эстрада, на которой «не брезговали» давать концерты заезжие и приглашенные знаменитости. Помню, еще перед войной, всей семьей пошли на концерт входившего тогда в моду молодого Леонида Утесова. Детская память сохранила причудливо расположенные в виде «лиры» тарелки на барабане ударника, публику, неистово требовавшую от Утесова исполнить полюбившийся им номер. Зрители упростили его исполнить блатную песенку «Мурка», запрещенную официальными властями для публичного исполнения. Утесов исполнил ее на «бис», но на следующий день его концерты были отменены решением городских властей.

Долго потом со смехом вспоминал отец этот концерт, повторяя при этом: «А здорово наш Васька расправился с утесовской «Муркой»!»

Слева от фонтана находился летний театр, целиком построенный из дерева. Кроме партера, музыкальной ямы, в нем были ложи первого и второго яруса, балкон. По бокам театра шли открытые террасы, с которых зритель входил в шестиместные ложи и на балкон. На подмостках этого театра выступали Куйбышевский и Ташкентский оперные театры. Наш Областной театр музыкальной комедии практически каждое лето играл здесь, свое здание уступая приезжавшим «гостям». Здесь я впервые прослушал оперу. Тогда давали «Ивана Сусанина». Выступали и другие творческие коллективы, но их имена моя память не сохранила. Рядом с театром стоял буфет-пяточок, где постоянно по вечерам продавалось пиво, а днем — прохладительные напитки. Отстояв очередь за трехлитровым графином пива, можно было сесть за столик, не спеша потягивая тонизирующий напиток, слушать концерт или оперу, так как деревянные стены театра не являлись звуковой преградой.

Всегда было людно около пневматического тира. Присутствующим любил показывать свое стрелковое мастерство подполковник милиции Греков, больше известный в городе по прозвищу «Борода». Там, где стояли мишени, он просил поставить в ряд пять папиросок и меткими выстрелами

сбивал их.

В то время я учился в Куйбышевском индустриальном институте, на каникулы приезжал домой. Занимаясь в стрелковом клубе, «выстучал» по пистолету и винтовке первый спортивный разряд. Однажды, когда Греков стал целиться, я не вытерпел и первым нажал на спусковой крючок — папироска отлетела в сторону... Он резко выпрямился, посмотрел вправо от себя, но там стрелки еще держали винтовки в руках и целились. Я, с невинным видом, перезаряжал свою.

— Кто такой? — резко спросил меня Греков, вычислив «виновника».

— Студент из Куйбышева...

— Хорошо стреляешь. Молодец! А вот так сможешь? — Греков повернулся к мишеням спиной, винтовку положил на плечо, на ее приклад поставил маленькое зеркальце, прицелился и выстрелил. Папироска отлетела в сторону.

— Так не смогу, — сдался я...

Потом многие годы, при встрече, мы здоровались, улыбаясь друг другу. Когда Греков был в саду — хулиганью там делать было нечего. Его знал весь город! О его делах, поступках, личной жизни ходили легенды!

Помню в «Тополях» один праздник с фейерверком. Тогда пиротехники постарались на различные аттракционы с «сюрпризами»! — были там и «чертово колесо», и «змейки», «лягушки», своими взрывами вызывавшие притворный ужас у женщин. Но самым эффектным считаю трюк «Полет ракеты»! От главного входа к фонтану, вдоль центральной аллеи, натянули тонкий трос, не видный на фоне ночного неба. В самом конце красочного зрелища, когда все «вертушки» стали угасать, а зрители потянулись к выходу, навстречу им от центрального входа в сад, разбрасывая снопы искр, устремилась низко летящая ракета. Впечатление было такое, что ракета летит именно в тебя! У кого нервы были послабее — отпрыгивали с криком в сторону. Ракета долетала до фонтана и там как будто бы угасала. Но секунды через три (сработал замедлитель), с еще большим треском, она устремлялась в обратную сторону — к центральному входу...

В наши дни сад, заложенный еще в 1852 году садовником Павлом Лебедевым, сад, в котором, по рассказам старожилов, выступал Федор Шаляпин, сад, некогда бывший любимейшим местом отдыха наших горожан, практически уничтожен! Не стало в нем летнего театра, эстрады, ресторана, «пяточка», так же, как и пива (даю возможность критикам «обрушиться» на меня). Деревья, дававшие спасительную тень, безжалостно вырублены...

А где же легенда, обещанная автором в самом начале книги? Здесь только воспоминания и ностальгия по прошлому! Сейчас будет и легенда.

По официальной версии, «в саду проведена омолаживающая вырубка с посадкой молодых деревьев». Воткнуты прутья, которые превратятся в деревья этак лет через двадцать. А пока, горожанин, дыши знойным и пыльным воздухом, глядя на расплавленный жарой асфальт дорожек.

По слухам, какое-то официальное лицо (или лица) хотело на месте сада возвести административное здание, но, встретив дружное возмущение горожан, от своей затеи отказалось.

Этот слух — всего лишь легенда. Но сада не стало!

Тем не менее хотелось бы знать имена тех, кто своим бездумным приказом позволил уничтожить «Тополя», дававшие степному городу не только прохладу, но и так нужный всем нам кислород. Хотелось бы знать и тех, по чьей злой воле уничтожены Казанский кафедральный собор, построенный на средства, собранные по всей России, Преображенский «золотой» храм, женский монастырь, построенный по проекту архитектора Константина Кона — автора храма Христа Спасителя в Москве. Уничтожено то, что создавало когда-то неповторимый облик нашему городу! Вандализм не должен повториться никогда! Сооруженное здание, памятник архитектуры и зодчества — это творение рук человека, это наша история. Она принадлежит всем и не должна зависеть от сиюминутных политических взглядов и течений!

Я предлагаю: на самом людном месте в городе установить две стелы. На одной помещать имена тех, кто много полезного сделал для нашего города и его жителей, начиная с Неплюева, Эссена, Перовского, Крыжановского и кончая нашими современниками.

На второй — в назидание потомкам и любителям необдуманных решений — имена тех, кто городу нанес наибольший ущерб, имена тех, кто любит обещать, а не выполнять!

Пусть думают, что творят!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

История со шляпой или про «Оренбургский каравай»

Покупатель с причудами

В анналы истории нашего города вошла еще одна легенда, ходившая в пятидесятых годах. Вот она.

На должность первого секретаря обкома партии в Оренбург 19 декабря 1955 года был прислан Дмитрий Степанович Полянский. Человек средних лет и, как выяснилось позднее, весьма энергичный. Его предшественник, Корчагин, оставлял тяжелое наследство — полки магазинов были пусты, но просить помощи у «Центра» он не решался. В народе ходил такой слух: по установившемуся в те годы обычаю, при передаче дел одним секретарем обкома другому устраивался прощальный банкет. Полянский как будто дал команду — на банкетный стол выставить только то, что было на полках гастрономов города. Так ли это было на самом деле? Утверждать не берусь, на том банкете меня не было. Но случай, о котором пришлось неоднократно слышать от разных лиц с удивительно сходными подробностями даже в деталях, стоит того, чтоб о нем рассказать.

Нового секретаря обкома в городе пока мало кто знал в лицо. У него же была, на мой взгляд, характерная и положительная особенность: в отличие от многих других секретарей он любил лично, «изнутри», изучить вопрос, который предстояло обсудить на бюро обкома.

... В гастроном №2, что на Советской улице, зашел сухощавый, чуть выше среднего роста мужчина в демисезонном пальто и в шляпе на голове. Не спеша обошел все витрины со скупой выставленными в них образцами товаров. Остановился возле той, где демонстрировалась вермишель с объявлением: «Товар отпускается в тару покупателя». Прочитал. Посмотрел на цену, подошел к кассе, оплатил килограмм и подал чек продавцу. Бойко завесив вермишель и держа на вытянутых руках пластмассовый тазик, она спросила:

— Гражданин! Надеюсь, что вы умеете читать? — и подбородком указала на объявление.

— А что, магазин действительно не имеет ни пакетов, ни упаковочной бумаги?

— Ты что, мужик, приезжий аль с луны свалился? Или только прикидываешься? Бумаги давно нет, и не только у нас! Не задерживай работу! Во что сыпать будем?

Мужчина снял с головы шляпу, поставил ее рядом с весами и сказал:

— Сыпайте сюда!

Озорно сверкнув глазами, продавщица сказала, что за ней «не станет и не заржавеет, а высыпать вермишель сможет в шляпу даже без смеха!»

— Сыпайте!

С милой улыбкой она высыпала покупку в его шляпу. Тот же, завернув поля шляпы, сказал: «Спасибо!» — и вышел из гастронома.

— Любка! Видела? Шизик какой-то интеллигентный вермишель в шляпу взял!

Покупателем был Полянский.

А бумага-то была. На складе

Помощник первого секретаря обкома вышел в приемную и пригласил всех прибывших заходить в рабочий кабинет. Вошедшие «по рангу» рассаживались за длинным столом, у торца которого стояла перевернутая шляпа, прикрытая газетой. Среди приглашенных незнакомых не было — все друг друга знали много лет по совместной работе в торговле. Были здесь директора всех крупных гастрономов города, «завы» и «замы» отделами торговли, начальники складов и баз.

— Прошу вас, товарищи ответработники, ответить только на один вопрос: «Что это такое?» — и Полянский снял газету со шляпы.

Перед взглядом присутствующих предстала «вермишель в шляпе»! Приглашенные, вытянув шеи, глядели на диво в шляпе, пытаясь угадать, куда клонит хозяин кабинета. Те, что были посмелее, подошли даже поближе...

— В шляпе вермишель. Артикул номер... ориентировочный вес — около килограмма. А что, недовес? И на много? Может быть, допущен обсчет? Где? Могли и цену ошибочно завесить. Такие ошибки, к сожалению, у нас в торговле иногда встречаются...

— Меня интересует не артикул, не цена и даже не обсчет-обвес, не вероятность завышения стоимости, что бывает не «иногда». Меня интересует культура местной торговли. Работники аппарата обкома проверили на складах и базах города наличие упаковочной бумаги и пакетов. Она там есть, но в магазинах почему-то отсутствует. Директор гастронома №2 здесь?

— Здесь, Дмитрий Степанович!

— Как давно вашим магазином товары отпускаются «в тару покупателя»?

— Около месяца...

— Стоимость упаковки в торговые наценки входит? «Экономите» за счет кармана и кошелька покупателя?

— Так мы что... заявки давно поданы, не дают...

— Сегодня у нас с вами состоялась первая встреча. Предупреждаю, что при такой работе и отношении к порученному делу для некоторых эта встреча может оказаться последней. До крайностей не доводите. Прошу запомнить впредь — есть на складе, но нет в магазине, на прилавке, — и Полянский обвел взглядом присутствующих, — с нерадивыми, нерасторопными будем решительно прощаться. И немедленно! На сегодня все. Собрание закончено. До свидания...

На следующий день в магазинах города появилась и упаковочная бумага, и пакеты для расфасовки сыпучих товаров. А спустя несколько дней Полянский пригласил директоров ресторанов, наиболее крупных столовых, шеф-поваров, руководителей хлебобулочных и кондитерских комбинатов.

— Товарищи! — обратился он к ним. — Каждый из вас, я думаю, не раз бывал

в других городах. Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что во многих из них в столовых и ресторанах есть свои «фирменные» блюда: биточки «полтавские», котлеты «киевские», суп «ленинградский» и так далее. Мне хотелось бы, чтоб Оренбург славен был бы не только своими пуховыми платками, пшеницей, своей легированной сталью. Пусть будут известны и ваши фирменные блюда, характерные только для вашего ресторана или столовой. Мы будем устраивать конкурсы на лучшее фирменное блюдо. Авторы—создателей будем поощрять! Прошу вас раз в десять дней приносить ко мне пробу—образцы созданного, разработанных и выпускаемых вами блюд, закусок, изделий...

И как ни удивительно, но предложение Полянского укоренилось, вошло в традицию. Но то было не просто «снятие пробы», секретарю обкома могли принести и специально для него приготовленное блюдо, — все проверялось на местах и сравнивалось с образцом. К сожалению, эта традиция заглохла при следующем секретаре обкома. Это дело он передоверил другим лицам...

Рождение «Оренбургского каравая»

Однажды на очередной прием работников общепита пришел человек — о которых с легким юмором говорят «выше средней упитанности», — ниже среднего роста, с пышными, закрывавшими добрую половину лица черными усами «под Буденного». В его руках была плетеная корзина, из которой выглядывали два листа толстой фанеры и что-то еще, тщательно укрытое вышитыми полотенцами. Когда очередь дошла отчитываться о проделанной работе до него, «усатый» — так будем именовать его впредь — встал и обратился к секретарю обкома: «Дмитрий Степанович! Мы тут... я тут кое-что принес... Извините, забыл представиться. Я директор хлебобулочного комбината. Во-он он из окна вашего кабинета виден, точнее не он, а труба от него... Во-он она, позади здания областного суда...

— Да вы не волнуйтесь, слушаем вас!

— Но сначала разрешите, я вот сюда стульчик поставлю. Так будет лучше видно всем... Так вот, хочу показать образец хлеба нашего. И не только его. Отец мой был потомственным хлебопеком. Он показывал нам, тогда пацанам, как настоящий хлеб испытывать надо. В старину так делали... Уж прошу меня извинить, коль что-то необычным покажется. Но было так!

Пока «усатый» говорил все это, на середину кабинета был поставлен стул, из корзины вынут один лист фанеры, застелен полотенцем, на него был положен высокий круглый хлеб, раза в два превосходящий по размерам традиционно находившийся в продаже. Сверху каравай был прикрыт вторым полотенцем, на которое был уложен второй лист фанеры. Со словами «прошу извинить» толстяк медленно стал садиться на верхний лист фанеры...

Присутствующие с улыбками переглядывались друг с другом, но молчали... Наконец «усатый» сел на фанеру окончательно и, чтоб убедить присутствующих, что он не хитрит, вытянул вперед ноги, затем встал, снял фанеру, уложил ее в корзину, снял полотенце — и... на глазах изумленных зрителей, не в сказке, а наяву, смятый каравай стал медленно подниматься, приобретая свой первоначальный вид и форму...

— Вы уж извините, чуток тут насорил, но...

— Да вы просто волшебник! Чародей! — перебил его Полянский. — Всякое за свою жизнь приходилось видеть, но такое — впервые! Молодец! Что это за

хлеб? Выпекать его долго? Именно такой хлеб нужен горожанам! А он дороже намного получится? — вопросы сыпались, как горох из худого мешка.

Наконец Дмитрий Степанович остановился и сел за стол, все еще покачивая от удивления головой:

— Теперь слушаем вас. Только прошу — как можно подробнее. Технология, рецептура, сколько в сутки выпекать сможете? Что для этого требуется? Словом, все как «на духу» и ничего не утаивая...

По словам директора комбината, для выпечки такого хлеба подходит мука только определенного сорта. Выпекать много не смогут. Комбинат-то в бывшем молельном доме раскольников разместился. Мощности печей невелики. Для пробы-образца муку и все необходимое по рецептуре самолично достал. Решил опробовать почти забытый рецепт, в наследство переданный еще дедом... Но если комбинат получит «добро», а к нему муку и все прочее необходимое, выпечку наладят быстро. Вот только цена за один каравай будет значительно выше — копеек шестьдесят за штуку...

— Получите все! А хлеб этот назовем «Оренбургский каравай» да продавать будем его в сувенирных коробках! Вот это будет «фирма»!

Так на прилавках хлебных магазинов появился и сразу завоевал популярность шестидесятикопеечный «Оренбургский каравай». В магазинах он не залеживался, за ним постоянно были очереди. Хорош он был, особенно в первое время!

А все началось со шляпы с вермишелью, о которой с юмором рассказала мне бывший главный бухгалтер гастронома № 2 Вера Михайловна Лебедева!

Так ли все это было на самом деле? Говорю честно — не знаю. Но таким я слышал неоднократно рассказы о Полянском и об «Оренбургском каравае». Такова была легенда. Где правда, где в ней вымысел — решать вам!

[\[назад\]](#)[\[вперед\]](#)

Приложение

Список оренбургских губернаторов

1. Начальники оренбургской экспедиции
 1. Иван Кириллович Кириллов (1734–1737)
 2. Василий Николаевич Татищев (1737–1739)
 3. Князь Василий Алексеевич Урусов (1739–1741)
2. Оренбургские губернаторы
 1. Иван Иванович Неплюев (1742–1758)
 2. Афанасий Романович Давыдов (1758–1762)
 3. Дмитрий Васильевич Волков (1763–1764)
 4. Князь Авраам Артамонович Путятин (1764–1768)
 5. Иван Андреевич Рейнсдорп (1768–1781)
3. Симбирские и уфимские губернаторы
 1. Иван Варфоломеевич Якоби (1781–1782)
 2. Ахим Иванович Апухтин (1782–1784)
 3. Барон Осип Андреевич Ингельстром (1784–1792)
 4. Александр Александрович Пеутлинг (1792–1794)
 5. Сергей Кузьмич Вязмитинов (1795–1796)
4. Оренбургские военные губернаторы
 1. Барон Осип Андреевич Ингельстром (1796–1798)
 2. Николай Николаевич Бахметев (1798–1803)
 3. Князь Григорий Семенович Волконский (1803–1817)
 4. Граф Петр Кириллович Эссен (1817–1830)
 5. Граф Павел Петрович Сухтелен (1830–1833)
 6. Василий Алексеевич Перовский (1833–1842)
 7. Владимир Афанасьевич Обручев (1842–1851)
5. Оренбургские и самарские генерал–губернаторы
 1. Граф Василий Алексеевич Перовский (1851–1857)
 2. Александр Андреевич Катенин (1857–1860)
 3. Александр Павлович Безак (1860–1864)
 4. Николай Андреевич Крыжановский (1864–1881)

С 1881 года Оренбургской губернией стали управлять гражданские губернаторы, из которых первым был Михаил Иванович Астафьев.

Церкви, монастыри, мечети

1. Преображенская церковь. Однопрестольная. Основана в 1750 г., находилась на высоком берегу Урала, позади гауптвахты. До 1859 г. считалась летним храмом, в народе прозванным «золотым». Кафедральный собор до 1895 г. 27 июля 1891 г. ее посетил будущий император России Николай Александрович Романов.
2. Введенская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1752 г. Стояла также на набережной Урала, от нее брала начало б.Введенская (ныне ул. 9–го января) улица. Считалась зимним храмом, народом прозванным «зеленым». До 1895 г. считалась кафедральным собором. В 1891 г. синодом обращена в приходскую.
3. Георгиевская церковь. Основана в 1756 г. И.И.Неплюевым, находилась в Форштадте. С 1891 г. — Оренбургский войсковой собор. По преданиям, здесь хранились знамена, захваченные Оренбургским казачьим войском в боях у своих противников.
4. Троицкая церковь. Трехпрестольная. Основана, по некоторым данным, в 1774 году в честь освобождения города от осады войсками Пугачева.

5. Вознесенская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1784 г. Находилась над воротами при въезде в Гостиный двор со стороны б.Николаевской (ныне Советской) улицы, потому называлась «надвратной». В 1845 г. была реконструирована.
6. Петропавловская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1757 г. Дважды страдала от пожаров и восстанавливалась вновь. Церковь для военных. В ее ограде был похоронен генерал–губернатор Сухтелен. Находилась на том месте, где ныне скверик им.П.Осипенко, народом прозванный по фонтану «Лягушки».
7. Кладбищенская церковь. Однопрестольная. Основана в 1847 г. вблизи женского монастыря, в районе ул.Аксакова на средства купца Еникуцева.
8. Покровская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1853 г. на средства купца Деева.
9. Воскресенская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1856 г. на средства вдовы Т.И.Приезжевой.
10. Никольская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1886 г. на средства прихожан–казаков. Ныне действующая.
11. Димитриевская церковь. Трехпрестольная. Основана в 1890 г. на средства братьев купцов Д.и Ф.Дегтяревых.
12. Знаменская единоверческая. Основана в 1892 г. на средства купца М.Пупышева. При церкви имелась церковноприходская школа.
13. Пантелеймоновская церковь. Однопрестольная. Основана в 1893 г. в Зауральной роще на средства дачников. Летняя.
14. Казанско–Богородицкий собор. Освящен как кафедральный в 1895 г. Построен по инициативе последнего оренбургского военного губернатора Н.А.Крыжановского на средства, собранные по всей России. Был уникален по своей красоте, придавал городу неповторимый облик. Стоял на месте фонтана у Дома Советов.
15. Захарие–Елизаветинская. Однопрестольная. Летняя. Находилась на Меновом дворе. Основана в 1757 г.
16. Успенский женский монастырь, построенный в 1868 г. по проекту профессора архитектуры Константина Кона, автора проектов Большого Кремлевского дворца и Храма Христа Спасителя в Москве. В монастыре имелись: детский приют, женская церковно приходская школа, иконописная мастерская, золотошвейная мастерская. Находился в районе улиц Аксакова— Выставочная.
17. Богодуховский мужской монастырь. Основан в 1867 г. на Маяке. Имел изящную Иоанно–Предтеченскую церковь, построенную в мавританском стиле.
18. В 14–15 км от города, на берегу речки Каргалки, в 1895 г. был основан Успенско–Макарьевский мужской монастырь. Иногда его называли «Мещеряковским», по имени купца Мещерякова, давшего на его постройку около 300 тысяч рублей.
19. Католический костел. Основан в 1847 г. Находился на ул.8–го Марта на месте, занимаемом ныне обувной фабрикой.
20. Лютеранская кирха. Основана в 1772 г. Ныне на этом месте находится 1–ый корпус медицинского института.

Кроме вышеперечисленных, в разных местах города находилось еще около пяти церквей, порядка двадцати домовых, два монастыря.

В разных местах города имелись молельные дома сектантов, раскольников. Наибольшей известностью среди них пользовался молельный дом раскольников, известных под именем «австрийцев». Он размещался на б.Мало–Дворянской улице (Мало–Матросский пер.), в частном доме Крюкова, находившемся на задах окружного суда.

Имелось 7 мусульманских мечетей, из которых до наших дней дошло

полностью или частично — шесть.

Имелись две почти рядом расположенные еврейские синагоги.

[\[назад\]](#) [\[вперед\]](#)